

Телегина Галина Ивановна

ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

(Воспоминания томички 1913 г. рождения)

ТОМСК. 2004

Содержание

Часть I	4
О родителях.....	4
Мое далекое детство.....	6
1919 год. Отъезд в деревню.....	14
Наша жизнь в Богдановке.....	16
Новониколаевск.....	30
Опять в Томске.....	32
Тимирязевский проспект – наш общий двор.....	34
Часть II	36
Томск студенческий. Улица Почтамтская. Отрочество.....	36
Памятные мне храмы Томска.....	40
На пороге юности. Нас окружавшие вещи.....	40
Институт доктора Штамова.....	41
Деевы.....	42
Дела семейные.....	44
И снова о Деевых.....	47
Наши девичьи шалости.....	48
Конец нэпа.....	49
Гиляровы и некоторые подробности нашего быта.....	50
В Томском коммунально-строительном техникуме.....	52
Эхо коллективизации.....	54
А.В. Волконский.....	55
Еще немного о томском периоде учебы в техникуме.....	56
Встречи на томских скамейках.....	57
Праздники Пасхи в Томске.....	58
Продолжение учебы в Новосибирске. Трест «Сантехмонтаж».....	58
Новосибирск строится. Архитектор Б.А. Алексеев – мой будущий муж.....	65
Брат Витя. У меня нет пальто.....	66
Окончание техникума. Начало трудовой деятельности в проектно-институте «Сибстройпуть».....	67
Замужество. Рождение Марты.....	68
«Ураган» 1937 года в Новосибирске.....	69
Часть III	70
1937 год.....	70
1938 год. Мы вынужденно покинули Новосибирск. Жизнь в Новороссийске.....	73
1939-1940 годы. Томск. Рождение Греты. «Великое» переселение в Новороссийск.....	75
Арест Бориса. Возвращение в Томск.....	77
Война. Работа в Горпроекте.....	78
Ставни для квартиры семьи Берии.....	83
Тяготы военного лихолетья.....	84
Вспоминая Бориса.....	86
Война продолжается.....	87
Аркадий Гитлиц.....	89
И еще несколько сюжетов из военного времени.....	91
Война кончилась!.....	92
В ОКСе Томского электромеханического завода.....	93
Строительство Дома культуры ТЭМЗа.....	99
«Дело врачей» и смерть Сталина.....	101

Часть IV	101
Советские 1950-1960-ые годы. Работа в «Промстрое»	101
О детях сестры Нади	103
О моих дочерях	105
В годы хрущевского правления	106
Моя работа в СУ-3	108
Размышления пенсионерки.	109
Грета.....	110
Потери близких.....	112
Марта	113
Поездка в Трусковец	113
Марта выходит замуж. Внук Кирюша.....	115
Поездка в Германию.....	118
Грета и её дочки.....	125
Про Кирюшу, Марту и Леню.....	127
Мозаика впечатлений последних лет	130

Воспоминания о своей жизни, жизни своих родных – близких людей, а также о событиях, которые нас сопровождали и которые запомнились

*Настоящее уныло,
Что прошло,
То стало мило...
(А.С. Пушкин)*

Часть I

О родителях

Родителей не выбирают. Но если бы такая возможность была, я бы выбрала именно их, невзирая на их недостатки, ведь они дали мне жизнь. Мой отец, Сафронов Никита Раулович, и мать, Александра Яковлевна, приехали в Томск в начале XX века из Орловской губернии, села Толмачево Кромского уезда. Там они родились и жили до переезда в Сибирь. Отец 1878 года рождения, мать – 1880 года. Виновником их переезда был дядя мамы – Игнат Сорокин, который ранее был сослан в Томск. Он обжился в Томске, имел свой извоз. Написал на родину своей сестре Аксинье (матери моей мамы) письмо, в котором описывал, что в Сибири рай и если имеешь руки и голову на плечах, то жить здесь можно припеваючи. Мои родители «клюнули» на этот «рай» и приехали в Томск. Сначала жили у дяди, а затем сняли квартиру. В те времена квартир много сдавалось.

Причиной отъезда моих родителей в Сибирь было то, что родители отца (особенно мать) были против его женитьбы на моей маме. Вся отцовская семья была крепостной у орловского помещика. Дед мой, Раул, был сапожником и музыкантом. Он играл на скрипке и гармонии в оркестре у помещика. Сапожному ремеслу и игре на музыкальных инструментах он был обучен еще в детстве в помещичьей семье. Бабушка моя по отцу была дочерью священника. У родителей отца было трое сыновей: Марп, Александр, Никита и дочь Дарья. Сыновья тоже были сапожниками и тоже играли на тех же музыкальных инструментах. Все были высокими, статными, красивыми. Я, правда, никого из родственников отца не видела, сужу по фотографиям и рассказам мамы. Дочь Дарью родители силком выдали замуж за соседского помещика. Как-то крестьяне подожгли усадьбу этого помещика, и Дарья сгорела вместе со своим постылым мужем. Об этом мне тоже рассказывала мама.

Мама моя из бедной семьи. Жила с матерью (моей бабушкой Аксиньей) в небольшом доме с земляным полом, но, как мама вспоминала, в их доме всегда было очень чисто и уютно, лучше, чем у других в горницах. Бабушка Аксинья шила какие-то поддевки и этим зарабатывала на жизнь. Девичья фамилия мамы по отцу – Абрамушкина. С отцом у её матери жизнь не сложилась по религиозным мотивам. Семья Абрамушкиных была староверческой, и они склоняли бабушку перейти в их веру, принять их обычаи, но она не согласилась, и семья распалась. Когда я спрашивала маму о судьбе её отца, она сказала, что его «азиаты» задушили, когда он охранял чей-то фруктовый сад. Какие «азиаты», и где это было, она не знала. Что слышала от людей в детстве, то и говорила. Когда мама, будучи еще маленькой, просилась у матери в школу, та ей сказала: «Тебе замуж за писаря не выходить, обойдешься и без школы». Страшные слова! Свою родину она называла «Россея». Маму очень угнетала собственная неграмотность. Позднее она мне говорила: «Доченька, ведь я как слепая». Но мама была умной и мудрой женщиной, чего часто не бывает у грамотных. Правда в пословице говорится: «Дуракам и грамота вредна».

Мама выходила замуж дважды. Первый раз она обвенчалась с моряком Иваном Телегиным. Он увез её в Одессу. И поскольку у моряков дом – это корабль, то и жили они

на корабле. Затем, когда муж отправился в плавание, мама вернулась в свою деревню, и через какое-то время вторично вышла замуж за моего отца Никиту Сафронова. Почему она не стала ждать своего моряка, я теперь никогда не узнаю. Нужно было раньше спрашивать. Когда мама мне рассказывала про свою коротенькую жизнь в Одессе, она вспоминала Потемкинскую лестницу, которая произвела на неё незабываемое впечатление. Возможно, что ничего она больше, кроме этой лестницы, в Одессе и не видела.

Как я уже сказала, все родные отца были против его женитьбы на маме. Но она была хороша собой и любима, и он пренебрег мнением родных, женился на маме, и они уехали в Сибирь. Так как мама была повенчана с другим – Иваном Телегиным, то продолжала носить фамилию «Телегина», а брак с отцом моим считался у них гражданским.

Мама рассказывала, что когда они ехали в Сибирь, она любовалась, глядя в окно вагона, на сибирскую природу. Таких лесов на её родине, на Орловщине, не было. Но вначале её напугали крепкие сибирские морозы. А морозы были такие, как рассказывала мама, что воробьи замертво падали и гибли от холода. И вот такой деликатный момент: деревенские женщины в те времена не носили ни рейтузов, ни даже трусов, а носили только нижние юбки, по несколько штук. Вот так и одевалась моя мама, живя в Сибири, не изменяла деревенскому обычаю. При этом зимой ходила на речку белье полоскать и говорила, что совсем не мерзла. В одной из телепередач «Большая стирка» говорилось, что и теперь девушки (некоторые) не носят трусов, считая, что это удобно. Но только те деревенские скромные женщины носили юбки до пят, а современные модницы - ?!!

Но продолжаю про маму. Постепенно осваивая городскую цивилизацию, она стала шить из бумазеи панталоны с завязочками: спереди две и сзади две. Так же, как детям, когда-то пристегивали штанишки пуговками к лифчику, пока не придумали резинку. Но как давно это было!

Рассказывала мама про Буфф-сад. Какое это было красивое и ухоженное место! Сад был зеленым и цветущим. Кроме ресторанов было много маленьких театров, было много музыки. А потом там, как я сама уже помню, образовалась помойка.

У родителей в Томске начали рождаться дети. Всего было восемь детей, но два мальчика умерли еще грудными, а девочка Лена умерла семи лет от менингита в 1914 году. Мне в то время исполнился один год. Умершие дети похоронены на Преображенском кладбище, на котором в 1960-х годах был построен завод математических машин. Смерть Лены была страшной трагедией для всей семьи. Отец иногда даже ночью ходил к ней на могилу. Лена была его любимицей. Однажды ночью, когда отец сидел у её могилы, ему послышался её голос. Она спрашивала: «Папа, зачем вы меня сюда привезли?» Отцу стало плохо, и больше ночью он туда не ходил. Когда я стала уже большой девочкой, мама брала меня с собой на могилки Леночки и братишек, похороненных рядом. И даже сейчас, когда на могилах стоит завод, я могу с точностью найти то место, где были их могилы. В то время, когда Преображенское кладбище разрушали, я работала в строительном управлении, которое строило этот завод, и видела весь ужас того разрушения. Бульдозером срезали холмики могил и все, что на них было. Оградки, памятники, плиты, цветы, кресты сгребали в кучи. Выровняв площадку, начали экскаватором копать траншеи под фундаменты корпусов. Экскаватор выгребал вместе с землей человеческие кости. Это были останки тех, кто когда-то навсегда был упокоен в могилах. Кости, черепа взрослых и детей, доски гробов, и гнилые, и еще крепкие, были разбросаны по территории, как попало. Молодежь играла черепами в футбол, костями бросались друг в друга, зубоскалили. Находили золотые крестики, с которыми люди хоронили своих дорогих родных. Леночка тоже была похоронена с золотым крестиком. У меня сохранилась её фотография, но только мертвой. Прелестная девочка в белом с полоской платье лежит в гробу и как будто спит.

Рассказывала мама, что когда хоронили моего маленького братишку рядом с могилой Лены, вскрыли и её могилу. Наслышавшись рассказов о летаргическом сне, мама не была уверена, что девочку похоронили мертвой, и она стала просить, чтобы открыли крышку гроба. Как её ни уговаривали этого не делать, мама была неумолима. Крышку гроба открыли. Фигурка Лены сохранилась, как и была при погребении, но она была какой-то воздушной от тлена, как будто из пепла. Достаточно было дотронуться до этого «пепла», и он бы рассыпался. Так рассказывала мама. Эта скорбная картина, наверное, долго, а может быть всю жизнь, стояла у неё перед глазами.

У родителей осталось нас пятеро – две дочери и три сына. Самая старшая – Надя, затем Вася, за ним Витя, потом я, и самый маленький – Толя. Жизнь у всех нас сложилась по-разному. Не скажу, чтобы счастливо. Скорее наоборот. Никого из моих братьев, а также сестры нет теперь в живых, одна я осталась – долгожительница.

Мама так и не расторгла брак с Иваном Телегиным. Возможно, по церковным законам этого сделать было нельзя. Поэтому всех родившихся детей при крещении записывали по фамилии первого мамино мужа. Так мы и жили под чужой фамилией. Впоследствии Вася и Толя каким-то образом сумели узаконить фамилию родного отца, а я и Витя так и остались Телегиными. Надя, выйдя замуж, сменила фамилию и стала Гиляровой.

Мое далекое детство

Я родилась в 1913 году в доме, который еще недавно был «жив». Он стоял на проспекте Кирова (бывшей Бульварной улице) в квартале между улицами Советской (Еланью) и Кузнецова (Черепичной). Это был одноэтажный деревянный особняк, глядевший на проспект Кирова тремя окнами со ставнями. Когда-то по углам указанных улиц стояли его соседи – два деревянных двухэтажных желтых дома. Этих домов давно уже нет, но я их помню до мелочей. Все эти дома с огромным двором и дворовыми постройками (амбары, каретники) принадлежали домовладельцу А. Гонтарю.

Для меня тот мой дом в последнее время был как бы живым существом, с которым связано далекое мое детство. И чем дальше оно отодвигалось, тем роднее и милее становился этот старый дом. Иногда, проходя мимо, я останавливалась, прикладывала ладонь к его стене, и мне казалось, что дом отдает мне свое тепло, как будто помнит меня. Сразу оживало в памяти далекое прошлое. Я знала, что этот дом, одиноко стоящий на таком просторе, обречен, что скоро его снесут. И его не стало в 1997 или в 1998 году. Когда я увидела, что нет моего любимого домика, то прослезилась. Протиснувшись между досками нового забора, подошла к месту, где он стоял. Еще торчал из земли кирпичный фундамент, валялся помятый черный металлический кожух от печи-голландки и другой мусор. Вспомнилось: «Если не стало твоего дома, то место, где он стоял, все равно твой дом». Я постояла как у могилы близкого человека, перекрестилась и ушла. Не стало последнего свидетеля моего далекого детства.

В этом доме я прожила с рождения до шести лет. В 1919 году мы уехали в деревню: спасались от хаоса революции и голода. Деревня называлась Богдановкой. Находилась она около железнодорожной станции Дупленская под городом Новониколаевском. Судьба нашей большой семьи была в руках отца. Теперь трудно судить, правильное ли решение он тогда принял. Больше всего его пугал голод, чем революция, так как еще неизвестно было, что она принесет.

Жизнь в деревне, где мы жили до 1925 года, я вспоминаю, как сказку. Но об этом позже. А сейчас я вернусь в тот дом, где прошло мое раннее детство, и расскажу то, что запомнила.

В доме было три комнаты: две большие, одна маленькая. Было две печи – русская и голландка в черном железном кожухе. Полати над кухней, кладовая и туалет с выгребом. Высокое крыльцо. В большой комнате, которая выходила окнами на улицу Бульварную,

стояла мягкая мебель – два кресла и диван. На стене висел кусок «скалы», на котором сидели три совы с большими круглыми глазами. В переднем правом углу висела блестящая икона, а перед ней на цепочке – лампадка. В углу направо стояла большая родительская кровать и висел ковер, на котором был изображен красавец лев с огромной гривой и с кисточкой на кончике хвоста. Стоял гардероб, а рядом – столик с граммофоном, из которого поднималась красная большущая труба. Помню, что часто проигрывали пластинку с романсом «Гайда, тройка, снег пушистый», который исполняла певица А. Вяльцева. Это был мамин любимый романс. Еще стоял комод, над ним висели старинные красивые часы с башенным боем. Когда они били, то мелодичный звук долго-долго еще длился после окончания боя. Забегая вперед, скажу, что эти часы отец взял с собой, когда мы уехали в Богдановку. В деревне они висели у нас над столом и иногда останавливались. Мастеров часовых не было, и за починку бралась сестра Надя. Она заставляла меня подталкивать маятник, как только он останавливался. Я забиралась на стол, открывала дверцу часов и стояла на страже. Раскачивала маятник, и это могло длиться долго. Часы налаживались, начинали тикать, и снова раздавался мелодичный бой. Маятник качался чинно, медленно.

В другой, проходной, комнате стояли: бабушкина и детские кровати и тоже висели часы с кукушкой. У кукушки был домик, и в нужное время она открывала дверку, высовывала головку и начинала куковать, только не так грустно, как это делает живая кукушка в лесу, а повеселее. В углу стоял огромный темный буфет.

Помню ожидание нового платья к Рождеству или Пасхе. В те времена детям не покупали обновки после каждой полочки, а приурочивали это к какому-нибудь празднику. Наверное, это имело воспитательный смысл, приучало к бережливости. И, конечно же, помню такие торжественные праздники, как Рождество с ёлкой. Ёлку наряжала Надя, выставляя на это время нас, маленьких, в другую комнату. В этой же большой комнате, где ёлка, стоял и рождественский стол. Вот каким я его помню. По середине стола на отдельных больших блюдах лежали свиной окорок, жареный гусь, зажаренный поросенок. Кости окорока Надя обертывала цветной бумагой с бахромой, чтобы не пачкать руки. Лежали пироги с семгой, икра красная и черная, нарезанные балыки, в большой вазе – конфеты вместе с грецкими орехами, были сладкие пироги и другие яства. Этот праздничный стол не убирался всю рождественскую неделю. То же было и на Пасху. Только добавлялись куличи и крашеные яйца. К таким великим праздникам родители готовились целую неделю, и в доме чувствовался какой-то подъем и радость. Увы, позднее, в советское время, таких праздничных столов у нас уже никогда не было.

Много-много позднее мама рассказывала, что до революции, собираясь на базар за продуктами, она брала с собой три рубля и накупала на эти деньги две корзины разной снеди, в том числе свежей рыбы прямо с лодок, стоящих на берегу Томи вдоль базара. Базар располагался на том месте, где сейчас «Белый дом» и здание театра. Из трех рублей у мамы в кошельке еще оставались деньги на извозчика, чтобы доехать до дома.

Отец в то время зарабатывал в день от 3-х до 5-ти рублей. Он был сапожным мастером высокого класса. На входной двери нашего дома была прибитая вывеска (без слов) – контур сапога, вырезанный из листовой меди. Хочу похвалить отца, как мастера. У него были «золотые» руки. В те времена обувь носили совсем иную, чем теперь. Ценилась легкость ботинка. Шили обувь только из кожи, никаких заменителей не было. В сырую погоду носили галоши – и мужчины, и женщины, и дети. Зимой – утепленные боты. Тогда гости не снимали у порога обувь, а только галоши. Некоторые мужчины заказывали ботинки или сапоги со скрипом, и я помню этот скрип. Он был чуть слышен и приятен и подчеркивал чистоту обуви. Он обязывал хозяина иметь её всегда начищенной до блеска. А скрип считался особым шиком. Для скрипа отец прокладывал между стелькой и подошвой ботинка кусочки бересты, чтобы они скользили друг о дружку, что и создавало скрип.

На улицах сидели мальчишки – чистильщики обуви. Они неплохо зарабатывали. Сидели на низеньких стульчиках, а перед ними стоял ящичек с прибитой деревянной подошвой, на которую ставилась нога клиента. Мальчишки постукивали щетками, подзывая желающих иметь чистые ботинки. При советской власти этого не стало. Наверное, сочли, что это унижает детей. Пусть лучше болтаются по улицам и дворам.

Когда отец развешивал пласт кожи для раскроя обуви, то от кожи исходил очень приятный, особенный запах, несравнимый ни с каким другим. Не зря же французы когда-то создали духи «Русская кожа». Я читала, что духи разделяются на два вида запахов: цветочный и промышленный.

Вспоминаю, что недалеко от нашего дома на улице Бульварной на том участке, что находился между домом Гонтаря и теперешней территорией лампового завода стояла водокачка. Высокая круглая башня из красного кирпича выглядела как терем (такая еще осталась в Томске в районе пер. 1905 года). Из стены её внизу торчал водоразборный кран, из которого брали воду живущие вблизи люди. К водокачке подъезжали с бочками водовозы на лошадях. Для водовозов был другой кран, повыше. На нем болталась труба из жести. Эту трубу водовоз вставлял в отверстие бочки, чтобы вода не разбрызгивалась. В башне-тереме сидел её хозяин, который открывал кран и собирал талончики – плату за воду.

На том месте, где сейчас ламповый завод, стоял одноэтажный длинный дом типа барака. В этом доме жил разный народ, и в основном женщины. Я помню одну по имени Маня. Эта молодая женщина потеряла на германской войне мужа Колю. Она не верила, что он убит и от горя потеряла рассудок. Выходила к воротам и ждала своего мужа. Соседки над ней подшучивали: «Маня, иди, вон твой Коля за воротами стоит». И Маня бежала к воротам, но там конечно Коли не было. Потом эту шутку подхватили дети и бегали по очереди к Мане, сообщая ей про Колю. Эта несчастная женщина металась то и дело от дома к воротам и, опустив голову, возвращалась обратно. Я была совсем маленькой свидетельницей этих сцен и мало понимала их трагичность.

По всей Бульварной улице, от водокачки до Преображенской (ул. Дзержинского), росли в два ряда ёлки. Ни тополей, ни кленов не было.

По дворам ходили точильщики, предлагали наточить ножи, ножницы, ножи от мясорубок (сейчас бы так!). Они носили на плечах маленькие точильные станки. Ходили стекольщики, предлагали вставить стекла. Ходили китайцы, покупали старые вещи. Ребятишки за ними бегали и кричали: «Ходя, соли надо?» Почему предлагали соль, я до сих пор не знаю.

После окончания Первой мировой войны в Томске был лагерь военнопленных-австрийцев. Томская власть обратилась к народу с предложением взять из лагеря к себе в помощники пленных солдат. Особенно при этом рассчитывали на мастеровых. Отец пошел в лагерь. Когда он спросил у пленных, кто знает сапожное ремесло, то очень многие подняли руки. Он привел домой двоих, сделав это не ради себя, а чтобы облегчить участь несчастных солдат. Одного из молодых людей звали Дердя. Это был венгр. Второй – Франц. Этот – настоящий австриец. Мама позднее с большой теплотой рассказывала про Франца, каким он был воспитанным, интеллигентным. Он не только профессионально помогал отцу в его работе, но и много помогал маме по хозяйству: носил воду с водокачки, мыл посуду, полы, приносил дрова, топил печи, занимался с детьми, починял поломанные игрушки и всякую домашнюю утварь. Дердя был замкнут и нелюдим. Потом этих парней отпустили по домам. Я очень смутно помню этих людей, но мама часто вспоминала Франца.

В Томске была организация бойскаутов. Мой старший брат Вася был членом этой организации и ходил на сборы с цветными флажками. Чем занималась эта юношеская организация, я не помню. Наверное, спортом.

В соседнем угловом 2-х этажном доме жила семья немца по фамилии Линд: родители, бабушка и трое сыновей-подростков. Старшего звали Яша, остальных не

помню. Яшка был старше меня лет на 5-6. Он был драчливым мальчишкой, его не любили и часто дразнили «Иман (*козел*) с бородой, погонись за мной!» Он гонялся за обидчиками.

Семья Линда имела свою небольшую кондитерскую, в которой делались конфеты, пряники и другое. Но самое замечательное, что они делали, - это французские булочки. Яша во дворе нам рассказывал, что тесто для этих булочек они месят ногами. Все трое мальчишек, закрутив штаны до колен, залезают каждый в свою квашню с тестом и приплясывают там, пока отец не скажет: «Хватит». Мне это было очень странно слышать, ведь моя мама всегда месила тесто руками.

Все мальчишки Линд были дворовыми друзьями моего брата Васи. Однажды между Васей и Яшкой случилась мальчишеская драка и, когда я увидела, что Яша подмял под себя моего брата, я подбежала к ним, напрыгнула все свои маленькие силки и треснула Яшу по голове палкой. Палка моя от этого сломалась. Яшка отпустил Васю, заплакал и пошел домой жаловаться бабушке. А мне было очень жалко палку. Это была точеная балясина от балкона, упавшая со второго этажа Яшкиного дома. Когда упал балкон, то ребяташки расхватили все эти красивые балясины, и одна досталась мне.

На втором этаже Яшкиного дома была гостиница, которая пользовалась плохой славой. Туда привозили проститутку. Я, конечно, узнала об этом позднее. В этом же доме в годы НЭПа была очень богатая бакалейная лавка торговцев Щевинских, а потом аптека.

Моя старшая сестра Надя училась в женской Мариинской гимназии. У неё там было две подруги – сестры по фамилии Спейт. В семье Спейтов было две дочери и два сына. Это была интеллигентная семья. Отец семейства по национальности был немцем. После Первой мировой войны он исчез. Потом я слышала, что он уехал в Германию. Там у него была другая семья. Слава Спейт был белокурый красавец. Он дружил с моим братом Васей. Надя Спейт долго дружила с моей сестрой Надей, а её сестра Натд умерла уже взрослой девушкой. Слава часто ходил к нам. Последний раз он пришел к нам калекой. Это было в 1920-х годах. Он попал под машину, и его искалечило до неузнаваемости. Как это могло случиться, не знаю. Ведь машин в то время было в городе едва несколько штук. Лет 20 тому назад я читала в газете некролог о смерти Нади Спейт – пианистки Томского музыкального училища.

У сестры было еще две подруги – родные сестры Физа и Нюра – соклассницы по гимназии. Позднее эти две сестры вышли замуж за двух братьев Смирновых. Один из них был инженер, второй - белый офицер. У Смирновых были дома на улице Симоновской (Учебной).

Нюра очень красивая, а по характеру - веселая хохотушка. У них с мужем был друг, который бывал часто у них дома. Он был тоже белым офицером и был влюблен в Нюру. Она с ним кокетничала и отделивалась от его ухаживаний шутками. Он предлагал ей уехать с ним в другой город к его богатым родителям, но получал упорный отказ. Однажды она зашла к нему домой, и он выстрелил в неё, убив наповал, а потом застрелился сам. Муж Физы умер от чахотки. Мужа Нюры расстреляла советская власть.

Домов Смирновых на улице Учебной уже нет, и на том месте стоят кирпичные громады. «Дома тонкой породы сменили пятиэтажные уроды», - как писала М.Цветаева.

Вспоминая события и людей, которых помню, я взяла телефонный справочник: может быть, там есть эти фамилии, но никого не нашла.

В соседнем доме, что стоял на углу Еланской (Советской), жила семья Мездриловых. У них было трое детей, с которыми мы с Витей были дружны и вместе играли. А напротив их дома на углу стояла небольшая, уютная банька, хозяином её был некто Брик. На этом углу теперь стоит многоэтажное студенческое общежитие.

Из своих детских проказ вспоминаю самую зловредную и чудовищную. Вот что я однажды натворила. Наде к какому-то празднику родители купили новое пальто. Пальто было очень красивое: темно-зеленое на зеленой атласной очень блестящей подкладке. Надя была рада этой обнове. Как-то она, придя домой и сняв пальто, бросила его наспех на кровать вверх подкладкой. И когда в комнате, кроме меня, никого не было, я

быстренько взяла ножницы и отрезала кусок подкладки от подола – на платье своей кукле. Увидев это, Надя пришла в ужас и расплакалась. Мама выдрала меня по попе и очень здорово. Я орала и грозилось пожаловаться своему папанышке, когда он придет домой. Я помню хорошо ту комнату, и даже место, где мне всыпали – около гардероба. Было мне тогда около 4-х лет. Ножницы после этого моего дикого поступка стали от меня прятать, но я не уgomонилась, и стала орудовать ножом, и в ход пошли уже Васины бойскаутские флажки. Я из них что-то кроила на краю стола и вместе с флажками резала скатерть, которой был накрыт стол. Много лет спустя, уже будучи взрослой, я видела эту светло-зеленую с белыми лилиями скатерть у Нади и разглядывала «милые» дырочки, заштопанные моей сестрой. Их было очень много.

Как радостно вспоминать детство, когда тебе уже «стукнуло» 89 лет! Как будто действительно возвращаешься туда. В праздничные дни, в Рождество или Пасху, мы дома забирались на полати. Полати для детей – уютный и таинственный уголок в доме. Взбираться туда нужно было в три этапа: сначала – на стул, со стула – на печку, а уж с печки – на полати. На полатях начинались сказки. В этом месте они казались особенно интересными. Сказки рассказывала всегда Надя. Про чертей, ведьм, кощеев и всякую другую нечисть. Мне больше всего нравилось слушать про чертей, и чтобы их было побольше. Когда Надя, рассказывая сказку, произносила: «И вдруг...», - у меня сердце замирало. Я ждала, что сейчас после этого «и вдруг» произойдет что-то особенно интересное: или очень страшное, или наоборот, кто-нибудь воскреснет. Иногда Надя устраивала для нас игры с чертом. Она брала четыре крупных грецких ореха, срезала с них макушку, вынимала зерно и все перегородки и надевала скорлупки на лапы коту. Нас запирали в темной комнате, и незаметно впускали в комнату кота в «башмаках». Кот бегал, старясь снять башмаки, цоканье которых по комнате раздавалось довольно громко. Мы с Витей, конечно, думали, что это черт стучит своими копытами, и нам было страшно. Или была такая игра. Надя спрашивала: «Кто хочет увидеть черта?» Желающему она давала тарелочку с закопченным дном, а себе брала чистую. Она водила пальцем по дну своей тарелки и затем по лицу, тоже самое должен был делать тот, кто держал закопченную тарелку. Условие было такое: на пальцы не смотреть, а смотреть только в лицо Нади. Потом Надя подносила зеркало державшему закопченную тарелку, и он видел свое черное в саже лицо. «Черт» смеялся больше всех.

Когда кто-то из детей заболел простудой, мама лечила нас замечательным лекарством – каплями датского короля: по чайной ложечке с водой. В советское время такое название исчезло. Но лекарство, наверное, осталось. Что-то похожее по вкусу и запаху я покупала в аптеке уже, будучи взрослой. Называлась эта микстура «Грудной эликсир». Но капли датского короля были более целительными, может быть, из-за своего романтического названия. Меня всегда интересовало, почему эти капли так называются, почему именно «датского короля» и никакого-нибудь другого, ведь королей в мире много. Прочитала про Данию, посмотрела на карте, где она находится. Полуостров в Европе на границе с Германией. Здесь было самое старое королевское государство. Кстати, и до сих пор там монархия. Всего в Дании царствовало 50 королей и две королевы. В этой стране впервые в мире появился свой государственный флаг – белый крест на красном фоне. Шекспиру датская королева послужила прообразом одной из его героинь. Но при чем тут капли датского короля, до сих пор не знаю. Возможно, это как-то связано с датской принцессой Дагмарой – женой русского царя Александра III.

Иногда, когда отец сидел за верстаком на своей «липке» («липка» – низенькая табуретка, у которой вместо деревянного сиденья прибиты ремни из толстой кожи), мы, дети, подсаживались к нему в кружок и начинали петь хором. Природа наделила нас всех очень хорошим музыкальным слухом. Когда мы пели, никто не фальшивил, и у нас получался очень стройный детский хор. Отец подпевал басом. Пели мы песню на стихи А.С. Пушкина «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой...» Мама не пела, она слушала и радовалась. Пели и другие песни. Самой

любимой из всех была песня про Наполеона по стихотворению М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль»:

*Есть остров на том океане –
Пустынный и мрачный гранит.
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.*

*Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника сына
И старую гвардию он...*

Грустный мотив песни, романтика прекрасного стихотворения и трагическая судьба Наполеона отозвались в моей детской душе печалью, и это осталось навсегда. Взрослея, я перечитала все стихотворения Лермонтова и Пушкина о Наполеоне и все, что писали о нем историки Тарле, Манфред, бывший соратник Наполеона Стендаль и наш великий Лев Толстой в «Войне и мире». Я не нашла даже намека на неуважение к этому гениальному человеку – императору и полководцу. Даже в нашей советской энциклопедии отдана дань его исключительности и таланту полководца. Русский народ слагал и пел о нем песни («Шумел, горел пожар московский...»). Я бы повесила у себя в комнате его портрет, но, к сожалению, они у нас не продаются.

В комнатах нашего дома висели три картины. Позже я узнала, что это были репродукции с картин итальянских и других художников. Одна с названием «Солнце взошло» художника Герцони. Красивая женская головка с темными волосами, полуприкрытыми глазами и большими серьгами в виде колец в маленьких ушках. Другая картина с названием «Девушка с голубями» художника Шоплена: высокая девушка в длинном белом платье, из-под которого чуть видны белые туфельки, бросает зерно голубям, слетевшим к её ногам. И, наконец, третья картина, самая большая, с названием «Свадебный сон». На картине богато обставленная комната, по середине которой на ложе, покрытом огромной белоснежной шкурой белого медведя с оскаленной пастью, спит белокурая красавица, а в её изголовье порхают ангелы. Теперь от этой картины сохранилась только рама, лежит в сарае. Сама картина, у которой случайно было разбито стекло, потускнела, погасли краски, и не помню, когда была выброшена. В детстве я особенно любила эту картину. Меня привлекали пухленькие ангелочки с крылышками. Другие две картины тоже давно утрачены. И только остались в моей памяти. Конечно, они не представляли какой-либо художественной ценности, и были только репродукциями. Достались они нам как приложение к журналу «Пробуждение», который выписывал отец. Этот Петербургский двухнедельный литературно-художественный журнал был очень красиво оформлен. В каждом номере были репродукции картин, барельефов и много интересного для детей. У меня хранилась подписка за 1914 год, но я давала журналы читать своим знакомым, и каждый из них вырезал из журнала то, что ему особенно приглянулось. В годы советской власти такие журналы уже не издавались, никаких вам ангелочков с крылышками, а все люди либо с ружьями, либо с поднятым кулаком, либо с Ильичом.

Отец мой был высокий, статный, красивый, имел продолговатое лицо, прямой нос с горбинкой, серые глаза. Руки с длинными пальцами пианиста, ровные белые зубы (никогда не обращался к зубному врачу, - этого не требовалось). Вот как я расхвалила своего отца! Но он такой и был. Внешне. По национальному типу он походил на норвежца. Я прочитала, что норвежские мужчины самые высокие в мире. Мы все, папины дети, унаследовали высокий рост и, отчасти, характер, а также I группу крови. Отец никогда не носил ботинки, только сапоги с длинными голенищами, которые сам себе шил. Несмотря на свою малую грамотность, отец был очень любознательным.

У нас в маленькой комнате иногда жили студенты технологического института, и комната эта была нашим просветительным центром. Студенты часто беседовали с отцом, рассказывали мировые новости и даже пели с нами хором. Помню разговоры про Эйфелеву башню, про корабль «Титаник». Наше воображение поражало то, что Эйфелева башня была тогда самым высоким сооружением в мире, но особо сильное впечатление произвела на меня история с гибелью «Титаника». Я представляла себе, как погружается в воду гигант, и как мечутся на нем гибнущие люди.

В процессе написания этих воспоминаний я часто отвлекаюсь и смотрю по телевидению старые фильмы. Вчера посмотрела «Верные друзья», а сегодня «Девушку с гитарой», и почему-то у меня на глазах слезы. Фильмы прекрасны, но грусть у меня вызывает то, что артистов, которые там играли, этих замечательных мастеров своего дела, уже давно нет в живых: В. Меркурьева, Ю. Никулина, С. Филиппова, Н. Крючкова, Ф. Раневской, прекрасного А. Жарова. А те, кто жив еще, теперь древние старики, как и я.

Отец, несмотря на то, что имел самую «пьяную» профессию сапожника, никогда не пил и не курил. Когда к нам приходил кто-нибудь курящий, то отец за компанию закручивал себе «козью ножку», закуривал, но папироса так и оставалась недокуренной. Он любил красивые вещи, одежду. У папы была богатая вещь - «шляпинская» шуба на кенгуровом меху. Она была как тулуп. Носил отец каракулеву шапку пирожком, и в такой одежде походил на старого профессора. Дорогой мой отец! Когда он куда-то уходил, то возвращался всегда с гостинцами для детей, летом – с арбузом. После смерти Леночки я стала его любимицей. Он придумывал мне всякие смешные прозвища («кулик», «турлык»), дразнил, повторяя за мной слова, которые я еще неправильно произносила («квадоовка» - кладовка, «мысы» - мыши).

Как я уже сказала, отец не имел вредных привычек, в смысле выпивки и курения, но у него было иное увлечение – женщины. И он не умел это скрывать от мамы. Это продолжалось всю жизнь, и когда мы стали уже большими, понимали и переживали все вместе с мамой. Мне и сейчас трудно судить, является ли такое поведение мужчины, отца семейства только вредной привычкой, от которой можно избавиться, как от курения или алкоголя. Наверное, это заложено в природе мужчин, и женам нужно прощать их измены. Тем более, что мужья живут намного меньше своих жен.

Отец много работал, заработанное нес в дом, семье. Но сам часто уходил. Однажды мама собралась уйти от него. Она сложила и завязала в узел свои вещи (одежду). Села рядом с узлом и задумалась. Отец молчал. Мама посидела, подумала и сказала: «Никуда я не пойду. Ставь самовар». Отец обрадовался. Молча попили чаю, а потом все продолжалось, как было раньше. Отец не ладил со своей тещей – нашей бабушкой Аксиной. Он мне сам об этом говорил позже. Но бабушка была права больше, чем отец. Она жалела свою дочь. Умерла бабушка в 1918 году перед нашим отъездом в деревню.

Когда мама обращалась к отцу, она говорила: «Никит!» А отец к маме обращался: «Саньк!» И так до старости. Как сейчас это слышу. Мама любила отца и тяжело переживала его постоянные измены. Отец тоже любил маму и уважал её. Он никогда не кричал на неё при возникновении каких-то житейских конфликтов. И скажу, что у нас в семье, даже когда уже выросли мои братья и стали взрослыми мужчинами, никогда не было мата. Ни отец, ни братья никогда не произносили таких слов даже в своей мужской компании.

Мама рожала детей через два-три года, и у неё мало оставалось времени для мужа. Отец зарабатывал деньги на жизнь. Как будто по семейному уставу так и положено было быть. Но маме было труднее: все домашние заботы лежали на ней. После рождения восьмого ребенка она почувствовала, что силы её на исходе. Обратилась к известному в Томске врачу (фамилию его не помню, хотя она долго была на устах у томичей). Врач дал ей какие-то рекомендации, и рожать она больше не стала.

Мама была среднего роста, хрупкая и стройная. Помню, была у неё черная плюшевая шубка на пушистом рыжем лисьем меху с соболиным воротником. В этой шубке она была как боярышня. Шапок она не носила, только пуховые платки.

У родителей были друзья – Саблины. Эта фамилия часто звучала в доме. Когда родители ездили к Саблиным в гости, то иногда брали меня с собой, потому, видимо, что я ныла и просилась с ними. Отец не мог мне отказать. Он закутывал меня к себе за пазуху в свою «шляпинскую» шубу, и я там уютно сидела у него на коленях, прижавшись к его груди. В гостях мама иногда плясала, но прежде её долго уговаривали другие гости. Помню танцующую по кругу маму в каком-то светлом платье. У неё светло-карие глаза, темные волосы, прямой небольшой нос, чуть продолговатое лицо. Я не видела маму молодой, и не было у неё ни одной фотографии того времени. А стариться она начала рано: таковы были условия её жизни. Хотя материально наша семья была вначале обеспечена хорошо. После родов у мамы начали выпадать здоровые зубы. Она уставала от тяжелой домашней работы, вынашивая при этом и рожая детей. Дети были крупные, роды всякий раз тяжелые. Слава Богу, её помогала пеленать и качать нас бабушка Акси́нья, но все остальное мама делала сама. Иногда роды происходили дома, и их принимала бабушка Акси́нья. В деревне на Орловщине она была повивальной бабкой, и её приглашали к роженицам. Мама рассказывала про один случай из её акушерской деревенской практики. Одна женщина очень тяжело рожала. Роды принимал деревенский фельдшер с помощницей. Женщина, измучилась, никак не могла разродиться. Тогда фельдшер сказал её родным, что ребенок прирос к её ребрам, и она не родит. Отчаявшиеся родственники послали за Акси́ней. Акси́нья пришла, посмотрела несчастную, попросила фельдшера уйти. Успокоив роженицу, сделала ей какой-то массаж и спокойно начала направлять плод. Вскоре женщина благополучно родила, а её родные не знали, как отблагодарить Акси́ню. После этого случая бабушку Акси́ню приглашали ко всем роженицам.

Мама прекрасно пекла хлеб и разные пироги. Когда она стряпала, мы с Витей забирались на полаты, укладывались на пузо у края и смотрели, как мама орудует. Край полатей находился как раз над устьем печи. Когда мама вынимала из печи румяные пироги, шел чудесный аромат, и он разносился на всю квартиру. Теперь при стряпне такого аромата не бывает, потому что все печется на маргарине. А тогда никаких заменителей коровьего масла не было, и в тесто клалось только натуральное топленое масло. Почитайте старинные рецепты! Отец очень любил пирожки с калиной и еще любил холодец (мы тогда называли его просто "холодное"). Холодец варили из коровьих ног. Стоили они тогда 5 копеек за «скат», т.е. за 4 штуки. Бабушка любила сычуг. Это старинное блюдо делалось из коровьей требушины, которую сначала вымачивали, потом скоблили изнутри, мыли несколько раз, а потом наполняли гречневой кашей с луком, зашивали и запекали в русской печи до румяной корочки. Это было очень вкусно, но специфический запах оставался, и отец это кушанье не ел.

Русская печь! Какое это чудо русского изобретения, русской культуры! Она не казалась громоздкой. Она со всех сторон была тепленькая, к какому бы месту ни прислонилась. Спереди в устье – заслонка. Перед заслонкой – загнетка, куда выдвигали чугуны ухватом. На фасаде печи печурка – маленькое квадратное углубление для коробок со спичками. Сбоку кругленькое отверстие для самоварной трубы, оно закрывалось медным кругленьким колпачком. С другой стороны печи – чугунная дверца, а внутри вьюшки – две штуки. Одна вьюшка утапливалась поглубже в трубу, а вторая её закрывала сверху. Обе эти вьюшки закрывались, когда печь вытапливалась, и в ней не оставалось уже угарного газа. Так сберегали теплый «дух». В самом низу печи – дупло во всю её длину, куда помещались ухват, кочерга, деревянная лопата, которой сажали в печь хлеб для выпечки, помело, которым подметали под печи от углей и золы перед посадкой хлеба. Топилась печь без поддувала и только дровами. Дрова в печи укладывали колодцем, квадратиком друг на дружку березовые поленца. У мамы всегда было в запасе для растопки подсушенное полено, от которого щипали лучину. Полено было ровненькое без

сучков. Вряд ли современный печник сможет сложить русскую печь. Ведь в ней дым шел не сразу на выход в трубу. Вся внутренность печи была пронизана дымоходами, чтобы каждый её уголок прогревался, и каждый кирпичик был горячим. Русская печь и пекла, и жарила, и парила, и варила, и коптила, и запекала, и сушила, и грела. Бывало, набегаешься, придешь с улицы замерзшей, окоченевшей, из носа течет, кашель, руки и ноги застыли, сбросишь с себя одежду, валенки – сушить в печку, а сама на печь. Какое это блаженство! Снизу тепло, спине тепло, сбоку тепло, и ноги упираются в тепленькое. И сразу начинаешь дремать. Тут тебе снятся и Иван-Царевич, и Конек-Горбунок, и другие чудеса. А потом встанешь, как «огурчик», - ни кашля, ни соплей, и горло не болит. И никаких врачей и лекарств. Вот, что такое русская печь! Не зря она присутствует в русских сказках. Вспомнить хотя бы, как русская печь служила Бабе Яге и Иванушке. Много, много можно еще говорить о русской печи.

Печь-голландка – это совсем другая благодать. По названию её можно судить, что её изобрели голландцы. Наверное, эту печь подсмотрел в Голландии Петр I, когда ездил туда учиться строить корабли. Чего только ни создали голландцы! Голландский сыр, знаменитое полотно, голландская живопись Рембрандта, других мастеров. Самая продуктивная, в смысле надоев и жирности молока, корова выведена в Голландии. Цветы, которыми Голландия усыпала весь мир. Это вообще удивительно! Ведь страна такая маленькая и романтическая, население живет практически на воде вдоль каналов. А голландские чепчики!

Нашу голландскую печь топила, конечно, всегда мама. Она накладывала в неё дрова, поджигала их, и печь сразу начинала гудеть от сильной тяги. Потихоньку стучала внутренняя дверка. Как только дрова начинали обугливаться, мама закрывала вторую, более тяжелую дверь и завинчивала винт на неё для плотности, и тогда дрова в печи начинали потихоньку тлеть, и печь постепенно нагревалась. Как было приятно и уютно сидеть возле этой печи и о чем-то мечтать, когда дверка была открыта, и звучало это постукивание, и смотреть на горящие дрова. Вспоминаю прекрасный и печальный старинный романс «У камина». Вверху у печи-голландки кругленькое отверстие. Закрыто медным колпачком на цепочке. Когда печь нагревалась, колпачок снимался, чтобы тепло выходило в комнату. Вспоминаю, как мама грела одеяло, прислонив его к стенкам горячей печи, а затем укрывала меня этим одеялом, когда я ложилась спать. А я ведь уже была большой дылдой. Такое может делать только мама!

Остались в памяти первые звуки революции: по ночам вдруг слышался быстрый чей-то топот и выстрелы – кто-то за кем-то гнался и стрелял вслед. Иногда ночью громко стучали кулаками в ставни и требовали открыть дверь. Обыск! Искали людей – красные белых или белые красных. Кого-то находили в соседних домах, уводили. У сестры Нади, которой тогда было 15 лет, был юношеский роман с молоденьким белым офицером. Перед какой-то военной операцией против красных он оставил Наде свой золотой перстень с изумрудом и сказал, что если вернется живой, то возьмет его. Но он не вернулся, стало быть, погиб. Надя всю жизнь носила этот перстень.

1919 год. Отъезд в деревню

Родители тревожились. По ночам часто не спали. Гражданская война все «громче» подступала к городу. Уже чувствовался недостаток продуктов. Беспокоясь за детей, отец снарядил две санные подводы лошадей. На одних санях соорудил кибитку, вроде цыганской, для детей и мамы, а на вторую подводу сложил необходимые вещи, и мы, с Богом, отчалили из Томска в деревню. В кибитку были сложены постельные принадлежности, связки сушек и, конечно, горшок. Навсегда покинули домик на Бульварной. Надя осталась в городе заканчивать гимназию.

Я представляю сейчас, как сложно было родителям решиться на отъезд. Была брошена обжитая квартира, вещи, а впереди – неизвестность. Мы стали беженцами. Путь

был тревожным и даже опасным. Говорили, что в лесу можно встретить стаю волков, что постоянно рыщут группы вооруженных людей. Мы ехали только в дневное, светлое время. Когда начинало смеркаться, просились на ночлег в первой попавшейся деревне. В деревнях тогда путникам в ночлеге не отказывали, поили лошадей, ставили самовар. Это было обычное в то время гостеприимство. И мы, просясь на ночлег, никогда не получали отказа. Правда, в нескольких домах хозяева предупреждали: «У нас тиф». Получив такое предупреждение в одной, другой, третьей избе, мы все-таки оставались на ночлег, несмотря на тиф, - некуда было деваться. Так мы ночевали в двух тифозных деревнях.

На утро, как только становилось светло, отец запрягал лошадей, и мы ехали дальше. По дороге мама, беспокоясь за нас, постоянно спрашивала, не замерзли ли ножки. А сама, уж как придется. Закутывала к себе в шубу маленького Толю. Отец больше шел, чем ехал, дорога была узкой. Мы с Витей старались выглядывать из кибитки. Видели на обочинах дороги умерших от голода лошадей. Они лежали, вытянув ноги и шеи. Как-то увидели лежащую еще живую лошадь. Она поднимала голову и сразу же бессильно роняла её на снег. Однажды мчащиеся навстречу всадники с поднятыми вверх шашками закричали отцу: «Сворачивай!» Отец завернул наш обоз прямо в сугроб. Лошади застряли в снегу. Пришлось распрягать, нас всех высаживать. Всадники, увидев детей, помогли отцу вытащить из снега сани и лошадей.

Эту дорогу я воспринимала как интересное путешествие с приключениями. Грызла сушки, горшок рядом. Нравились ночевки в деревнях у незнакомых людей. Нравилось и то, что ехали на лошадаках.

Однажды в пути нам встретился одинокий серый конь. Еле живой, он стоял и грыз гнилую деревянную перекладину. Отец остановил лошадей и дал ему сена со своего воза. Конь его сразу съел и побрел за нами. И так шел до самой Богдановки – деревни, в которую мы ехали.

В деревню мы заехали с угла. С одной стороны от Богдановки - деревня Осиновка, с другой – поселок Чикман. Официальное название Богдановки – Ново-Рождественка. Дом, который отец снял, загодя съездив в Богдановку, состоял из больших сеней, кухни и горницы (так назывались комнаты в деревне). В кухне в углу стоял стол и углом лавка. Слева у входа в углу – русская печь, а от неё до стены горницы – широкие нары. Вся эта «мебель» и пол были некрашеными. Но новая обстановка мне нравилась.

Выгрузили все из саней: мешки, подушки, перины, узлы. Родители осмотрели наши головы. Мои кудряшки сразу сбрили машинкой: во время ночевки в деревнях подцепила вшей. Волосы – в печку. Для профилактики обрили всех, как солдат. Привезенные мешки отец поставил у стены, и мы с Витей стали проверять, что в них: вдруг что-нибудь интересное. Но ничего интересного не нашли. В одном мешке были конторские книги с твердыми корками. Как я потом узнала, научившись читать, это были чистые бланки по отправке грузов железнодорожной станции Зима. Все время, что мы жили в Богдановке, они служили нам писчей бумагой. Так, Надя писала на них записочки своему милому. У меня сохранилась одна, написанная в 1920 году. На ней - красивая виньеточка – томские кедровые шишки на веточке. В другом мешке были солдатские башлыки. Большие, обшитые по краю тесьмой из тонкого зеленого сукна. Их знают теперь только по старинным картинкам. Я сейчас думаю, какой это был удобный и теплый головной убор для солдат. Обмотает солдат ушами башлыка шею, и никакого шарфа не нужно. Башлыки эти отец приобрел в Томске на армейском складе, где можно было дешево купить разное армейское имущество. Как эти башлыки пригодились нам в деревне! Надя шила из них нам всякие курточки, шапочки, штанишки.

Сегодня, 13 июня 2002 года, я встала необычно рано, в 9 часов. Но это только для меня рано. Я никак не могу наладить здоровый режим. Очень поздно засыпаю (уже по утру), поэтому и поздно встаю, часов в 11-12. Но такой режим у меня с молодости. Только раньше была работа, которая дисциплинировала, а теперь её нет.

Но снова про Богдановку. Когда мы приехали, то местные жители начали к нам присматриваться. В те времена деревенские люди относились к городским с уважением и большим интересом. Когда узнали, что мы приехали из Томска, то сразу дали нам прозвище «Томские», а настоящей нашей фамилии даже и не знали. Маму называли «Томчиха», и за глаза, и в глаза. Имени её тоже не знали.

Вокруг деревни - лес из берез, осин и всякого кустарника. Хвойных деревьев не было. А у домов в деревне летом не росло ни одного кустика, ни одного цветочка. Избы были с соломенными крышами. Только у одного мужика стоял дом под железной крышей с коньком из жести в виде фигурки коня. И фамилия хозяина была Кононов. Очень он гордился своим домом. Деревушка была разделена на две части протекавшей через неё речкой. Одну половину называли Богдановкой, а другую Саратовкой. Речка (а вернее всего просто ручеёк) неизвестно, где начиналась, перебежав поперек деревни, неизвестно, куда убегала. Весной этот ручей был полнее и даже бурлил, а летом сильно мельчал. Мне неизвестно, как он назывался, и было ли у него вообще название. В речке было много пиявок, но дети все равно купались в ней. Было так мелко, что вода прикрывала только попки. Пиявки впивались в тело, и мальчишки хвастались друг перед другом, у кого больше пиявок присосалось. Я тоже имела такой опыт. Если пиявки всасывались не крепко, я отрывала их, а если основательно и отрывать было больно, то ждала, когда они насосутся крови и сами отвалятся. Я любила ходить на речку рыбачить. Нашла себе маленькую бухточку, где дно просматривалось, садилась у воды, опускала на дно руку ладошкой вверх и ждала, когда в бухточку заплывет «косяк» рыбы. Рыбки длиной со спичку. Когда рыбка проплывала над моей рукой, я быстро сжимала ладошку, но рыбки и след пропал. А мне так хотелось поймать хоть одну и рассмотреть её!

Наша жизнь в Богдановке

Вернусь, однако, к первым дням нашего пребывания в Богдановке. Дня через два-три, когда мы разместились в новом жилище на новом месте, к нам с визитом пожаловали большевики из волости. Спрашивали, кто мы, что мы, да откуда и зачем. Один «товарищ» был с винтовкой, и он стал штыком тыкать во все мешки, подушки. Спустились в подполье и там тоже протыкали все штыком. Нашли банку с серебряными царскими монетами, которую отец закопал сразу, когда приехали в деревню. Эта банка с монетами была у нас в Томске как копилка. Монеты были заработаны трудом отца – шилом и молотком. Банка была от конфет монпансье – круглая, высокая. Её, конечно, отобрали. Хорошо, что не нащупали конторские книги, иначе бы тоже отобрали, а они служили нам тетрадами, когда мы с Витей пошли в школу. Отца увезли в Новониколаевск на работу на какой-то кожевенный завод, но вскоре отпустили.

Мы с Витей тщательно обследовали двор. Во дворе были стойки для скота, амбар, колодец. Амбары были в каждом дворе – рубленые, с крепкой крышей, потолком. В них крестьяне хранили продукты – муку, крупы, кадушки с салом, мясо. Закрывались они на крепкие амбарные замки. Когда мы с Витей подбежали к амбару, на двери которого висел большущий, сизый от мороза замок, брат мне сказал: «Лизни!». Я лизнула, язык прилип к замку, и когда я его отдернула, кожа осталась на замке, а изо рта хлынула кровь. Я с ревом побежала домой. Испуганная мама спросила: «Что случилось?» Я ей сказала, что бегала с высунутым языком, и мне сильно дунул ветер в рот, и вот пошла кровь. Мое вранье, конечно, открылось потом. Брату немного попало, а я с неделю не могла есть ничего твердого, только пила, пока на языке не выросла новая кожа. Витя был старше меня на три года. Он родился в 1910 году. За тот случай я на него обиделась, но думаю, он сам не знал, что такое получится с моим языком.

В огороде за двором были большие снежные сугробы, и Витя начал делать в них разные пещеры. Он так увлекся этим строительством, что мама не могла дозваться его поесть. У него получались настоящие катакомбы. Он влезал в сугроб с одной стороны,

вылезал с другой. На улице на протяжении всей деревни устраивали горы для катания ребятишек на санках. Но катались больше не на санках, а на «говёшках». Так назывались каталки в виде больших мисок, сделанных из коровьего навоза. Хорошо делал эти «говёшки» опять же брат Витя. Научился у деревенских ребят. Он делал из снега форму в виде опрокинутой вверх дном миски, хорошо её уплотнял и накладывал на неё свеженькие коровьи лепёшки, разравнивал по форме и «армировал» для крепости соломой и тонкими прутиками. Когда все это застывало, он обливал изделие водой и снова давал время ему застыть, предварительно проткнув дырку для веревки. Когда каталка окончательно застывала, Витя подравнивал её, подскабливал. Получалось, как блюдо, на котором было очень удобно кататься с горки. Это «блюдо» летело быстрее и дольше санок. Я тоже пыталась соорудить такое «чудо», но у меня не получалось и все разваливалось. Но таким транспортом в основном пользовались мальчишки.

Особенно хорошо было в деревне летом, впрочем, как и в городе. Но в деревне все-таки по-особенному. Деревню я люблю до сих пор. Деревня – это не мичуринский участок, это совсем другой мир со своими законами, традициями и бытом. Но, оговорюсь, что деревня, которую я люблю, еще та – безмашинная, безтракторная - лошадиная. Она была как дикая природа, - самобытная, чистая. Меня в те детские годы поразили природные звуки деревни: ржание, мычание, хрюканье, а особенно кукареканье. Помню, на новом месте я долго не могла уснуть. Глубокая ночь, вся деревня спит. Тишина! И вдруг где-то далеко запел петух, ему на другом конце деревни откликнулся второй, потом третий, и так постепенно голоса прибавлялись и прибавлялись. И наконец, весь деревенский петушиный хор запел свой ночной концерт. Это настоящая симфония. А голоса-то у них разные – и теноры, и баритоны, и басы и еще «детские», подростковые с хрипотцой. Я, как зачарованная, затаившись, слушала этот прекрасный хор. Пропев минут пять, певцы начали как-то постепенно замолкать. Наконец, пропел последний петух, и все смолкло. В 4 часа утра хор снова запел. После этого концерта я всякий раз старалась не проспать и послушать его еще и еще.

Вскоре мама начала разводить кур. Они были самых разных расцветок. И какие же это были интересные птицы. Они очень дружны между собой, хотя бывает, что более сильная и долбанет клювом слабенькую, если ей что-то не понравится. Я очень любила наблюдать за ними. Куры предсказывают погоду (перед дождем они кудахчут как-то уныло), а если опасность близко (например, собака), то очень тревожно и быстро как бы предупреждают друг друга. Но уж если курочка снесет яйцо, то, слетая с гнезда, она радостно и громко кудахчет, как будто сообщает всем об этом важном событии. Иногда какая-нибудь курочка начинала болеть, «парить», как говорила мама. Она нахохливалась свои перышки, опускала крылья и все время квохтала как-то занудно, будто стонала. Это она хотела на гнездо выводить цыплят. Мама в таких случаях макала курицу в воду, и несколько таких водных процедур действовало оздоровительно, курочка «возвращалась в строй»: снова начинала нестись и во всем остальном продолжать здоровую куриную жизнь. Но иная плутовка делала так: нанесёт втихаря яиц в гнездо, выбранное где-нибудь в соседнем огороде в густой конопле и, не дожидаясь водных процедур со стороны хозяйки, усядется на яйца тайно. Просидев три недели, изголодавшаяся, исхудавшая, является во двор с выводком цыплят – маленьких желтых комочков. Для нас с Витей радость была неожиданная.

Ну, а петухи! Это красавцы! На них не наглядись, когда они гордо вышагивают вокруг своих подруг. Не зря ведь самый распространенный и любимый рисунок для вышивки на полотенце – это петух. И песенка детская, и сказка знаменитая посвящены петуху: «Петушок, петушок, золотой гребешок, масляна головушка, шелкова бородушка...» А какие они галантные и заботливые в своем гареме! Когда петух, разгребая навозную кучу, находит что-нибудь вкусненькое, то сам не съест, а созывает всех своих любимых курочек, и они мчатся к нему вперегонки. Лакомство достается, конечно, той, которая прибежала первой. И тогда он, красавец, хозяин положения, издавал

довольные звуки на своем петушином языке. Опустит одно крыло и начинает кружить вокруг избранницы. Между собой петухи любят подраться. Наблюдая за ними, я все-таки не поняла, из-за чего начинаются драки. Сойдутся нос к носу, наколошматят друг друга так, что перья вокруг летят. Потом, ворча, разойдутся, и драки как будто не было.

А как интересно куры ложатся спать! Довольно трогательная картина. Перед тем, как взлететь на насест, они потихоньку «бормочут» что-то на своем курином языке, а взлетев, садятся друг к другу близко и прячут головы под крыло. Только петух один на карауле. Если в это время зайдешь в курятник, он сразу издает вопросительные звуки: «Ко-ко-ко-ко?» Как будто спрашивает, что тебе нужно. Вот такие они куры. Кроме того, что мы имели от них, как потребители, они еще были украшением крестьянского двора, как живые ходячие цветы.

Я любила собирать яйца из гнезд. Заглянешь в гнездышко, а там лежит беленькое, еще тепленькое яйцо. Гнезда куры выбирают по своему вкусу. Обычно в гнездо хозяйка клала яйцо-подкладыш. В такое гнездо курица садилась нестись охотнее. Когда зимой куры живут в домашнем курятнике, то желток в их яйцах приобретает бледный цвет. Мама рано выпускала кур на улицу, во двор, когда только начинал таять снег. Она говорила, что как только куры начинают пить навозную воду, то желток быстро обретает ярко желтый цвет. Это было проверено жизнью.

Я так много написала о курах, но они того стоят. Сейчас мы, городские жители, видим их только в кино иногда да покупаем продукт из них в виде мороженных окорочков.

Гуси тоже у нас были, но это скучные птицы, неинтересные. Они всегда ходят стадом, и только «га-га-га» и никаких больше звуков. И гусаки – это не петухи. Их почти не отличить от гусынь. Как-то раз у нас потерялся гусак. Гусыни пришли к вечеру во двор, а гусака нет. Мама послала меня искать его. Не хотелось мне искать этого паршивого гусака, но пришлось. Паслись гуси обычно «на задах». Это за огородами. Там они ходили стадами, кучей. Когда подходишь к стаду, то из него сразу выбегает гусак и, вытянув шею, начинает шипеть – не подходи, мол, а то ущипну! Я походила, посмотрела на гусей, все они совершенно одинаковы. Поймала первого попавшегося за шею, подняла, прижала к животу и понесла домой, держа его за ноги и шею. Он вырывался, обгадил меня до самых ног. Принесла домой, выпустила во двор. Мама посмотрела и говорит: «Это не наш гусак. Неси обратно». Но, слава Богу, нести не пришлось, он сам побежал к своим гусыням. А наш гуляка скоро сам вернулся.

О гусях я запомнила одну деталь. Когда их зимой кололи, то крестьянки перед тем, как повесить тушки в амбаре, вытаскивали из их шеи дыхательные горлышки и сберегали. Потом я узнала, для чего использовались эти горлышки-трубочки. Хозяйки их высушивали, а потом насыпали в них сухой горох и скручивали колечками, и когда пряли пряжу, то нитки наматывали в клубочки на эти колечки. Если такой клубочек потрясешь, то внутри стучали горошины, как погремушки. Конечно, так делали не все, а только любители оригинальностей, изобретатели, интересные люди. Наверное, это было изобретено давно, но не всем было интересно, а только людям с творческим началом, и в деревне их было много.

Рассказывая о курах, я немного опередила события, которые были раньше. А раньше было страшное...

В Богдановку пришла страшная болезнь – ТИФ. Это было в 1921-1922 годах. Я точно не знаю, какой это был тиф, вернее, забыла: сыпной или брюшной. В нашу семью он тоже пришел. Первой заболела я, а потом заболели все, кроме мамы. Наверное, благодаря этому мы все остались живы. Только мама могла так самоотверженно ухаживать за больными родными. Чем она лечила эту страшную болезнь, я не знаю. Помню только, что в ходу все время были клизмы. Тяжелее всех болели отец и брат Вася.

В те годы в Богдановке жила еще одна томская семья – мать с дочерью. Какая судьба занесла их семью в Богдановку, я уже не помню. Это были очень интеллигентные

люди. Дочь – молодая девушка, которую звали Мария Степановна. Она занималась просветительством. Собирала у себя деревенских детей, читала им, рассказывала сказки и другие интересные для них истории. Я тоже ходила к ней. Мария Степановна часто бывала у нас. Бывала и тогда, когда я болела тифом. И приснился мне в то тяжкое время вещей сон. Как будто я сижу в глубокой черной яме, стараюсь выбраться из этой страшной ямы, но не могу. И в это время подходит Мария Степановна, подает мне руки и вытаскивает меня наверх, а сама прыгает в яму. Вскоре она заболела тифом и умерла. Этот сон стал памятным мне на всю жизнь. Тифом переболела практически вся деревня. Многие умерли.

В первый год после приезда из Томска мы жили на той половине деревни, которая называлась Богдановка. Здесь жили в основном белорусы и украинцы. Украинские и белорусские замужние женщины носили головные уборы в виде чалмы, которая накручивалась на голову из вышитых полотнищ, вроде полотенец, только гораздо длиннее. Они назывались «повойниками». Женщины носили длинные до пят домотканые юбки, в сборку на талии, и кофты с длинным рукавом (короткие рукава не допускались). Жила тогда в Богдановке запомнившаяся мне семья по фамилии Хорунжий. Хозяин – Мануйло, жена его Мануйлиха (в деревне всех женщин называли по мужу). Эта Мануйлиха была красивая женщина. Всегда была ярко по-украински одета и, конечно, в повойнике. Она мне запомнилась еще и тем, что варила замечательную кулагу. Это старинное блюдо готовилось из ржаной муки в чугунах, плотно закрытых сковородами и, конечно, только в русской печи. Блюдо долго там томилось и приобретало вишневым цветом. Кулага напоминала повидло, но была вкуснее. Мы всегда кланчили у мамы, чтобы она её сварила, но так, как это делала Мануйлиха, у неё не получалось.

Прожив год в Богдановской части деревни, в чужой избе, отец купил свою - в Саратовской. Хозяева уезжали в Саратов. Это была семья из родителей и пятерых девок – дочерей. Как рассказывали соседи, их здоровые девки, на которых можно было пахать, целыми днями сидели на завалинке и лузгали семечки. Хозяин дома жаловался, что в огороде ничего не растет, земля выродилась. Когда мы переехали в их избу, первым делом родители начали убирать навоз из стоек, которые были завалены так, что корова не могла туда зайти. Тоже было и во дворе. Навоз возили на огород. В колодце, что находился во дворе, вода была коричневая от навозной жижи, которая туда просачивалась через землю. Такая вода годилась только для поливки огорода. Все это я видела своими детскими глазами, но понимала, что прежние хозяева были плохие, лодыри. Руководство по наведению порядка во дворе и огороде взяла на себя мама. Когда все стайки и двор были очищены, стало везде свободно и уютно. Скотина, куры, гуси заняли свои «квартиры». Огород с навозом перепахали, сделали гряды и всего насадили. С большим удовольствием всем этим занимался и брат Вася.

У нас было три коровы (одна из них черно-белая, самая большая в деревне), три лошади, одной из которых был тот серый жеребец, которого мы спасли, когда ехали из Томска. Помню кобылицу Шкапу, которую мы все очень любили. Третью лошадь отец купил у какого-то убегающего от советской власти белого офицера. Это был прекрасный черный жеребец Воронок. Однажды в деревню нагрянула группа вооруженных всадников. Кто они были, я не знаю. Увидев Воронка, они хотели его отобрать. Но пока об этом шли разговоры, Вася, вскочив на коня верхом, умчался в лес. Вдогонку ему были выстрелы, но, слава Богу, он спасся. И спас Воронка.

Отец привез из Томска самую необходимую мебель: кровать, стол. В деревне был магазин, в котором продавались спички, соль, керосин для ламп, а больше ничего не было.

После окончания гимназии приехала моя старшая сестричка, моя любимая Надя. Мы всю жизнь, пока она была жива, были с ней очень дружны. Она была моей наставницей, будучи старше меня на 10 лет. Надя моя - красивая, высокая, стройная и умная девушка. Она сразу включилась в домашнюю работу и стала помощницей мамы.

Научилась доить коров. Научилась косить траву, запрягать лошадь, метать вместе с Васей стога сена. И делали все это не хуже местных мужиков.

Я перезнакомилась со всеми ребятами в деревне: и в Богдановской, и в Саратовской сторонах. Училась их играм и познавала их навыки деревенской жизни. Мы с братом собирали все травки, которые можно есть, особенно сладкий корень (солодка). Ели пучки, черную вкусную ягоду, что растет сама по себе в огороде (название у неё неприличное), сосали медуницу (синенькие мелкие цветочки). Пили березовый сок, надрезая дерево.

Девочки сами шили себе кукол. Часто это были беременные куклы. Делали ребеночка из тряпочки – такую маленькую «колбаску» и пришивали её к животу куклы, а сверху надевали юбку в сборку. Я тоже шила такие куклы. Они у меня все были беременные. А куклы мастерили самым простым образом. Свертывали кусок тряпки туго, зашивали с обеих сторон. Это было туловище. Потом пришивали ручки и ножки, рисовали глаза, нос, рот. Я прятала от мамы и Нади беременных кукол: что-то подсказывало мне, что играть в беременных кукол неприлично. Еще играли в стекляшки. Найти в деревне кусок от разбитой чашки или блюда с яркими цветочками – это большая редкость. Посуду там берегли. Какая же радость была от такой находки, если она случалась!

Когда я сейчас смотрю на грудастых длинноногих Барби, то думаю и вспоминаю, что нам гораздо больше приносили радости стекляшки и самодельные куклы, чем эти Барби нынешним избалованным девочкам.

Научились мы с братом разорять птичьи гнезда – воробьиные. Эти гнезда были внутри коровьих и лошадиных стоек. В соломенных крышах их очень много, и их хорошо было видно снизу. Мы с Витей лазали под крышей, как акробаты, цепляясь за жерди каркаса крыши, и выгребали из гнезд яйца. Помню, я ограбила даже гнездо ласточки. Это гнездышко она слепила из грязи, и оно было как корзиночка. Яйца ласточки голубые с коричневыми крапинками. Мы выдували их, а скорлупки складывали в коробочки.

В праздник Троицы все деревенские избы зеленели снаружи: их обставляли молодыми березками, нарубленными в лесу. В это время зацветали огоньки. Этих цветов было так много на полянах, что казалось, что поляна горит.

Иногда летом в деревню заявлялся табор цыган. Они устраивались за огородами, устанавливали свои шатры, и начиналось их хождение по деревне. Они пели, плясали, просили продукты, гадали, привораживали и, конечно, воровали. Я боялась цыган: говорили, что они воруют детей. Пожив неделю, другую и надоев всем, цыгане сворачивали свой табор и уезжали на другое место.

В лесу водились волки. Их было много. Постоянно в деревне они у кого-нибудь задирали скотину. Так у нас погибла лошадка – дочь Шкапы. Она была уже большая и готова к упряжке. Волки задрали её и съели у самой деревни за огородами. Летом, в самую жару, когда скотину заедала мошка, комары, слепни, и она в стайке беспокойно металась, хозяева выпускали её на ночлег на улицу, где было прохладнее и спокойнее. Коровы, телята, овцы укладывались прямо на дороге напротив своих дворов. И так по всей деревне. Однажды в такую ночь произошла страшная резня. Все животные были загублены волками. Везде валялись истерзанные трупы. Впечатление, что волков было несколько стай. Ни одного животного не осталось в живых. Никто из жителей не слышал, как все это происходило, а собаки попрятались. Для жителей деревни это была страшная трагедия.

Как-то зимой мой отец и брат Вася решили поохотиться на волков. Способ они придумали оригинальный. Выбрали в лесу несколько рядом стоящих берез, привязали к ним на большой высоте плетеный короб – (такой обычно привязывают к саням). К ночи взяли с собой ружье, маленького поросенка для приманки и, забравшись в этот короб, стали ждать волков. Поросенок визжал на всю округу, а волков не было. Долго просидели охотники в коробе, замерзли. Слезли с дерева, и пошли домой погреться. Через какое-то

время пришли снова, залезли на дерево, а поросенка в корзине нет. Он сумел как-то выбраться и удрал. Когда «охотники» слезли с дерева, то увидели следы поросенка. Так неудачно закончилась эта охота. Отец и Вася долго смеялись над собой. Видно, волки – умные звери.

Мы с Витей зимой часто ходили в лес по глубокому снегу. В лесу было много зайцев. Иногда мы их видели. Я набирала в карман заячьих какашек, ведь они кругленькие, как камушки. Дома мама, конечно, выбрасывала эти «камушки».

Все крестьяне в деревне сеяли в огородах коноплю. Широкой полосой вдоль всего огорода. Она росла как лес. Высотой около двух метров. Конопля была необходима в хозяйстве. Из неё делали веревки, ткали мешковину, конопатили ею стены. В те времена о наркотиках и понятия не было. Коноплю осенью выдергивали, вязали в снопы, сушили, а потом вымочивали зерно, из которого делали замечательное, самое вкусное, самое ароматное конопляное масло. Оно давно исчезло. Вряд ли кто из нового поколения людей его пробовал.

Стволы конопли женщины мочили в речке, отбивали деревянным вальком шелуху, и получалось волокно, из которого пряли пряжу, плели веревки. Какой чистый и приятный аромат исходил от этих изделий! Мне очень хотелось научиться прясть. Все деревенские девочки пряли. И я училась. Найду какую-нибудь куделю, привяжу её, где получится, и начинаю прясть с веретеном. Здесь главное – научиться крутить веретено, чтобы оно вращалось, как юла. У меня получалось это хорошо, но вот нитки выходили неровными: то толстые, то тонкие. Тем не менее, эта работа меня увлекала.

Я очень не любила чистить наш медный самовар. Сначала его обмазывали гущей от кваса, а потом чистили кирпичным порошком. Куски кирпича терли друг о друга, и получался порошок. Самовар после чистки блестел, но заканчивала её всегда мама, так как у меня не хватало терпения.

В каждом дворе были колодцы, а в каждом огороде – бани. Деревенские бани мне не нравились. Я привыкла к Громовской. В деревне бани топились по-черному, то есть дым из печи выходил не через трубу, а прямо в баню. Вся она внутри была черная. Но стены не пачкались. Возле печи стояла кадушка с водой. В печке нагревали какую-нибудь железяку, подцепляли её толстой проволокой и опускали в кадушку. Так нагревали воду до тех пор, пока она не станет горячей. В банях обычно гнали самогонку, но пьяниц в деревне, как сейчас, не было. Тогда пьянствовать крестьянину было некогда, да и более совестливым был народ. Не было поножовщины. Было очень уважительное и бережное отношение к хлебу. Если ребенок-подросток нечаянно, сидя за столом, уронит хлеб, то тут же получает от отца ложкой подзатыльник.

Хлеба у нас в Богдановке не было, не сеяли. Отец ездил по соседним деревням и покупал зерно или выменивал на вещи. На хлеб был обменён и наш граммофон, который мы привезли из Томска. Однажды, помню, отец привез какой-то карлык. Это такое зерно. Хлеб из его муки был зеленого цвета. Мешки с зерном стояли на кухне, и мне было очень интересно рыться в этом зерне. Я выбирала разные зернышки, понравившиеся мне, и бежала на огород. Там в укромном уголке я их высаживала в землю, потом поливала и наблюдала. Всходили разные травинки. Но я упорно продолжала поливать и ждать, что вырастет. Через какое-то время утречком подхожу я к своему саду, а там появился аленький цветочек. Радости моей не было конца. Как в сказке.

Как-то в разговоре родителей стало звучать все чаще новое для меня слово «заимка». Отец купил заимку. Я не знала, что это такое. Но вот мы с семьей собрались и поехали её смотреть. Это было не особенно далеко от Богдановки. Приехали. Остановились у большого круглого амбара. А недалеко от него стояли рубленый маленький домик на «журьих ножках» и какие-то стайки. Отец говорит: «Вот это и есть заимка». Кругом лес, небо и земля-трава и где-то квакают лягушки. Отец сказал: «Вот здесь теперь мы будем жить». Я была в восторге. Соскочив с телеги, мы с Витей сразу начали обследовать владения. Плетеный из прутьев амбар в виде Колизея был в диаметре

метров шесть-семь с хорошей деревянной крышей и плотными, почти без щелей, стенками. Как потом мне стало ясно, заимка была куплена для покоса и заготовки сена, и сюда мы переедем на «летние каникулы». Здесь мы насадили овощей, картошки. Перегнали на заимку всю скотину и зажили здесь. Около домика на курьих ножках был колодец. В домике мы мылись. Перевезли сюда из деревни постели, посуду. Отец привез какую-то железную печку, на которой готовили еду. В амбаре пол был деревянный, и мы все спали на полу по кругу.

Мы с Витей нашли болото. Это меня очень обрадовало, и потом я все дни проводила на болоте. Сначала собирала лягушачью икру. Она в воде красивая. Целая большая лепешка из прозрачных кругленьких икринок, в центре каждой черная точка. Я брала эти лепешки в ладошки, выносила на берег и внимательно разглядывала. На поверхности воды лепешек этих на болоте было очень много, а еще больше было лягушек. Когда мне надоела икра, я стала ловить лягушек. Налавливала их целый подол, и мы с Витей строили для них на берегу болота «дом». Строительством «дома» в основном занимался Витя. Он выкапывал большую глубокую ямку, а я в подоле натаскивала в неё лягушек, наливала воду. Потом над ямой делали перекрытие из палочек, веточек и замазывали все это глиной. Пусть себе живут лягушки в доме. Так оставляли их на ночь. Утром мы мчались к болоту посмотреть, как там наши лягушки. И когда раскрывали крышу «дома», к нашему удивлению лягушек в яме не обнаруживали, хотя никаких лазеек в перекрытии не было. Мы снова повторяли свою работу, но результат был тот же. Значит они «просачивались» через стенки ямы и удирали в болото. Мне очень нравились эти безобидные пучеглазые создания. Я ловила их и потом в разглядывала на берегу. В Богдановке некоторые хозяйки опускали лягушку в кринку с молоком, чтобы оно было холоднее. Я видела это своими глазами. Деревенские говорили мне, что лягушек нельзя брать в руки, что от них будут бородавки. И, правда, у меня на ноге около колена выросло несколько бородавок, но это не из-за лягушек. Женщины посоветовали взять веревочку, навязать на ней столько узелков, сколько у меня бородавок, и положить эту веревочку под мокрую подушку: как веревочка сгниет, так и бородавки исчезнут. Я этого не делала, - поленилась, а бородавки потом исчезли сами по себе.

Однажды мы с Витей ходили по лесу вблизи нашего «поместья». А лес – березы да осины. И вдруг видим, - на тропинке лежит мертвый чертенок! Черный, мокрый, волосатый, с рожками, копытами и хвостом. Сильно испугавшись, мы бегом, что есть силы, пустились бежать к родителям. Взахлеб рассказываем, что мы видели настоящего чертенка, и ведем родителей к тому страшному месту. К нашему большому сожалению «чертенок» оказался лишь выкидышем, мертворожденным теленком нашей коровы. Но очень уж он был похож на чертика, таким, каким он нам представлялся, таким, как рисовали на картинках в книжках.

В июле пора сенокоса. И вот на Шкапе приезжают на заимку наши главные косари - Вася и Надя. Отец плохо косил, крестьянский труд его не вдохновлял, и делал он все просто по необходимости. Когда начинали косить траву, мы с Витей тоже подключались. Ворошили сено, когда оно подсыхало, а потом уже совсем сухое сгребали в копны. И даже возили копны к месту метания стога. Длинные вожжи петлей набрасываются на низ копны, и лошадь тянет копну к стогу, а мы с Витей держим лошадь под уздцы и направляем её к нужному месту. В деревне, как только ребенок начинает ходить, его сразу приучают к труду. Посильному, конечно, - отнеси, принеси. Когда все работы на заимке были завершены, мы все вернулись на зимнюю квартиру в Богдановку. Радость встречи с друзьями-ребятишками!

Мы любили встречать стадо, когда оно возвращалось с полей. Оно еще было далеко, но хорошо слышался рев коров, бляение овец, щелканье кнута пастуха и издалека виден поднятый животными столб пыли. Мы бежали навстречу. Хотелось увидеть, какая корова первой войдет в деревню: красная или черная. Если красная, - то завтра будет хорошая солнечная погода, а если черная, - то дождь. Иногда это сбывалось, чаще – нет.

В те далекие годы в деревнях не ленились люди ставить скворечники. Весной и летом везде было слышно пение скворцов. В городах тоже привечали этих птиц, каждый старался прибить у дома скворечник. Теперь скворца в городе вообще не увидишь, зато расплодилось собак видимо-невидимо, и загажены все газоны.

В 1920-ые годы в деревне было еще много майских жуков. Огромные, черные, блестящие, они появлялись после дождя и плавали в лужах. Теперь, говорят, они исчезли, как вид.

А вот о событии, которое произошло тогда в Богдановке, и о нем долго не прекращались разговоры. В Богдановку со стороны деревни Чикмана въехала как-то подвода. На широкой телеге по разным её сторонам сидели двое мужчин, а посередине лежал лицом вверх третий. Руки его были раскинуты по сторонам. Сзади, держась за телегу, едва тащился человек, накрытый с головы до ног чем-то окровавленным. Когда мы, ребяташки, подбежали ближе, то разобрали, что это окровавленное покрывало было коровьей шкурой. Подвода остановилась, подошел народ, и мужчины, сидевшие на телеге, рассказали, что едут из Чикмана и везут в волость воров. Эти двое чикманских жителей украли у соседа корову и закололи себе на мясо. В деревне, как известно, ничего не утаишь. Воров сразу поймали, избили, кто чем мог, и теперь везли к властям в волость. И вору по очереди несут шкуру на себе, которую им надевали колпаком на голову. Идут все время пешком. Вот так справлялись в деревне с ворами.

В нашей детской компании у меня появился «жених». Так его называли ребяташки. Это был Ваня Алиферов. Он был «корявый»: в раннем детстве болел черной оспой, и все лицо его было в ямочках. В семье Алиферовых было четыре сына, все красивые и стройные. Ваня был самый младший, ему было в то время лет восемь. Когда мы играли, он всегда садился рядом со мной, а в «догоняшки» непременно старался догнать меня. Иногда он подходил к нашей избе, прислонял лицо к стеклу окна, и его корявый нос расплющивался в лепешку. На это было смешно и жалко смотреть. Ваня долго стоял под окном и ждал, когда я выйду на улицу играть. Вот и прозвали его ребяташки «Жених Гали Томской». Ваня Алиферов, когда вырос, поехал в Новосибирск учиться и там утонул в речке Ине.

Запомнилась мне еще одна семья из Богдановки – Щемелевы. В семье уже взрослые три сына – Тимофей, Николай, Михаил и одна дочь Маланья. Щемелевы пользовались во всей деревне большим уважением, потому что были отменными работниками. Все у них ладилось. Сначала все жили в родительской избе. По углам стояли супружеские кровати, завешанные занавесками, висели детские люльки, рядом стояли сундуки с приданным жен. Постепенно срубили каждому из братьев по избе, и семьи разделились. В каждой семье куча детей. У Михаила был сын, тоже Миша. Ему было лет десять, и он всегда пас лошадей. Однажды он ходил по лесу с лошадкой, привязав поводок к своей ноге. Собирал и ел клубнику, лошадь щипала траву. Вдруг из травы вылетела большая птица (наверное, сидела на гнезде). Лошадь, испугавшись, сорвалась с места, волооча за собой упавшего на спину Мишу. Она тащила мальчика по земле, по кочкам до самого дома. В результате у Миши была содрана до костей спина, разбита голова, и он долго был без сознания. Потом он все лето пролежал на животе и все время плакал. Чем его лечили, не знаю. Знаю, что мазали дегтем от мух. Мы, ребяташки, часто его навещали, и он всегда радовался нам. В 1930-ые годы Щемелевых раскулачили, и не стало в деревне этой дружной семьи.

В Богдановке жил один интересный человек – Илья Коныч. Его пятистенный дом стоял при въезде в деревню на углу. При доме был большой огород, который засевался подсолнухами. Я ими любовалась, когда они были большими желтыми цветами с коричневой серединкой. Они поворачивали свои желтые головки по солнцу, а когда солнце стояло в зените, то поднимали их «лицом» кверху. Их было так много, что глаз не хватало, чтобы это чудо созерцать. Постепенно, наливаясь зерном, тяжелея, они сбрасывали свои желтые лепестки, все ниже и ниже опускали головы. Наконец, согнув

свою подсолнечную «шею» под углом в 90°, головы замирали и ждали секиры. Некоторые стволы не выдерживали и падали. Илья Коныч был отличным хозяином и хорошим экономистом. У него ничего не пропадало даром. Навоз от скота, которого было в избытке, он употреблял в дело, а не копил в стайках. Он укладывал его лепешкой около дома, посыпал соломой и заставлял своих детей месить эту «лепешку» ногами. Когда она высыхала, хозяин делал из неё кизяки, разрезая на кирпичики. Ими топил печь. Главным достоянием Ильи Коныча была рига, которая стояла в конце огорода. Это большой амбар. Каркас из толстых жердей и все это покрыто соломой. Рига имела продолговато округлую форму. В ней двое ворот – напротив друг друга. Хранился в ней весь крестьянский инвентарь – плуги, бороны, зимой телеги, летом сани, весь урожай и те же подсолнухи перед обмолотом. Рига была для Ильи вторым домом. Из подсолнухов он гнал масло.

Однажды вечером мы видим, - в огороде Ильи Коныча зарево. Пылает рига. Сгорело все до самой земли. Поджег кто-то из деревенских: чья-то злоба и зависть причина тому. При раскулачивании хозяйство Ильи Коныча тоже было разорено, а сам он с семьей выслан куда-то.

Жила в деревне вдова Аршуля. У неё было большое крестьянское хозяйство и куча маленьких детей. Она наняла себе работника, так как одной было не под силу управляться с хозяйством. Этот работник был «кавказской» национальности. Работал, что называется, за троих. Каким ветром занесло его в нашу деревушку, неизвестно. Убереглась ли хозяйка от его южного темперамента, я не знаю, но как он к ней сватался, слышала вся деревня. Бегал за ней по двору и кричал: «Аршуля, поедэм на волость бумага дэлать, а то зарэжу!» И поехала баба. Уговорил.

Рядом с нашей избой в Богдановке жила семья Крамаровых. Это были довольно зажиточные работающие люди. Через дорогу напротив стоял дом их ближайших родственников, и эти люди постоянно бегали друг к другу. Называли своих родственников «Нашкиными», от слова «наши», т.е. родные. Так, наверное, и рождались когда-то фамилии.

Мальчишки летом играли в городки, бабки, а мы все вместе – в «разлучки», в «чижик». Замечу, что в войну ребятишки тогда не играли. Хулиганства также не было, но в чужие огороды по мелочам лазали.

Брат Витя свои бабки раскрашивал, делал «битки»: просверливал внизу кости дырочку и наливал туда свинец. Бабка делалась тяжелой и хорошо «громила» выставленный строй. Когда мы собирались вечером на улице, то рассказывали друг другу всякие страшные истории, кто что знает или придумает. Иногда нас пугали и взрослые. Кто-нибудь из парней вставал на высокие ходули, накрывался с головы до ног простыней и направлялся к нам. При виде этого «привидения» мы от страха с визгом разбежались.

Нам с братом было интересно все. Вот за огородами мужики копают ямы. Возят кору от березы. Вот что-то горит там, скорее тлеет – идет небольшой дымок. Оказывается, это гонят из березы деготь. Деготь в деревне в то время – совершенно необходимый продукт. Мазать колеса телег, сапоги, лечить животных. Да и людей тоже лечили дегтем: делали компрессы от простуды, мазали при чесотке, которая очень была распространена у детей. А еще мазали дегтем ворота неверным девушкам. Какой это был стыд для девчонки, когда ворота или стены избы измажут дегтем! Стыд перед родителями и перед всей деревней. Девка потом всю ночь соскабливает, смывает позорное пятно. А вина-то её, бывало, всего-то в том, что постояла на улице и поболтала с другим парнем. И вот получай за это! Более крупные измены происходили на сеновалах. Сеновал в деревне – самое уютное место для влюбленных, и не только. Спать на сеновале, в свежем ароматном сене – удовольствие несравнимое ни с какими перинами.

Когда поздней осенью кололи гусей, для нас с Витей начиналась работа, которую и злому врагу не пожелаешь, - драть гусиное перо, т.е. отрывать пушинки от основания. Мы усаживались в комнате, мама ставила нам на колени решето, а около – полный мешок гусиного пера. Там этих перышек, наверное, миллион. Нужно было брать каждое

перышко в отдельности и общипывать его, веточки-косточки бросать в корзину. Для ребенка такая монотонная работа утомительна, и мы возненавидели эти проклятые перышки, хотя послушно выполняли задание. Гусиный пух нужен был для подушек. У меня до сих пор сохранилась одна такая подушка, еще с тех времен.

В деревне жила белорусская семья Гиляровых. У Гиляровых был сын Кузьма – «первый парень на деревне». Он был белокур, не особенно красив, чуть выше среднего роста. Грамотный. Гармонист. Летом работал писарем в сельсовете, на зиму уезжал в Омск. В Омске он учился в каком-то техническом училище. В Богдановке у Кузьмы было много потенциальных невест, но когда приехала моя сестра Надя, то все они были им забыты. В деревне молодым познакомиться нетрудно.

Кузьма жил с родителями в избе из одной комнаты: здесь и кухня, и столовая, и спальня. Еще с ними жила семья сестры Кузьмы – Марья с мужем и их сын-подросток. Парнишка (Тимофей Самусев) был отвратительный. С ним никто из ребятшек не хотел играть. Он подслушивал, подглядывал за девочками, когда они бегали в стайку «по нужде». Не зря он потом, став взрослым, работал в ГПУ (в Новосибирске). Кузьма ненавидел племянника. Родители Кузьмы – отец Парфён, мать «Парфёниха». Парфёниха говорила как Трындычиха из оперетты «Свадьба в Малиновке» и все время ругалась одним и тем же ругательством: «Каб тэбе пранцы узяли!» Кто такие «пранцы», знала, наверное, только она одна. Так она ругалась и на скотину во дворе, и на своего Парфёна, и на гусей, зашедших в огород, только на Кузьму не смела.

Семья питалась, похоже, одной капустой. Не просто сырой соленой капустой, а постоянно варили щи из квашеной капусты. Они очень мелко рубили её сечкой, и она водилась у них круглый год. Каждый день на печи в чугушке варилась эта капуста. И не потому, что у них не было ничего другого, - просто традиция была такая. Когда кто-нибудь ехал в город, то заказывали купить им «лёк». «Лёком» называли рассол от селедки. Им привозили целую четверть этого рассола, и семья лакомялась. Наливали рассол в миску, макали в него ржаной хлеб и с наслаждением ели.

Дед Парфён был очень работящим. Любимым делом для него было пилить и колоть дрова. Он привозил из леса березу, пилил на чурбачки, колот их и складывал в поленицу около своего двора. Заготовленных им дров хватило бы на всю деревню на зиму, а он все возил березы, пилил и колот.

Парфёниха пекла иногда «бульбяники» – лепешки из картошки. Картошка в Богдановке, да и везде, была только двух сортов: «белая» и «скороспелка». Белая, помню, резалась, как мыло. А скороспелка - чуть продолговатая по форме и розоватенькая с коричневыми пятнышками, была очень рассыпчатой и вкусной. Картошка, ни та, ни другая, никогда не чернела., даже если бы она сваренной пролежала целую неделю. «Бульбяники» готовили из белой картошки, так как она содержала больше крахмала. Её варили в «мундире», чистили, складывали в большую деревянную ступу и толкли толкачом. Пюре превращалось в тянучее тесто. Солили, разделявали на лепешки и сажали их в русскую печь. Лепешки были очень вкусные. Их ели со щами или с молоком. Ступы, в которых толкли картошку, были в каждом доме. Их делали из цельного куска бревна высотой до колен человека. Выдалбливали древесину, сколько требовалось, и получалась ступа, точь-в-точь такая, как в сказках у Бабы-Яги. Толкач вырубали из куска жерди. Парфён хорошо плел миски из веревки, и у Гиляровых все сухие продукты на кухне хранились в таких мисках.

Я так подробно рассказываю об этой семье потому, что вскоре мы с ними породнились. Надя вышла замуж за Кузьму. Он был умным парнем. Много читал. Ухаживая за Надей, Кузьма стал часто приходить к нам домой. Рассказывал про Омск, про свою учебу. Иногда мы пели хором. Его любимой песней была:

*У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости красиво одеты,*

Невеста стояла бледна...

Мы уже имели опыт хорошего пения еще в Томске, и быстро спелись с Кузьмой. Рассказывал он нам про «математическую» шишку. Якобы у людей, способных к математике, на затылке есть такая шишка. Большая выпуклость. Мы с братом старательно ощупывали свои головы в поисках такой шишки, но ничего подобного не обнаружили. «Еще не выросла»¹. Позднее, когда Кузьма с Надей поженились, они переехали жить в Новосибирск. Он работал учителем математики в школе, а затем директором школы.

Но пока мы все еще в Богдановке. Когда наступала зима, деревенские женщины ставили в избах крósна (или кросны) – домашние ткацкие станки. Эти деревянные станки мужики делали сами. Помню деревянный каркас и вал, на который наматывалась пряжа. От вала нити натягивались (как струны у рояля) на другой вал, и к станку садилась пряжа (как за рояль). Она ногами нажимала внизу педаль, и часть нитей поднималась вверх, а часть опускалась вниз, в пространство между ними пряжа быстро кидала челнок с другой (третьей) нитью, опять нажимала педаль и прихлопывала ткань широким гребнем. Ткали холст из льна, мешковину из конопли. Летом холсты отбеливали на солнце, расстилая их, предварительно смочив в воде, на траве. Процедуру смачивания повторяли несколько раз. Из холста шили белье, наволочки, полотенца. Холст был очень легким, и пахло от него свежим огурцом.

Молодые девушки собирались по вечерам у кого-нибудь в избе на посиделки. Пряли и пели песни. Когда не было керосина, то жгли сало. Брали большую толстую картофелину, выскабливали из неё «мясо», наливали растопленное сало, опускали в него фитиль, и светильник готов. При таком освещении и работали. Парни, узнав, где сегодня собираются девушки, приходили туда в гости.

Под Рождество ребята ходили по домам со звездой, славили, пели. Хозяева давали им гостинцы: сало, пироги, яйца. Набирали сумку продуктов, а потом делили. Витя тоже ходил с группой мальчиков. Он хорошо делал звезду. С одной стороны оклеивал её красной бумагой, а с обратной пристраивал картофелину с салом и фитильком, и звезда «светилась». Я это помню.

Весело праздновали в деревне День Ивана Купалы. Особенно активна в этом была молодежь. Бегали по деревне с ведрами ледяной колодезной воды и окатывали ею встречных. Все это сопровождалось смехом и криками, не стихавшими до глубокого вечера.

Когда в деревне бывали свадьбы, то праздновали всей деревней. Женщины пели свадебные песни. У Нади с Кузьмой роман был в полном разгаре. Иногда они запрягали в кошевку нашу лошадку Шкапу, привязывали к дуге колокольчик и ехали кататься. Я у них часто была почтальоном, носила записочки.

Летом ходили в лес пить березовый сок. Кузьма делал на березе зарубку, из которой помаленьку сочился сок. Мы его собирали в кринку и пили. Потом мы с Витей одни ходили к этому «источнику», и наша кринка всегда была наполнена березовым соком. Мы его выпивали и снова ставили кринку на место. Березам это не вредило: сока хватало и для нас, и для них самих.

Но вот мы с Витей идем в школу, в первый класс. Надя нашла нам одежды из солдатских башлыков и из них же – сумку для тетрадок. Сумку украсила яркими аппликациями, и она стала очень красивой. Когда мы собирались идти в школу первый раз, спорили с Витей, кому нести эту красивую сумку. И, наконец, её схватила я и побежала. Носили с собой бутылочки с чернилами. Учителем стал Кузьма. Он окончил свое училище в Омске и остался в деревне из-за Нади.

Осенью к нам в дом опять явились большевики. На этот раз они увезли Надю. Учительницей в соседнюю деревню – Осиновку. Надя сопротивлялась, потому что была

¹ Не знаю, может быть, в человеческом мозгу и есть где-то на затылке клубок «математических» извилин. Я запомнила эту гипотезу Кузьмы и, будучи уже взрослой, на работе всегда приглядывалась к затылкам мужчин, особенно руководителей.

помощницей мамы в хозяйстве. Но ей сказали: «Свяжем и увезем». Пришлось ехать. Каждое воскресенье Надя приезжала домой. Ездил за ней либо Кузьма, либо Вася.

Кузьма был очень строгим учителем. Иногда какого-нибудь мальчишку-зеваку приводил к порядку линейкой по макушке. По уговору с Надей Кузьма в определенные дни приходил вечерами к нам для дополнительных занятий со мной и Витей, чтобы мы скорее освоили программу. Но однажды перед его приходом мы сбежали. Зачинницей побега была я. Кузьма это знал. На следующий день, когда мы пришли в школу, он взял нас за руки, подвел к углу, что перед доской, и сказал: «Вставайте на колени», - и мы опустились на колени перед всем классом. Хорошо еще, что не на горох. Витю Кузьма отпустил из угла через урок, а я стояла на коленях, глядя в угол, еще три урока. Наказание было чрезмерно жестокое. Не помню, плакала я или нет.

Кузьма готовился к свадьбе, ставил новый дом рядом с родительским. Мы с Витей драли перо Наде на подушки. Надя жила в Осиновке, учила детей. На следующую зиму я поехала в Осиновку и училась у Нади. Однажды в отсутствие Нади у неё через разбитое стекло окна украли платок – красивую тряпочку, лежавшую на подоконнике. Надя сказала об этом своим ученикам. На следующий день украденный платок принес отец девочки, позарившейся на этот платок, и очень просил прощения за озорство своей дочки.

В Богдановке совсем не было воровства. Когда люди уходили всей семьей в поле, на покос, то к наружной двери ставили лопату или палку, показывая этим, что хозяев дома нет. Замков на дверях ни у кого не было.

Когда в деревне у кого-нибудь случалась беда – пожар, гибель скота от волков или что другое, то жители оказывали пострадавшему «помочь». Так было заведено.

В деревне была молоканка, и работник её ездил по деревне с большим бидоном и собирал у крестьян излишки молока. Хозяйки из каждого двора несли ему молоко и выливали в мерный бачок. Работник замерял молоко и записывал в книжку.

Чай мы пили морковный и тыквенный, вприкуску с кусковым сахаром. Чай делали сами, – сушили в печке нарезанные морковь и тыкву, сушили траву душицу. Каждое воскресенье мама пекла пироги с морковью, капустой и булочки, помазанные сметаной.

Вот так мы, томские переселенцы, жили в Богдановке.

Мой старший брат Вася стал хозяином скотного двора. Он кормил, поил скотину, чистил стойки, ездил в поле за травой. Очень любил все это делать, потому что любил скотину, особенно лошадей. Как же их можно не любить? Лошади, я считаю, самые прекрасные и благородные животные. Наш красавец жеребец Воронок стоял в отдельной конюшне, его особенно не нагружали лошадиной работой. Конюшня его была побольше, в ней были дверь и окно. Однажды мимо нашего двора проходила чья-то кобылица. Воронок увидел её в окно, выпрыгнул через него и погнался за лошадьёю. Когда пара коней вбежала во двор, где жила кобылица, его хозяин начал бить Воронка лопатой по задку, да не плашмя, а острым ребром. Изрубил ему весь зад, и Воронок пришел домой окровавленный. В этом проявилась злоба, зависть и русская темнота. Вася намазал раны коня дёгтем. А родители все недоумевали, как мог такой большой конь выскочить из стойки через маленькое окно.

Вася еще перед нашим бегством из Томска окончил 5 классов, и на этом его учеба прекратилась. Он был еще подростком и очень обаятельным парнем, и по внешности, и по характеру. Его очень любили его друзья, и очень полюбил Кузьма. Они стали как братья. Друзьями Васи в Богдановке были поляки - брат и сестра Юзя и Франя. Их родителей занесла в далекое сибирское село революция.

Надя очень любила всякие шутки и часто устраивала их. Однажды мы сидели с ней на крыльце у своего дома. Была осень. Она знала, что Кузьма поздно возвращается с работы. А ходил он мимо нашего дома по середине улицы. Никаких тротуаров не было. Кони и люди ходили по дороге. В тот вечер Надя задумала такую шутку: привязала к колу, стоящему напротив нашего дома, через дорогу толстую нитку и протянула её к крыльцу на уровне лица человека. Второй конец нитки держала в руках, нитка была

опущена на землю. Увидев еще издали, что идет Кузьма, сразу натянула нитку, и когда он приблизился, то нитка «перегородила» ему лицо прямо под носом. Сначала у парня был испуг, а потом смех. Он понял, что это проказы его любимой Нади. Да и мы выдали себя смехом.

И вот, наконец, у Нади с Кузьмой свадьба. Надя сама сшила себе подвенечное белое платье, для головы придумала форму кисеи-фаты. Наделала много цветов, на что Надя была мастерица. Цветами украсили дуги лошадиной упряжи, навесили на них бубенцов и поехали венчаться в деревню Чикман, так как в Богдановке церкви не было. Я сидела вместе с Надей и Кузьмой в «карете» и все время плакала: мне очень жаль было отдавать Кузьме свою Надю. Кузьма даже на меня рассердился, но я все равно всю свадьбу проплакала. За свадебной «каретой» ехала целая вереница повозок с друзьями, с самогонкой, цветами, все разнаряженные. Свидетелями были Панкрат и Юзя. Панкрат – очень красивый статный деревенский парень, поклонник Нади. Свадьбы в деревне «гуляют» несколько дней, пока всех жителей не угостят самогоном и закуской.

Парфёниха умела гнать хорошую самогонку, потому что сама любила выпить. Бывало, летом выпьет кружечку, захмелеет и уйдет на огород. Там ляжет в меже между картофельными кустами и спит. Парфён её не искал, знал, что выпится и вернётся. Надя недолюбливала свою свекровь и старалась с ней поменьше встречаться. А свекровь была недовольна выбором сына: городская, поди, и в хозяйство не впряжешь. Прочила Кузьме в жены соседку Маланью Шемелёву, с которой, по слухам, Кузьма раньше бывал на сеновале.

После свадьбы Кузьмы и Нади в отношениях между моими родителями и семьей Шемелёвых «пробежала черная кошка». Шемелёвы сердились, что Надя отбила жениха у Маланьи. А Маланья страдала.

Парфёниха и Надя открыто свою нелюбовь друг к другу не выражали, жили внешне мирно, тем более, что в разных домах. Надя шила свекрови юбки, кофты, а тестю – косоворотки, да еще вышивала их. Забегая вперед, скажу, что Парфёниха умерла раньше своего мужа, и Парфён затосковал один в своей избе. Кузьма перевёз его к себе в Новосибирск, где к тому времени они с Надей жили. Надя рассказывала, что Парфён ходил по комнатам, заложив руки за спину, и все время молчал, а на вопросы Нади: «Что, тату, такой скучный?», - неизменно отвечал: «Годы давят». Жить в городе он не смог и уехал назад в Богдановку. Жить стал у соседей, которые его кормили. Он колот им дрова, топил печи. Спал на печи и вскоре на печи умер. Схоронили его чужие люди. Остались бесхозными изба и дрова.

Но пока мы все еще в Богдановке, и все живы. В доме, который построил Кузьма, и куда перебралась наша Надя, была одна большая комната, кухня и сени. В кухне была выложена прекрасная русская печь, в комнате стояла круглая чугунная печь для отопления. Мама дала Наде много вещей (приданное): красивые бархатные шторы для дверей, шторы для окон, ковер персидский (так их называли), всякие покрывала, белье. Отец привез из города гардероб. Никаких гардеробов тогда в деревне не было, все добро держали в сундуках. Надя сделала свою комнату очень уютной. Наводя красоту в доме, она старалась для себя, для мужа. Любовь у них была обоюдная, крепкая.

Прошло какое-то время после свадьбы Нади, и она стала маме жаловаться, что поссорилась с мужем. Мама ей говорила: «Я вас мирить ходить не буду. Иди, доченька, разбирайся сама в том, кто из вас виноват». Надя уходила, и жизнь у них налаживалась.

Как-то Кузьма, глядя, как Надя старается навести в деревенской избе городской уют, сказал ей: «Лучше бы ты черную корову привела» – он имел в виду родительскую корову. Надя обиделась, сняла бархатные шторы с двери и отнесла маме. Но вскоре эти разговоры о корове были сведены Кузьмой к шутке. Корову Надя не привела. А те красивые шторы до сих пор хранятся у меня в шкафу.

Я стала часто бывать у Нади. У меня там была своя «комната» на печке. Печка была отличная, я могла стоять на ней во весь рост. Перенесла туда своих «беременных»

кукол, стекляшки и книжки. Когда Надя и Кузьма уезжали на весь день в поле на покос, я была полной хозяйкой в доме. Однажды мне захотелось испечь мацу – еврейский пасхальный кулич. Я этот кулич-мацу помнила еще по Томску. Одна из Надиных подруг – девочка еврейка приносила её нам и угощала. Мне эти тонюсенькие лепешечки очень понравились. И вот я решила их испечь по своему рецепту. Налила в миску воды, насыпала чуть-чуть муки, разболтала эту смесь, вылила на лист и поставила в печь, предварительно истопив её по всем правилам. Что получилось из этого, – понятно. Вода выкипела, а мука присохла и пригорела. Надя потом долго отскабливала её.

Как-то я сидела у Нади на печке и играла в свои игрушки. Одновременно наблюдала за Кузьмой и его гостями. Они сидели за столом и пили самогон. Я видела, как они, выпив, всегда морщились. Раз морщатся, значит невкусно. Тогда зачем же пить? – думала я. Решила попробовать сама. Когда мужчины ушли, я подбежала к столу, но бутылки на столе не было. Она стояла на окне. Я взяла её, вытащила пробку и отхлебнула глоток прямо из бутылки. О, ужас! Это был керосин. Я перепутала бутылки. Сколько-то выплюнула, а сколько-то все же успела проглотить. Не надо говорить, что вкус и запах «напитка» оказался отвратительным. Я думала, что умру, и дня три ждала смерти. Но никому из взрослых не рассказала. А бутылку с самогомом Кузьма, оказалось, поставил на полку, чего я не заметила. Вообще-то Кузьма выпивал редко и совсем мало.

Доить коров мне еще не разрешалось, но я часто подсаживалась к маме, когда она это делала. Вымыв вымя коровы водой, и насухо вытерев его, мама ставила под него ведро и начинала доить. Первая струя молока громко ударялась о дно ведра, а затем по мере наполнения эти удары смягчались, в ведре поднималась молочная пена. Бывало, иногда корова брыкнет ногой по ведру, оно падает, и все молоко выливается на землю. Мама расстраивалась, хлопала ладонью корову по заду и начинала доить другую. Парное молоко очень полезно, но я его не любила и никогда не пила. Мама процеживала молоко, разливала его по кринкам, ставила их в погреб в амбаре. Иногда молоко пропускали через сепаратор (он у нас был). Это прибор для отделения сливок. Он состоял из множества деталей, в основном, – воронок. Сливки мама ставила в корчаге в протопленную русскую печь, и они там «топились». Потом сливки остужались и сливались в маслобойку – специальную деревянную кадушечку. Сбивать масло мама поручала мне. Нудная это работа, но приходилось делать. Я садилась на пол, рядом ставилась маслобойка, и я, обвив её ногами, начинала работу: энергично крутила сливки веселкой. Периодически открывала крышку, смотрела, не появились ли комочки. Когда они появлялись, я радовалась, что скоро конец. И вот все комочки сливаются в один большой ком, получается «вологодское» масло по Верещагинскому рецепту: масло из кипяченых сливок (я читала как-то, что вологодское масло изобрел художник Верещагин). Теперь такого масла, наверное, нет.

Нам с Витей родители сшили дубленые шубки: мне – тулупчик, Вите – барчатку. Все дети в деревне, как только наступало лето, ходили босиком в любую погоду, не опасаясь поранить ноги. Ведь стеклянного и железного мусора, да и никакого другого в деревне не было. Пищевые отходы съедала скотина, другие отходы сжигали в печах. Наступил 1924 год. У Нади родился сын Юра. Это событие стало большой радостью для всей нашей семьи. Роды у Нади принимала мама. Сейчас Юре 78 лет. Он живет в Новосибирске с женой. Ослеп, видит только свет и тьму, как он мне сам сказал. У Юры сын Вася – переводчик английского языка, и дочь Таня – архитектор.

В 1924 году умер Ленин. Я с одной девочкой писала в школе лозунг: «Заветы Ильича мы не забудем никогда». Кузьма спрашивает нас: «А что он завещал?» А мы не знаем. Я и сейчас этого не знаю. А что касается Кузьмы, то надо отметить, что он принял революцию и советскую власть без аплодисментов, и такое настроение прошло через всю его жизнь.

Мы продолжали учиться у Кузьмы. Когда вечерами бывало ясное небо, Кузьма выводил наш класс на улицу, и мы изучали звезды. Мы очень увлеклись этим. Только вот

ничего медвежьего я не находила в созвездиях ни Большой, ни Малой Медведицы. Вскоре мы уже хорошо ориентировались в звездном небе. Вот созвездие Ориона – квадратик из звездочек с маленьким хвостиком, вот Полярная звезда, вот огненно-красный Марс. Больше всего из небесных чудес я любила Луну, ведь она излучает какой-то таинственный свет, и она всегда «рядышком» с Землей. Летом Кузьма водил нас в лес, рассказывал о растениях, деревьях, насекомых. Из деревьев я больше всего люблю осину. Знаю, что древесина её непрочна, что она не годится на дрова. Даже частушка такая была: «А дрова-то из осины не горят без керосина...» Но листва осины, её крона очень красивы. Даже в тихую погоду, без малейшего ветерка, каждый из её кругленьких листочков дрожит, трепещется, будто-то ствол осины кто-то трясет.

После выхода в лес Кузьма задавал нам написать сочинение об увиденном, о своих впечатлениях. За мои сочинения он всегда мне ставил оценку «хорошо» и даже «очень хорошо», но это не «по благу». Я действительно хорошо писала. Ничего не выдумывала, а описывала то, что видела, причем очень подробно. Еще Кузьма давал нам уроки истории, при этом рассказывал и о прошлом Богдановки. Он, конечно, к урокам готовился, читал книги российских историков С. Соловьева и Н. Карамзина. С тех еще давних пор я запомнила слова обращения новгородских славян к варягам. Смысл их прост: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Идите княжить и владеть нами». Раньше в молодости я, хорошо запомнив эти слова, не подвергала их какому-то анализу. Теперь же считаю, что для России они сохраняют свою актуальность вечно.

Я очень полюбила деревенскую жизнь и все её «нюансы» впитывались в мое сознание.

В деревне дети взрослеют очень рано, потому что с ними не «пютюнькаются». Я познала тогда, что такое деревенская страда. А главное – очень полюбила природу. Она предстала передо мной выпукло, и будто бы все было тогда крупнее: и солнце, и луна, и небо шире, и звезды ярче и гроза грозней и простора больше. Так оно и было для меня – маленькой девочки.

Но прощай, Богдановка! Ты сформировала меня, дала мне много полезных наглядных навыков, которые помогли мне в дальнейшей жизни. Помогла никогда не забывать подаренную тобой сказку.

Новониколаевск

Как я уже говорила, отца не особенно вдохновляла сельская жизнь, необходимость ухода за коровами, свиньями. Он был мастером иного дела. И мы переезжаем в Новониколаевск, где отец заранее купил дом. Дом стоял в овраге, на берегу речки Ельцовки. Город тогда был совсем маленьким. Половина его населения селилась по оврагам, строя дома по берегам речек. Улица, на которой мы поселились, называлась Ельцовской, а по-народному – Нахаловкой, так как все дома там были построены без разрешения городских властей. Над нашим домом, на горе, стояли огромные нобелевские резервуары, каждый не меньше нашего дома. Они были покрашены белой краской, и на каждом написано крупными буквами «Нобель». От них к вокзалу тянулось несколько рядов труб. В резервуарах хранилось горючее.

Речка Ельцовка была сточной канавой для скотобойни, находящейся выше города. Вода в речке часто бывала красной от крови. Свои грязные воды Ельцовка сливала в Обь.

Жители соседних домов были самые разные. Один сосед разводил, продавал и менял голубей. Этим он жил. Голубями были заполнены все его сараюшки и дом. Когда он выпускал всю стаю в небо, то казалось, что надвигается туча. Другая соседка варила и продавала пиво. Однажды к ней нагрянула милиция. Милиционеры выкатили во двор бочку с пивом, подкатили её к берегу и вылили содержимое (Ельцовка все принимала), а хозяйка, стояла, подбоченившись, и ругалась на милиционеров. Еще жила белошвейка. Она шила красивое женское белье для магазина.

Мы с Витей начали осваивать город. Много исходили вдвоем, с любопытством все осматривали. Заходили в магазины, где продавали канцелярские товары и разглядывали там красивые картинки, любовались тетрадочками, красками, карандашами. В Богдановке этого не было.

В городе было много беспризорников. Они ходили кучками и были чумазыми от угольной пыли и оборванными. Они не были агрессивными, просто просили милостыню. Жили они около вокзала в пустых вагонах и сараях. Была популярна тогда песня беспризорников, которую пели не только они, но и все дети:

*Позабыт, позаброшен с молодых юных лет
Я остался сироткою, счастья-доли мне нет.
А когда же умру я, похоронят меня,
И никто не узнает, где могилка моя.
На мою, на могилу уж никто не придет,
Только ранней весной соловей пропоет.*

В городе уже был построен Дом Ленина. Туда людей водили на экскурсии. Мы с Витей тоже побывали там. Однажды мы забрели в театр «Красный факел». В нем тогда ставили оперы. В одном из помещений театра я увидела порхающую балерину – девочку и загляделась на неё. Она показалась мне очень красивой, и мне стало завидно, что я не умею так «порхать».

В театре шла опера «Хованщина». Мы с Витей купили один билет на двоих, так как не было денег на два билета. Мы договорились, что на одно действие схожу я, а на другое он. Так и сделали. Я пошла в зрительный зал, Витя остался в фойе. Я прослушала прекрасную увертюру к опере - «Рассвет на Москве-реке», и музыка меня очаровала. Я запомнила её с тех пор навсегда. Но оперу я не поняла. На второе действие пошел Витя, а я осталась в фойе. Когда я стояла там в одиночестве, ко мне подошел гардеробщик и спросил, почему я не в зрительном зале. Я ему рассказала причину, он засмеялся и отвел меня в зал. Этот первый поход в оперу я всегда вспоминаю, когда вижу афиши с названием оперы «Хованщина» или слышу из неё увертюру.

Началась наша учеба в одной из Новониколаевских школ. Мне не понравился учитель. Кузьма был лучше. Надя с Кузьмой еще оставались в Богдановке. Иногда они, взяв с собой Юрика, приезжали к нам. Для меня это была большая радость.

Как-то раз, когда мы с Витей в очередной раз пошли в центр города, то увидели там, прямо у Дома Ленина на Красном проспекте, стадо скота – коровы, овцы, телята. Запахло Богдановкой! Мы узнали, что проводится лотерея, и все это стадо разыгрывается. Мы купили один билет, и его номер оказался с выигрышем. Мне хотелось, чтобы нашим выигрышем была черная корова. Я со своим билетом стала осматривать коров. У них на рогах были привязаны дощечки с номерами. Я представляла себе, как мы с Витей приведем домой на поводке выигранную корову. Однако, нашим выигрышем оказалась какая-то малюсенькая посудина.

В городе была эпидемия малярии. Мы переболели все. Первой заболела я. Я помню эту болезнь. Сначала, ни с того ни с сего, начинается небольшая дрожь, и озноб постепенно усиливается. Я залезала на русскую печь, мама набрасывала на меня одеяло, шубы. Но тело от тряски начинало подпрыгивать. Так продолжалось сутки, а на следующий день все проходило, как будто бы ничего и не было, но через день начиналось снова. Вот такая это была болезнь. Лечили хинином, но мне лучше было трястись, чем проглотить этот горький порошок. Кстати, тогда все лекарства были либо в порошках, либо в микстурах, таблеток не было.

Однажды город потрясло страшное событие. Были убиты топором трое детей-подростков – два брата и сестренка. Негодяй убийца был знакомым этой семьи, часто бывал у них. Совершил он это злодеяние, видимо, желая пожить. Во время похорон к дому, что недалеко от железнодорожного вокзала, собрался едва ли не весь город, яблоку, что называется, негде было упасть. Позднее я иногда встречала родителей убитых детей,

когда ходила за хлебом в «Церабкооп» (так было написано на вывеске и означало: центральный рабочий кооператив). В городе их все знали. Эти молодые старики шли, семенили мелкими шажками, тесно прижавшись друг к другу, с опущенными головами, ни на кого не глядя.

У отца появилась зазноба – Алёна, жена механика водокачки, немца по имени Фридрих. Эта Алёна - пухленькая курносая бабёнка подбрасывала отцу записочки, и мама узнала обо всем. А я с тех пор возненавидела имя «Алёна».

Прожив в Новониколаевске около года, отец понял, что делать нам в этом городе с оврагами нечего. У него практически не было работы, так как никто ничего не заказывал: ни ботинок, ни сапог. А детей-то четверо. И мы переезжаем в 1926 г. в свой родной Томск.

Опять в Томске

Ехали поездом в товарных вагонах, до отказа набитых пассажирами. На всех остановках людская суматоха: много людей, все с мешками, баулами и всем куда-то надо ехать. Еще в Новониколаевске к нам с Витей как-то пристала огромная, как лев, собака. Она не уходила от нас. Мы её приголубили, назвали Барсом. Она была в красно-белых пятнах, очень ласковая, но грустная. Потом мы поняли, что она больна. Её мы взяли с собой в Томск.

Я сейчас удивляюсь своим дорогим родителям. Откуда они брали силы на эти переезды, на решение вопроса, как дальше жить, что делать? Решал отец, но мама была хорошей советчицей.

В стране был нэп. Я то время вспоминаю вкусом хлеба, который пекли «нэпманы». Позднее я никогда такого не ела. Пекли хлеб из муки крупчатки. Булки были круглые, диаметром примерно с сиденье стула. Верхняя корочка вся в румяных пузырьках. Если сесть на эту булку, она превратится в лепёшку, а затем снова поднимется и примет свою прежнюю форму (так делал продавец, чтобы в рекламных целях продемонстрировать качество хлеба). Запах того хлеба был особенный, и этот запах был только на улице. Это вообще интересно: стоит понюхать хлеб зимой на улице, а потом дома и можно убедиться, что дома у хлеба запах совсем иной.

Отъезд из Новониколаевска меня несколько не опечалил. Это не Богдановка с лягушками и петухами, а что-то довольно страшноватое. А Богдановка не выходила у меня из головы.

Приехав в Томск, родители сняли квартиру у Асмодея. Асмодей – это не фамилия, а прозвище, которым наградили домовладельца его квартиросъемщики. У него было три дома. Асмодей – коренастый старик с лохматыми бровями, почти закрывавшими ему глаза. Жил он один. Видно, его родных «смыла» революция. Судя по тем книгам, которые стояли у него на полках, он имел какое-то образование. Держался особняком, ни с кем не общался. Его дома стояли на улице Красноармейской (тогда Солдатской). Они и сейчас живы. Это через два дома от нынешнего Дома быта №2. Тогда на месте Дома быта стоял одноэтажный кирпичный дом, в котором был роскошный кондитерский магазин. Как только открывалась его дверь (с угла) из него волнами вырывался конфетный запах, и мы бегали его нюхать. Тогда это место называлось «Выездом». Дальше на юг было Преображенское кладбище и пустырь.

Мы с Витей пошли в школу в 4-й класс. Школа находилась на улице Гоголя в жилом двухэтажном деревянном доме. Школа была очень чистенькая и уютная. Девочки на переменах играли в популярную тогда игру «камушки». Рассаживались группами по углам на полу и, подбрасывая вверх один камушек, старались схватить лежащие на полу и успеть поймать подброшенный. Эта игра не была бестолковой, как может показаться. Она развивала пальцы рук и смекалку. Мальчики обычно стояли и смотрели, но некоторые тоже играли. В нашем классе учился мальчик по фамилии Сегал (имени не помню). Он был очень подвижный, шаловливый и часто нарушал дисциплину. Учительница

попросила меня написать про него стишок для газеты, которую мы выпускали в классе. Я написала, как могла:

*У кого кипит работа,
У Сегала – лишь забота:
Нужно девочек смешить,
Чтоб немного пошутить.
Положил резинку на нос, -
Шаповалова хохочет во весь голос,
И Сегал развеселился,
Громким смехом он залился.*

Стишок был написан с натуры. Была и резинка на носу Сегала, была и девочка-хохотушка Шаповалова, которая сидела с ним за одной партой. Стишок мой был помещен в стенной газете. Сегал на меня надулся. Много лет спустя, когда я уже стала бабушкой, меня как-то врачи направили в больницу по поводу аппендицита. Это была больница водников. Там в один из «лежачих» дней я услышала переполох в зале: бегали туда сюда врачи и медсестры и тихонько переговаривались. На носилках пронесли человека и положили его в одиночную палату. Над дверью палаты – лампочка. Она потом часто загоралась, - сигнализировала больной, что ему нужен врач. Этим больным оказался Сегал – некогда тот шаловливый мальчик, про которого я написала в свое время стишок. Он стал врачом. А теперь вот мы оказались в одной больнице. Через несколько дней лампочка перестала загораться: больного Сегала не стало.

Операцию в больнице мне делать не стали: не подтвердился диагноз клинических врачей. Bravo врачам больницы водников!

По дороге в школу я часто встречала на улице Гоголя студента, у которого из портфеля торчала рейсшина. Меня она просто заорожила. Я поняла, что это чертежный инструмент и загадала, что когда вырасту, то буду строителем. Скажу сразу, что мечта моя сбылась. Хотя, если разобраться, то профессия эта совсем не женская. На стройках ни один кирпич не укладывается без мата. Женщины (рабочие) там грубеют, и их разговоры тоже приобретают нецензурную форму, что несовместимо с понятием «женщина-мать».

Наша семья продолжала мыкаться. У Асмадея мы прожили недолго. Отец купил дом на снос на улице Учебной (тогда Симоновской, теперь на этом месте женская консультация). Дом был прекрасно построен в свое время строителями-артельщиками. В нашем же дворе в другом доме жила хозяйка усадьбы и её квартиранты – семья Троновых: мать и двое её сыновей, молодых ученых, Борис и Михаил. Семья была высокоинтеллигентная, образованная, но скромная по достатку. Впоследствии, когда Борис Владимирович стал известным профессором, он женился на своей лаборантке, красавице, польке по национальности, Екатерине Вацлавне. Жизнь его с того времени превратилась в трагедию. Я была знакома с Екатериной Вацлавной, бывала у них в доме и много видела. В округе, где они жили (на ул. Пирогова), её все называли «Трониха».

На улице Учебной в собственном доме мы прожили полгода. Умерла старая хозяйка, а новая – её дочь сказала отцу: «Убирайте свой дом с моего двора, срок сноса уже подошел». И отец убрал. Он оформил место на проспекте Тимирязева (теперь пр. Ленина), построили там сарай, рядом туалет, и мы перебрались в этот сарай. Тем временем бригада строителей строила нам дом, строила уже по-советски: с перекурами и бутылками. Командовала ими мама, так как у отца не хватало твердости характера. Наконец, мы вселились в наш собственный дом, уверенные, что отсюда нас уже никто не спихнет. В доме три комнаты, две печи, одна из них, конечно, русская. Стены и потолок оклеены обоями. Штукатурить до усадки стен нельзя. Дом наш стоял четвертым от угла Учебной улицы, теперь это место - «хвост» поликлиники №7. Во дворе росла полоса малинника, неизвестно кем посаженная, и три огромных березы.

Тимирязевский проспект – наш общий двор

Мы стали знакомиться с округой: кто есть кто, кто, где живет. Оказалось, напротив нашего дома через дорогу находится усадьба крупного томского купца Федора Ивановича Деева – прямо ворота в ворота нашего дома (правда, ворот у нас еще не было, денег не хватило). Про купца Деева и его семью я расскажу позже, а сейчас о нашей округе и других её обитателях.

Лагерный сад был от нас на расстоянии 2-х кварталов. Он был очень заросший: много деревьев, кустарников, травы, полевых цветов. Недалеко от входа на левой стороне стояла ветхая избушка. В ней жил какой-то старик-отшельник. Его кормил народ: приносили ему хлеб и другие продукты. Особенно много о нем заботилась женщина, которая пасла в саду своих коров. Старика никто не обижал. Там в своей избушке он вскоре умер. На правой стороне перед входом в сад был стадион, на который ходило едва ли не полгорода спортсменов. Стадион закрыли, когда построили мемориал.

Под горой у Лагерного сада был городской пляж. Туда тоже ходило полгорода купальщиков. Пляж был «диким», его никто не благоустроивал. Этого и не требовалось, так как его «благоустроила» сама природа. Томь была еще многоводной, и переплыть её отваживался не каждый пловец. Склон горы был в зарослях кустарника и здесь устраивались пикники. Жаль, что сейчас Томь с чистой водой испортили «благоустроители», причем делали они это не как попало, а по чертежам «умных» проектов. Вспоминается строительство обогатительной фабрики на берегу Томи (конец ул. Учебной). На фабрике сортировался по фракциям гравий, который вычерпывался земснарядом из Томи и выбрасывался на берег. Надо же, даже фабрику построили, чтобы загубить реку! Это было во время введения совнархозов. Гравий терриконами лежал на берегу реки. Отсюда его машинами возили на стройки, засыпали им ямы бесхозяйственного руководства строительством, когда строительные площадки становились непроходимыми от грязи. Река расплачивалась за эту бесхозяйственность. Уже примерно через год после начала работы обогатительной фабрики гравий на этом месте реки выгребли весь. Она прекратила работу. Земснаряд передвинули на новое место, и он работал уже без фабрики.

Но возвращаюсь в 1926 год. Проходили выборы в окружной и другие местные Советы. К участию в выборах не допускались так называемые «лишенцы». Эта категория образовалась из купцов, членов их семей, торговцев и других «бывших». Помню, как на выборы пришла жена Деева, а её выгнали из зала.

По ночам покой граждан охраняли сторожа. Они ходили по улицам и стучали деревянными колотушками. Правда, под утро сторож пристраивался где-нибудь на лавочке или крыльце дома и засыпал. Часто засыпал на крыльце нашего дома, и мама его утром будила.

Все жилые дома в округе еще частные. На каждом доме прибита табличка с названием улицы, номера дома и электропатроном для лампочки. Если лампочка где-то не горела, то участковый милиционер стучал в окно и требовал включить свет. Таблички были стандартные: круглые, с защитным для лампочки козырьком.

Тротуары деревянные, вдоль них – кюветы-канавы с уклоном. В них стекала дождевая и талая вода и весело журчала, особенно весной. К ночи вода застывала, а утром «просыпалась» и опять начинала журчать. Не помню, чтобы были лужи. За тротуарами следили хозяева близстоящих домов. Они чистили и чинили их. Следила за этим опять же милиция.

Стоял еще почти новый «Егоровский дом». Недобрую историю этого дома знали все томичи. В книге «Томские трущобы» о нем написано много неправды. В доме располагалась богатая частная бакалейная лавка. Вход в лавку с угла. К входу поднимается высокое крыльцо. Дом этот и сейчас цел. Он стоит на углу улицы Учебной и

пр. Ленина. Двухэтажный, с полуподвалом. Теперь сильно обветшал. Только старожилы помнят теперь, что это «Егоровский дом».

Рядом с нашим домом стояла усадьба Василия Протасова. Он имел бакалейную и мясную лавки. Человек этот славился своим лукавством и жульничеством. За глаза его в округе дразнили «Веслом». Это прозвище он получил в результате одной истории, когда его побили веслом заисточные татары за попытку обмануть при заключении какой-то торговой сделки. Когда при нем произносилось слово «весло», он весь напрягался и краснел. Однажды кто-то прибил к двери его лавки весло. На моих родителей Протасов был зол, за то, что они заняли место, на которое претендовал он, собираясь поставить здесь еще один дом для сына. У В. Протасова было двое детей: сын и дочь. Они стали нашими друзьями. На углу улиц Тюремной (ныне Иванова) и Тимирязевского проспекта красовалась водокачка – кирпичный терем, каких было много по всему Томску. На улице Тюремной находилась тюрьма. Через зарешеченные окна заключенные махали руками всем, кто проходил мимо. На этой улице в своем доме-особнячке напротив завода «Крюгер» жила женщина с внуком-подростком. Эту женщину все называли «Суворихой». Она занималась траволечением. Этот дар в их семье переходил от поколения в поколение. К ней он перешел от деда и отца. Сувориха знала множество всяких трав и корешков и лечила ими всех, кто к ней обращался за помощью. Так, она лечила профессора медика Анатолия Иннокентьевича Нестерова, который был болен чахоткой. В 1930-х годах Сувориху арестовали как «чуждый элемент». Внук остался один. Дом отдали чужим людям. Через некоторое время он сгорел. В народе говорили, что поджег его внук Суворихи.

Для нас с Витей Тимирязевский проспект, начиная от Лагерного сада до корпусов СТИ (Сибирский технологический институт), казался большим общим двором, где мы всех знали. Ведь народу было не так много. В каждом двухэтажном доме жило только по две семьи, и не было такого плотного заселения, как в последующие годы. В основном это были профессорские семьи, занимавшие по целому этажу. Мы их тоже всех знали.

Двухэтажный дом на Тимирязевском проспекте (теперь первый от улицы Пирогова под номером 29) принадлежал Лапину – «мясному королю». Его мясная лавка располагалась в пристроенном к дому помещении, которое существует до сих пор. Весь первый этаж занимала бакалейная лавка братьев Шубиных. Теперь там тоже магазин. И в советское время там был магазин, который назывался «Металлист». Всегда к этому магазину выстраивались длинные очереди до самого Лагерного сада, когда что-нибудь «выбрасывалось» в продажу.

У Лапина, да и у других торговцев в то время практиковался кредит для покупателей своего района. Если у покупателя не было денег, то лавочник, отпуская товар, записывал долг в кредитную книжку. Когда покупатель «разбогатеет», он обязательно рассчитается. Конфликтов по этому поводу не бывало, и взаимоотношения строились на честном слове.

Рядом с усадьбой купца Ф.И. Деева в двухэтажном доме жил упоминаемый уже мною профессор медицины А.И. Нестеров. Он жил вдвоем с женой Любой – веселой добродушной женщиной. Она была дочерью прислуги родителей профессора. Много позднее я читала в журнале «Здоровье» статью о Нестерове. Он был уже академиком и жил в Москве.

На Симоновской улице, где еще стояли редкие деревянные дома, жила девушка, имени которой я не помню. Она была очень маленького роста – «от горшка три вершка», и народ дал ей прозвище «Королек». «Королек» работала в механических мастерских СТИ токарем на станке. Это воспринималось людьми с удивлением. Как? Девушка работает токарем? Невероятно! Такого раньше не бывало! И смотрели на неё так, как мы потом на первого в мире космонавта. Девчонка гордилась.

В годы нэпа в Томске орудовала шайка грабителей, Шайка состояла из двух братьев по фамилии Черненькие. Эти удалые парни разъезжали на лошадях по темным

улицам в кошევках и грабили прохожих. Отсюда и название шайки – «кошевники». Они снимали с людей дорогие шубы, отбирали карманные часы, кошельки. На нашей улице они не появлялись, но слух о них разносился громкий. Много лет спустя я работала в Новосибирском проектном институте с сестрой этих парней Ниной Черненькой. Я спрашивала её о братьях, но она уклонялась от разговора.

Но вот уже конец 2002 года. Я заканчиваю первую часть своих воспоминаний. Порой вспомнишь какой-нибудь радостный эпизод из жизни, и солнышко в душе загорится. Но это на один миг, на солнышко наплывает туча...

К тому времени, на котором я заканчиваю эту часть воспоминаний, я уже была девочкой-подростком. Длинноногая, с начавшей оформляться грудью. Мне не нравились эти торчащие бугорки: от них морщилось платье, и не лежало так, как надо. Начала влюбляться. Первым моим объектом стал Дуглас Фербенкс – американский актер, который играл Багдатского вора в одноименном фильме, а также играл главную роль в фильме «Знак Зорро». Этот красавец Дуглас грезился мне по ночам.

Мы с братом очень любили ходить в кино. Не пропускали ни одного фильма. Фильмы были немые. Я перечислю здесь названия тех, что запомнила: «Медвежья свадьба», «Бабы рязанские», «Поликушка» (по Толстому), «Пышка», «Пат и Паташенок» (имена героев были подхвачены зрителями и стали символическими, их можно слышать и сейчас), «Станционный смотритель», фильмы по повестям Лермонтова «Герой нашего времени», «Процесс о трех миллионах», «Нибелунги», «Мисс Менд», «Праздник святого Йоргена», «Человек-невидимка». Запомнились знаменитые актеры тех лет: Э. Цесарская, Е. Малиновская, Эггерт, И. Мозжухин, О. Жизнева, Москвин, Коваль-Сомборский, Д. Фербенкс, Мери Пикфорд, Гарри Пиль и др. Фильмы, созданные киностудией «Межрабпом-Русь» и зарубежными студиями, стали классикой. В них не было вольных секс-сцен, и авторы уважительно относились к зрителю. Показ немного кино сопровождался фортепианной музыкой. На сцене, сбоку от экрана, сидел тапер, который виртуозно импровизировал по ходу действия, особенно подчеркивая трагизм или радость момента. И слова не были нужны, их «говорила» музыка.

Конец первой части

Часть II

Томск студенческий. Улица Почтамтская. Отрочество.

Брат Вася стал учиться в вечерней школе, так как пока мы жили в деревне, он очень отстал от школы. Мы с братом Витей ходим в новую школу. Школу-семилетку. Она совсем рядом, через дорогу, в доме на углу Тимирязевского проспекта и ул. Пирогова. Этот красивый краснокирпичный двухэтажный дом был отобран советской властью у домовладельца Введенского. В этом доме и теперь школа - средняя школа №32, но она значительно расширилась за счет двухэтажной пристройки, сделанной в 50-х годах прошлого века. Позднее в этой пристройке учились мои внуки - Алиса, Валерия и Кирилл. В то время, когда в этой школе училась я, директором её была бывшая директриса Мариинской гимназии по фамилии Горд-де-Грот. Хорошо запомнилась эта величественная рыжеволосая дама в голубом костюме с рыжей лисьей горжеткой на плечах. Она преподавала у нас географию, была в меру строга. Мы её любили и уважали. Еще помню учительницу рисования Инну Владимировну Аронову. Это была очень милая и добрая «старушка» (такой она нам казалась, хотя ей было лет 50). Моя старшая сестра Надя в гимназии тоже училась у неё рисованию, и Инна Владимировна помнила её как хорошую ученицу и сохранила Надины рисунки. Она приносила их в школу и показывала нам.

Мы учились уже не в классах, а в группах. Название «класс» было властью отменено как название царских времен, неприемлемое для советской школы. В школах тогда стало популярным создавать организации под названием «Синяя блуза». Мы надевали блузы, сшитые из синего сатина, становились в строй, маршировали и пели: «Мы синеблузники, мы профсоюзники...». Устраивали пирамиды, громоздясь друг на друга, придерживаясь задуманной композиции. Руководила нами учительница физкультуры. Нам давали общественные поручения. Например, проверить, уплатили ли налоги «буржуи» за свои дома. Представитель городского финансового отдела вручал нам документы на нескольких «буржуев», давал их адреса и инструктировал, чтобы в случае, если окажется, что тот или иной налог не уплачен, составлять опись имущества. Давал бланки для описи. Мы - маленькие дурочки с важностью шли выполнять такие поручения. Некоторые хозяева безропотно встречали нас и объясняли, что им платить нечем, так как у них все отобрали, денег нет. И мы делали опись дома. Более грамотные хозяева сразу спрашивали у нас мандат. Никакого мандата у нас, конечно, не было, да мы и не знали, что это такое, и тогда хозяин просто выгонял нас «взашей».

Продолжалась борьба с неграмотностью. Мы ходили по домам нашего района и записывали всех неграмотных. Потом нас «прикрепляли» к неграмотным, и мы занимались с ними. Это были в основном женщины, учиться им было некогда, и наши хождения к ним часто были впустую.

В нашей группе училась Галя Казанцева. Изящная блондинка с точеной фигуркой и красивым лицом. Она была моей подружкой, и сидели мы с ней за одной партой. Училась она слабовато, но была очень подвижной, бойкой и веселой. Жила с дедом, бабушкой и младшим братом. Родители Гали давно умерли: погибли во время революции (они имели в Омске свое пароходство). Дед Гале был неродной. Он работал машинистом на электростанции технологического института (была в те времена такая). Этот высокий жилистый старик был очень добр, умен и любил своих неродных внуков. Бабушка Гали все время лежала и была уже маразматиком, хотя они с дедом еще не очень были стары. И вот Галя вела все домашнее хозяйство: убирала квартиру, стирала белье, готовила пищу. Однажды она завела тесто для хлеба и ушла в магазин. Бабушка встала и нарезала в это тесто кусочки мыла, видимо, думая, что это дрожжи. Увидев это, Галя её побила, а сама расплакалась. Я стала невольным свидетелем этой сцены. Семья Гали жила в деревянном одноэтажном доме, который и теперь стоит во дворе главного корпуса ТПУ.

Про Галю я пишу потому, что не могу не вспомнить здесь об этой хорошей девочке. Мы с ней бегали на танцевальные вечера в актовом зале университета (теперь там профессорский читальный зал). В те давние времена он был доступен для всех жителей города. Танцевальные вечера устраивались в воскресные дни, звучала музыка военного духового оркестра Томского артиллерийского училища. Оркестр размещался на балконе. Дирижировал оркестром бывший белый офицер. Он олицетворял собой облик классического русского офицера. Был подтянут, строен и благообразен. Он являлся зятем нашего школьного учителя пения - добрейшего старичка Любимова. Через несколько лет тот дирижер был расстрелян советской властью.

Танцевали тогда вальс, подыспань, краковяк и польку. Фокстротов и танго еще не знали. Парни перед танцами жевали корешок «сен-сен», который отбивал запах табака у курящих, чтобы он не распространялся на партнершу по танцу. Корешки эти продавались там же, где и папиросы. Курящих девушек я тогда не встречала. В том же актовом зале часто проводились концерты приезжавших в Томск знаменитых актеров. Так, бывал в Томске самый старший Кио.

Рядом с домом, где жила Галя Казанцева, стояла (и сейчас стоит) высокая кирпичная дымовая труба котельной электростанции технологического института. По трубе до самого верха шла винтовая лестница. Здесь произошла трагедия, о которой говорил весь город. Студент института забрался по лестнице на самый верх трубы и

бросился оттуда вниз, разбившись насмерть. По слухам причиной такого поступка была неразделенная любовь.

В Сибирском технологическом институте, как в 1920-е годы назывался теперешний ТПУ, учились только парни. Девушкам туда доступа не было, да они и не стремились. Тогдашние маститые профессора даже поговорку придумали по этому поводу. Впрочем, она неприличная, писать не буду. Был тогда в институте горный факультет, который позже перевели в Кемерово. Студенты горного факультета носили форму черного цвета с молоточками на воротниках пиджаков и на фуражках. Эта форма преображала парней - делала всех стройными красавцами. В главном корпусе института устраивались студенческие вечера. Поскольку девушек было мало, приглашали их из университета с медицинского факультета, а также просто с улицы. И мы с Галей Казанцевой тоже бывали на этих вечерах. Заходили прямо с лыжами, на которых только что катались с горы вдоль главного корпуса СТИ у «кривых» берез (они там растут и теперь). Гора тогда была крутой, и её пик находился напротив входа в главный корпус. Опасности попасть под машину не было, потому что их просто в те времена, слава Богу, еще практически не было в городе. Крутую гору у главного корпуса СТИ, с которой мы с Галей катались на лыжах, срезали в 1960-х годах, когда заменяли булыжное покрытие дороги на асфальтовое. Её сначала смывали водой из пожарных брандспойтов, а потом срезали бульдозером.

Мы с Галей были девчонками симпатичными, да еще с румянцем, и студенты охотно приглашали нас на свои вечера. На этих вечерах не было никаких буфетов с выпивками. Парни просто гуляли компаниями вдоль длинного широкого коридора 1-го этажа, шутили, смеялись, знакомились с девушками, делали им комплименты, были очень галантны и интересны. Культурный уровень, воспитание и поведение студентов были несравненно выше, чем у теперешних. Они не позволяли себе курить в присутствии женщин. И, конечно же, совершенно не было мата. Студента по внешнему виду можно было сразу определить на улице.

На втором этаже главного корпуса был зрительный зал и сцена, где студенты давали театральные представления. Артистами были только парни, которые исполняли и женские роли. Помню один коротенький спектакль. На сцену перед закрытым занавесом выходит ведущий и объявляет зрителям, что сейчас будет представлен спектакль по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина», объявляет действующих лиц и исполнителей ролей: «Анна Каренина - студент Иванов, поезд - студент Петров». Открывается занавес, и мы видим: на перроне стоит «Анна», на голове у неё темная кружевная накидка, руки прижаты к сердцу, на лице - страдание. Смотрит в сторону, откуда должен появиться поезд. И вдруг издали раздаётся гудок паровоза, слышится стук колес (его хорошо имитирует студент Петров). Анна ложится на рельсы. Поезд подкатывает к Анне, внезапно останавливается, выпускает пары и нагибается над ней. Постояв так немного и посмотрев на героиню, поезд сворачивает в сторону, огибает Анну, дает гудок и мчится дальше, постукивая колесами. Занавес закрывается. Вот такими короткими смешными инсценировками студенты Сибирского технологического института развлекали зрителей.

Надо заметить, что было среди студентов много талантливых парней - декламаторов, певцов, танцоров, и они свой талант охотно демонстрировали на студенческой сцене института. В главном корпусе в южном его крыле размещался небольшой институтский клуб. Там показывали немое кино и ставили спектакли. Организаторами и режиссерами представлений были опять же студенты. К постановкам, к работе в клубе они привлекали и молодежь, подростков с улицы, тем самым приобщая их к интересным занятиям. Мой брат Витя писал и рисовал афиши для кинофильмов, которые показывали в этом клубе, и он бесплатно смотрел их.

Здание главного корпуса технологического института, тот же коридор 1-го этажа памятны мне первым мужским поцелуем, который я «получила» тогда. И поцелуй этот был не от студента, а от моего школьного учителя истории Меньшикова. Это было неожиданно. Мы стояли у стены, где висели какие-то фотографии, и рассматривали их. Я

спросила у него что-то, но вместо ответа с его стороны последовал крепкий поцелуй. Он потом долго горел на моем лице, я чувствовала, что это не тот родительский поцелуй в щечку, а нечто другое. Меньшиков (имени не помню) был красивым темноволосым черноглазым мужчиной лет 25-30. Он хорошо знал свой предмет и очень интересно преподавал. Мы знали, что он политический ссыльный не то из Москвы, не то из Ленинграда. В Томске ему было одиноко, потому он, видимо, и ходил на студенческие вечера. Завел среди студентов друзей. После того поцелуя я сидела на уроках истории всегда с опущенной головой, так как мне стыдно было встретиться взглядом с учителем.

Технологический институт я воспринимала как храм, и не только науки, но и культуры вообще, а его строгие и элегантные корпуса всегда будут украшать наш город. Но помню одно событие, произошедшее в то время в институте. Оно не ускользнуло от нашего с Галей внимания. Власти «разоблачили» группу студентов. Это были в основном дети преподавателей. Они свое свободное время проводили не в красных уголках под портретами Ленина, а собирались на частных квартирах и танцевали чуждые советской молодежи танцы (какие-то «шимми»). Было три таких квартиры, и каждая имела свое название. Я помню только два из них - «Черный кот» и «Зеленый змей». Третьей квартирой для вечеринок была квартира архитектора Крячкова на улице Бульварной. Многих студентов исключили из института.

В то же время комсомолом пропагандировалась среди студентов нашумевшая книга «Без черемухи». Книга была нарасхват, её горячо обсуждали. Я не читала эту книгу и автора не помню, знаю, что в ней шла речь о свободной любви без брака.

На улице Почтамтской (название лучше не придумать), на участке от переулка Подгорного до поворота на пер. Благовещенский (ныне пер. Батенькова), в вечернее время, а особенно по воскресеньям были гулянья. Мы с Галей и сюда успевали бегать. Гуляния никто не организовывал, просто люди выходили погулять в излюбленное место. Прохаживались туда и сюда. Народ разный. Разодетые дамы, затянутые в корсеты, в длинных до пола юбках, в широкополых шляпах, украшенных цветами, гуляли со своими детьми и мужьями. Веселые группы студентов, вездесущих подростков, одинокие дамы, мужчины, или пары. Ходили в два ряда навстречу друг другу. Тротуар был широкий, выложен плитами из натурального камня песчаника. Места хватало всем. Пьяных не было. Люди разговаривали между собой, приветливо улыбались встречным, знакомились, иногда переходили из группы в группу. Иногда появлялась группа заисточной шпаны. Эти подростки были непредсказуемы, но и они поддавались общему настрою гуляющей публики и вели себя хорошо.

Запомнила в группе гуляющих студентов одного парня, который особенно выделялся своей веселостью и поглядыванием на хорошеньких девчонок. Позже, когда я уже была взрослой, я встречала его гуляющим по той же улице. Он был уже известным в Томске профессором медицины. Кажется, его фамилия была Альбицкий. Достопримечательностью города в тех же 1920-х годах был некто Левочка Быковский (или Быховский). Его знали и взрослые, и дети, встреча с ним на улице всегда вызывала у людей улыбку. Этот мужчина был очень маленького роста, но стройный и всегда элегантно одетый. Чтобы выглядеть повыше, он носил ботинки с высокими каблуками, а на голове котелок. В руках изящная трость. Говорили, что он по образованию юрист, работает адвокатом, очень умен, живет один, имеет прислугу. Он румянил щеки, а дома ходил в пеньюарах. Гуляя по Почтамтской, он зазывно смотрел на красивых парней. Люди говорили, что он гермафродит. Теперь таких мужчин называют «голубыми». Мы с Галей в то время в отличие от нынешней молодежи были очень наивны и не осведомлены о таких «разновидностях» людей. Лёвочка просто казался нам смешным своим необычным видом. Куда он потом делся, не знаю, но в 1930-х годах его уже не было, похоже, в Томске.

Памятные мне храмы Томска

Во второй половине 1920-х в городе еще сохранялись многочисленные церкви. По утрам и вечерам колокольный звон, а это так торжественно! Вспоминаю свое первое посещение Троицкого собора. Все меня там поразило - золотой блеск иконостаса, море горящих свечей, молчаливое стояние прихожан, запах ладана и ангельское пение, доносящееся с клироса (как будто с неба). Пели артисты оперы, которая была тогда в Томске. Я тихонько стояла, и все разглядывала, и мне мир казался совсем другим, красивым. Когда вышла из храма и пошла домой, мне было так легко, что казалось, будто крылья выросли за спиной, и я не шла, а летела. Будто очистилась от греха, хотя я была еще ребенком, и никакой груз забот и грехов меня не давил. Это так подействовала на меня красота. То ощущение восторга и легкости я помню до сих пор. Когда в 1931 г. храм ломали, меня в Томске не было. Я училась в Новосибирске. Но когда увидела, что Троицкого храма нет, как нет и других церквей, я отнеслась к этому спокойно, потому что в наши молодые головы пропаганда вдолбила уже другие понятия.

Мы с братом на Пасху ходили святить куличи в Преображенскую церковь, что находилась на улице Преображенской (теперь Дзержинского). Мама ставила на тарелку кулич, обкладывала его вокруг крашеными яйцами, завязывала все это узлом в салфетку, и мы с Витей шли по темным улицам в церковь. Там простаивали всю ночь, слушая всенощную службу, а к утру все выходили на церковный двор, ставили на землю вокруг церкви свои куличи, и священник ходил по кругу и святит куличи, брызгая на них святой водой. В первый день Пасхи верующие утром уже ели скромное, от которого воздерживались весь Великий пост, разговлялись. Но в нашей семье этого не очень придерживались, особенно отец. Мама в церковь не ходила, ей было всегда некогда. Когда её спрашивали, почему она не ходит в церковь, она говорила: «Мне там делать нечего, у меня Бог в душе». Но я слышала, как мама всегда перед сном шептала молитву: «Господи, прости меня грешную».

Преображенская церковь в народе называлась Ярлыковской, потому что строил её купец Ярлыков на свои деньги. Спустя много-много лет, когда я работала в ОКСе ТЭМЗа, и в 1960 году мы начали строить жилой поселок на улице Дзержинского, то на нашу долю выпало доламывать Преображенскую церковь. Тогда от неё оставалась только цокольная часть. Верхняя часть снесена была уже очень давно. Разбирая кирпичную кладку остатков церковного здания, мы удивлялись и восхищались качеству кирпича. Казалось, что он вечен и никогда не разрушится. Он даже внешне был красив, его приятно было держать в руке. Ровный, плотный, одинаковой окраски. Сравнивая его с нашим советским кирпичом - кривым, косым, трещеватым, серо-буро-малиновым по цвету, который можно сломать пополам рукой, мы понимали, как много полезного утрачено с тех пор, как строилась церковь. Но мы строили так же плохо, как делался тот советский кирпич. На месте, где когда-то стояла Преображенская церковь (угол улиц Дзержинского и Карташова) теперь стоит 12-ти квартирный страшный шлакоблочный дом, который строил ОКС ТЭМЗа.

На пороге юности. Нас окружавшие вещи.

Однако вернусь к школе, в которой я училась. В нашей группе учился мальчик Чумаченко, и все мелкие хулиганистые поступки, случавшиеся в школе, были делом его рук. В коридоре школы стоял бак с кипяченой водой для питья, и на нем стояла эмалированная белая кружка. Однажды кто-то из учителей увидел эту кружку в туалете лежащей прямо в грязном унитазе. В школе переполох. К нам в группу заходит директор (та самая Горд-де-Грот) с другой учительницей, и они сразу обращаются к тому парнишке Чумаченко, не он ли сотворил это безобразие. Чумаченко отнекивается уже чуть ли не со слезами, но ему никто не верит. Тогда встает из-за парты Галя Казанцева и говорит: «Это сделала я». Признание Гали было неожиданным для всех. В школу пришел Галин

дедушка, принес новую кружку. Галю простили, но я не уверена, что такой поступок совершила она. Скорее всего, она пожалела Чумаченко и взяла вину на себя.

Мы с Галей были очень мечтательными девочками, читали душещипательные повести Л. Чарской, её «Княжну Джаваху» и другие. Читали французские романы. Особенно запомнилась «Консуэло» Жорж Санд. В советское время книги Чарской напрочь были выброшены из библиотек, а Жорж Санд теперь, наверное, никто не читает. Помню рассказ в одной старинной книжке. Содержание такое: супруги сидят за столом обедают, а за печкой сидит старик-отец и ест из какой-то деревянной плошки. Мальчик, сын обедающих, сидит и что-то строгаёт. Когда мать спросила у него, что он строгаёт, мальчик ответил, что делает плошку, из которой он будет их кормить, когда они станут старыми, и будут есть за печкой. Такие рассказы меня всегда трогали, и я иногда плакала. Но никакой морали впоследствии я для себя из того рассказа не извлекла. Со своей мамой, которая за всю свою тяжелую жизнь не имела ни одного дня отдыха, я часто была резка, несправедлива, и теперь постоянно себя казню за это. Но уже ничего не вернешь, и никакими оправданиями своих поступков, грех свой с себя не снимешь. Он давить будет теперь до конца.

Дома у нас все шло своим чередом. Отец заказал вывеску, и ему сделали её: сапог и фамилия. Вывеску отец прибил на дом (ворот еще не было). Пошли заказчики: в основном, соседи и люди из технологического института. Однажды пришел профессор с черной бородой, его фамилия была Эфенди. Он заказал ботинки с прямым носком. Таких тогда еще не носили. Отец нашел в кладовке в большой куче колодок нужную и отпилил круглый носок. Потом ворчал: «Вот чертов басурман, из-за него пришлось испортить хорошую колодку». Но ботинки сшил хорошо, и «басурман» был доволен.

Родители купили большой красивый двухэтажный буфет. Второй этаж его стоял на первом на толстых точеных круглых тумбах, углы буфета были украшены точеными финтифлюшками, на дверцах - натюрморты на охотничью тему. Изнутри буфета выдвигалась дощечка для резки хлеба. Когда открывали дверцу буфета, то раздавался тихий звук, похожий на вздох, я его и теперь помню. На «потолке» буфета отец хранил свою скрипку. Иногда он вставал от своего сапожного верстака и начинал играть. Конечно, не Ойстрах, но слушать было приятно. Играл отец хорошо.

Буфет наш я иногда протирала тряпочкой, смоченной в керосине напополам с растительным маслом, и после этого он сиял, как дворец. К вещам, которые тебе долго служили, привыкаешь, как к людям. Много лет спустя, в войну, когда у нас уже не было и дома, а буфет продали, я проходила как-то вечером по какой-то улице Томска, в домах уже зажгли свет, и я увидела в одном из освещенных окон наш буфет. Я остановилась и долго смотрела в чужое окно на буфет, хотя знала, что в окна заглядывать не положено. И, конечно, расстроилась.

Еще у нас появился большой ведерный медный самовар. В нем не только кипятили чай, но и варили яйца: накладывали их по кругу под крышку самовара. Иногда одно или два яйца тонули и лежали на дне, пока хозяева не «выдуют» весь чай. Мы с Витей таскали воду из водокачки по очереди. Натаскивали полную кадущку, которая стояла летом в сенях, а зимой - на кухне. Я носила воду в ведрах на коромысле, а Витя - по-мужски, в руках. Иногда, когда я носила воду, на меня из окна в бинокль смотрел Вася Лапин - сын лавочника - «мясного короля». Заметив это, я приносила и Витину долю воды, чему брат удивлялся: «С чего бы это ради?». Но вообще-то Вася мне совсем ни к чему, просто нравилось, что он смотрел на меня, да еще в бинокль.

Институт доктора Штамова

В те годы томский доктор Штамов организовал в городе институт-курорт, который теперь и всегда называется Штамовским. Мне довелось побывать в Штамовском институте в самый пик его расцвета. Там работала медицинской сестрой наша знакомая Ксения - молодая девушка. Её семья жила рядом с нами, через дорогу. Как-то Ксения

пригласила меня в институт на концерт. Там тогда часто ставили для отдыхающих спектакли или концерты тогдашние звезды театра и эстрады. Меня поразило богатое убранство в здании института. «Ни в сказке сказать, ни пером описать». Красивая мебель, библиотека, картины, статуэтки, старинная позолоченная посуда. Отдыхающих очень хорошо кормили, на столах стояли вазы с фруктами. Все это я видела своими глазами, да и Ксения много рассказывала. Доктор Штамов был еще жив, и никто не думал, что вскоре он будет расстрелян. В институте отдыхали многие знаменитые люди. В тот раз, когда я посетила этот «дворец», там отдыхал какой-то знаменитый по тем временам летчик из другого города. И вот приглянулась я этому летчику, и на следующий день он разыскал Ксению (видел, что мы были вместе), расспросил её обо мне и попросил устроить со мной свидание. Ксения ему сказала, что я еще девочка-школьница, что мне 13 или 14 лет, на это он сказал, что устроит помолвку со мной, и будет ждать, когда я повзрелею. И уговорил Ксению. Свидание договорились устроить у здания Управления Томской железной дороги (ныне ТУСУР) под часами. Но на это свидание Ксения пришла одна без меня, сказав летчику, что я отказалась. На этом и закончился мой несостоявшийся роман. А Ксения обо всем этом рассказала мне только после отъезда летчика из нашего города. Не знаю, пошла ли бы я на это свидание, если бы знала о нем, скорее всего, нет, потому что я была очень стеснительной и еще совсем дурочкой. И хорошо, что в его воспоминаниях я осталась такой, какой он меня себе представил.

В Штамовском институте, в санаторном отделении, я отдыхала в послевоенное время. От прежней роскоши там остались «рожки да ножки». Все было растащено, тем более что в военное время там размещался госпиталь.

Деевы

Наконец, мы познакомились с Деевыми. У купца Ф.И. Деева была кондитерская фабрика, и еще он был совладельцем пивного производства завода «Крюгер», был домовладельцем и, кроме всего, имел четырех дочерей и двух сыновей. Старшая дочь (имени её не помню) была уже замужем за богатым человеком и жила отдельно в районе пристани. Остальные дочери - Людмила, Валентина и Эмилия жили с родителями. Сыновей я почти не видела, они были вместе с отцом заняты делом. Жена Ф.И. Деева Александра Викентьевна была высокой, статной, красивой женщиной. Не знаю, была ли она грамотна. В нашей округе она слыла женщиной ветреной (в советское время этот старинный термин заменили другим, более коротким словом с мягким знаком на конце). В этой связи вспоминаю романс в исполнении Вяльцевой:

*Все говорят, что я ветрена бываю,
Все говорят, что я многих люблю,
Но отчего же я всех забываю,
Лишь одного я забыть не могу.*

Но значения тех слов насчет Деихи (так её называли в городе) я тогда еще не понимала. Она стала к нам часто ходить, и все общалась с отцом. Маме было некогда болтать, а отец, сидя за своим верстаком, мог и работать, и разговаривать о том, о сём.

Ф.И. Деев по своему внешнему виду немножко смахивал на тех карикатурных буржуев, которых рисовали при советской власти. Он был среднего роста, полноват, ходил в котелке и с тростью, на животе цепь от карманных часов. Удивительно было в семье Деевых ласковое обращение детей к родителям - мамочка, папочка. Деев был не очень грамотным (на уровне I ступени школы), но он был умен. По кондитерскому делу у него была какая-то связь с купцом Зазвоновым С.С. Сын купца Зазвонова часто бывал у Деевых. Это веселый и очень воспитанный мальчик нравился всем. Кондитерское производство Деева располагалось во дворе теперешнего магазина «1000 мелочей», и дом с аркой, который рядом с этим магазином, принадлежал Дееву. На фасадной стороне арки висели очень красивые кованые двухстворчатые «кружевные» ворота. На одной створке в кованой вязи была буква «Ф», на другой буква «Д». Эти ворота еще целы были в 1940-х

годах. Я их всегда видела, когда шла на работу, но они были уже покорежены машинами и болтались, как попало, никому не нужные. А ведь они могли стать музейным экспонатом и свидетельствовать о том, какие чудеса могли творить российские кузнецы.

Жилые дома Деевых, в которых они жили в 1920-х годах (пр. Ленина, 23), стоят и сейчас, но уже, наверное, их причислили к деревянным «гнилушкам». Когда-то вся усадьба была огорожена деревянным забором, стояли массивные деревянные ворота, украшенные немного деревянной резьбой. По бокам ворот - две ниши, в одной из них калитка, в другой врезана скамеечка (теперь ворот давно уже нет). Во дворе справа был красивый палисадник, в нем росли георгины самых разных расцветок. Высокие и стройные они украшали двор, а под ними росли бархатцы, настурции, ноготки. Георгины тогда были самыми распространенными цветами в Томске, они были «главными» цветами в палисадниках. Посреди деевского палисадника стоял деревянный шест с надетым на него блестящим шаром. На усадьбе - три дома. Самый красивый - двухэтажный с кружевными карнизом и наличниками своим фасадом с парадным входом выходит на улицу. Второй, тоже двухэтажный, поскромнее. И был во дворе еще одноэтажный флигелек для семьи кучера, а рядом с флигельком - каретник с широким вылетом крыши вовнутрь двора. Дворик всегда был чистым, ухоженным.

Федор Иванович выезжал на пролетке с кучером. Мы наблюдали его выезд из окон своего дома. А Александра Викентьевна выезжала с корзинами на базар.

В домах жило всего три семьи квартирантов, занимая по этажу на семью. А сама семья Деевых жила на первом этаже дома, стоявшего во дворе. В их квартире было шесть больших комнат, большая кухня, коридор на всю длину дома. В одной из шести комнат был кабинет Федора Ивановича. В кабинете стояло зеркало-трюмо, письменный стол, венские стулья, большая пальма в кадучке, висели портреты Федора Ивановича и Александры Викентьевны. Они были сняты во весь рост. Александра Викентьевна - в позе актрисы Ермоловой на знаменитом портрете, Федор Иванович - в своем обычном виде. На этажерке под стеклянным колпаком стояла изящная бронзовая статуэтка. Письменный стол был совершенно пустой, никаких канцелярских принадлежностей на нем не было. В кабинет редко кто заходил. Меня очень удивило и даже насмешило то, что на двери кабинета была прибита табличка с надписью «Федор Иоанович Деев». Ведь и без таблички известно, что это квартира Деева, и почему вдруг «Иоанович», а не «Иванович»? Когда я спросила Валю об этих причудах её отца, она сказала, что папочка так хочет.

С Валею Деевой мы были одноклассники, и мы подружились, нам было интересно вместе. Постоянно бегали через дорогу друг к другу. Все сестры Деевы учились в той же школе, что и я. У старшей сестры Людмилы была подруга Тамара Штамова, которая тоже училась в той же школе, и они на переменах были всегда вместе. Тамара была какой-то родственницей доктора Штамова.

В комнатах у Деевых были наставлены шкафы-гардеробы, комоды, «музыкальные» кованые сундуки. Когда открывали ключом замок сундука, то слышалась музыка, её издавал сам замок. У Деевых было пианино, и Валя училась играть, брала уроки у частной преподавательницы, но училась она этому неохотно, часто отлынивала.

Все сестры Деевы были высокими (в маму), красивыми, но немножко сутулыми.

По воскресеньям женская часть семьи Деевых с самоваром выезжала на лошади на Потаповы лужки. С ними ездила и я. Расстилали на траве скатерть, выкладывали пироги, булочки, разжигали самовар. Командовала всем «Деиха». Веселились, собирали землянику.

У Деевых была знакомая семья Соловьевых. Это супруги и двое их детей - сын Игорь и дочь Галя. Глава семьи Соловьев был начальником (заведующим) городского финансового отдела. Жили Соловьевы на Черепичной улице в одноэтажном кирпичном доме, который выходил на улицу торцом (он, наверное, и теперь стоит), и здесь же был вход. Семья занимала весь дом. Мы с Валею сдружились с Галей Соловьевой - нашей ровесницей. Галя училась танцам у частного учителя и ходила на занятия к нему домой.

Этот учитель танцев был известным в Томске человеком. Его фамилия была Пигин-Шамрэт. Он был высокий стройный и гибкий. Даже когда он просто шел по улице, казалось, что танцует. Жил он в доме, где сейчас Дом охотника. Там был танцевальный зал с окнами, обращенными на улицу Черепичную. Я не знаю, был ли это его собственный дом или он его арендовал. Мы с Валей ходили смотреть, как танцует Галя. Она вихрем носилась по залу вместе со своим учителем, а мы смотрели. Галя была капризна, эгоистична, пыталась нами командовать, когда мы бывали вместе. Говорила, чтобы мы её звали не Галей, а Гюлли, что она будет артисткой и зваться будет «Гюлли Виардо». Как-то у неё дома мы наблюдали такую картину. Мать заставила Галю вымыть пол в своей комнате. Она нехотя вымыла пол, а потом попросила что-то у матери, а мать ей отказала. Тогда эта «Гюлли» набрала из печи целый совок золы с углем и это растерла ногам по только что вымытому полу. Мне даже сейчас противно вспоминать эту сцену.

Городская власть начала «трясти» торговцев, лавочников. Деиха попросила моих родителей спрятать у нас в доме два её сундука с вещами. Сундуки вечером перевезли на санках к нам и поставили в кладовой друг на друга. Перед этим мы с Валей наполняли сундуки добром. В сундуки были сложены дорогие вещи - меховые шубы, одежды из бархата, белье, посуда, старинные книги с «золотыми» пряжками и другие ценности. Сундуки были закрыты музыкальными замками. Они стояли у нас около года, к ним я еще вернусь.

Дела семейные

Жизнь продолжалась. Моему отцу присвоили статус «кустаря-одиночки», обложили большим налогом. Он работал, половину выручки отдавал за налоги. Васю призвали в армию. Страх перед армией тогда не было, о дедовщине не слыхали (да такого и термина тогда не знали). Армия была дружным общежитием солдат, где уважали армейские и человеческие законы. Но Вася пошел служить как раз тогда, когда вспыхнул конфликт на КВЖД, и он сразу попал в зону боевых действий. Мы очень беспокоились за него. Писал тревожные письма, но вернулся, слава Богу, невредимым. Вася был стройным, красивым, армейская форма ему очень шла. Он походил в ней на Тухачевского. Брат привез мне в подарок фельдиперсовые чулки. Это была новинка, таких чулок, наверное, еще и не было в Томске. А еще привез красивую китайскую маленькую баночку с каким-то ароматным порошком. Для пудры этот порошок не годился, так как был очень крупным, и я его просто нюхала, впрочем, я и не пудрилась никогда. У меня (и у Вити тоже) и без того был хороший цвет лица. Сама я этого не замечала, а подружки и взрослые девушки часто спрашивали у меня, чем я умываюсь. А я умывалась обыкновенным хозяйственным мылом, которым мама стирала белье. Никакого духового мыла мама не покупала.

Вспоминая родителей, думаю о том, что в нашем доме не сквернословили. За всю свою жизнь в родном доме я не слышала ни одного слова мата, ни от отца, ни от братьев. Самыми ругательными словами у отца было «сукин сын», у мамы - «идолы окаянные» и «прохвосты», а для хамов у мамы было припасено другое особое словечко - «сипадуй». Я не знаю, придумала ли его она сама, или в нашем богатом русском языке оно имелось, но словечко сочное. Что касается хамов, то их в России всегда было достаточно.

Когда мама надолго уходила из дома по делам, то раза по три возвращалась и что-то нам наказывала, чтобы не забыли. Отец всегда над этим посмеивался, и когда мама уходила, он смотрел в окно и говорил нам: «Вот поглядите, сейчас она вернется». И правда, хлопала калитка, мама возвращалась и, сделав нам какой-то наказ, уходила, а через несколько минут возвращалась снова, опять что-то наказывала. Милая моя мама! Как она беспокоилась о своем «гнезде», как боялась, что бы что-то не стряслось в доме без её догляда!

В нашей школе сменился директор. Вместо Горд-де-Грот появилась новая директриса. Женщина большевистского настроения. В школе стало шумно, говорила она

громко, наводила свои порядки. С нас с Витей она стала требовать плату за обучение, считая, что родители наши богаты, а богатые (купцы, торговцы) теперь должны платить за школу. Но мы жили скромно. Платили налог за дом и, как я уже говорила, за право заниматься кустарным ремеслом. Когда мы говорили директору, что денег на оплату школы у родителей нет, то она кричала: «Есть у вас деньги! Когда я проходила мимо вашего дома, то видела в окно на вашем столе куличи! Если не принесете плату, я вас за руки выведу из школы!!!» Травля продолжалась до тех пор, пока отец не взял в военкомате справку о том, что наш брат Вася служит в Красной Армии. И она отстала.

Как-то в нашу группу зашла учительница и сказала: «Тамара Волкова убита». Тамара училась в нашей группе, а жила она в деревне, где не было школы. Эта девочка приезжала в город на неделю и жила у знакомых, а на воскресенье уезжала в деревню. В один из воскресных дней она играла с друзьями на улице, и один деревенский мальчик вынес на улицу ружье и, считая, что оно не заряжено, баловался с ним, но оно выстрелило, и пуля попала в Тамару. Мы всей группой ходили в деревню хоронить эту маленькую девочку. Во время похорон деревенские мужики, стоя у могилы, несколько раз выстрелили из ружей вверх.

В середине 1920-х годов в Томске появилось радио. Брат Витя сконструировал детекторный радиоприемник. Помню красный ящичек, на крышке которого проволочки, гаечки и наушники. В наушниках были едва слышны голоса. Витя был талантливый мальчик, у него все получалось, за что бы он ни брался. Он хорошо рисовал, этот дар был дан ему от природы. Особенно он любил изображать лошадей и мог нарисовать лошадь в любой позе, не отрывая карандаша от бумаги. Витя любил рисовать картины на темы «Мцыри» Ю.М. Лермонтова (думаю, всем стоит перечитать эти стихи). Я запомнила одну Витину картину - борьбу Мцыри с барсом.

*Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружие. Он завыл,
Рванулся из последних сил...
И мы сплелись, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей*

В рисунке Вите особенно удался барс - этот сильный и гибкий зверь. Витя стал присматриваться к работе отца, помогал иногда ему, как мог. Сапожное ремесло состоит из двух этапов. Первый - это заготовки кожи, их делают специалисты заготовщики, а сапожник собирает ботинки или туфли как бы под «ключ». Отец заготовки не делал и пользовался услугами заготовщика Виленчика, который был, наверное, единственным таким специалистом в Томске. Отец давал ему кожу и получал готовые заготовки по заказанному фасону. За ними ходила я или Витя. У Виленчика был большой деревянный дом, две дочери-подростки. Отец дружил с Виленчиком, и когда я пробовала учиться играть на пианино, ходила к ним пользоваться инструментом, так как у нас его не было. Одна из дочерей Виленчика стала позднее врачом, другая - социальным работником.

После армии Вася остался на сверхсрочную службу. Служил в Томске. Казармы были в Военном городке, там, где с войны располагается ныне шарикоподшипниковый завод. Тогда сверхсрочникам полагался какой-то продуктовый паек, и мама ходила к Васе два раза в неделю за этим пайком и, что мне особенно запомнилось, приносила по полному бидону вкуснейшего компота с урюком, черносливом и другими первосортными фруктами. В компот добавлялось немного крахмала. Весь путь от района Лагерного сада, где мы жили до Военного городка, мама проделывала пешком, так как городского транспорта не было.

В здании, где сейчас ТУСУР, располагалось Управление Томской железной дороги. В 1930-х годах его перевели в Новосибирск, а затем - в Кемерово. По субботам и воскресеньям между Новосибирском и Томском ходил специальный поезд, который

возил служащих Томской железной дороги туда и обратно, так как семьи их оставались в Томске. Поезд этот называли «вертушкой», людей возили бесплатно. При Томской железной дороге была служба охраны дороги, она располагалась рядом с Управлением ж.д. на углу Московского тракта и называлась «Железнодорожное НКВД». Эта служба охраняла железнодорожные объекты от вора, жуль, мошенников и следила за порядком на железной дороге. «Врагов народа» еще не «изобрели». Начальником этой службы был Василий Левашов. В те годы это был самый красивый мужчина в Томске и, наверное, не только в Томске. Красота не смазливая и не лубочная, а настоящая, классическая (античная), благородная. Многие томские дамы были влюблены в него, вздыхали о нем. Левашов бывал у нас в доме со своим заместителем. Они заказывали у отца сапоги. И я, еще носившая детский бант, тайком поглядывала на Левашова из другой комнаты, любовалась красотой этого дяденьки. Как-то он принес отцу заготовки из черного бархата для домашних туфель. На носках были вышиты художественной гладью по лошадиной голове, причем лошади были разной масти - коричневая и светлая. Меня поразило искусство, с которым были выполнены головы, невозможно было оторвать взгляда. И вот я этот заказ запомнила, несмотря на то, что это были всего лишь домашние туфли. Думаю, что вышивку выполнила одна из поклонниц Левашова, потому что в работу было вложено много чувства.

Когда наш Вася окончил сверхсрочную службу в армии, то по просьбе отца В. Левашов устроил его к себе на работу, назначив начальником железнодорожного НКВД в город Тайгу. У Васи за плечами была военная подготовка, и работа эта была ему по плечу. Он получил в Тайге квартиру и через какое-то время женился, о чем особенно хлопотала его будущая жена Евгения Петровна Карпова - сестра академика Сергея Петровича Карпова и тетка академика Р.С. Карпова. Евгения Петровна жила тогда в Тайге и была замужем, но ей очень понравился Вася, и она решила сменить мужа, что и осуществила, перебежав к Васе. Вася привез жену в Томск показать родным. Женя была небольшого роста, пухленькая, с серыми, немного навывкат, глазами, хорошими волосами. Много курила. Маме она не понравилась («ни к душе»), но вида не подала, старалась встретиться невестку приветливо. А какой свекрови нравится сноха, которая «отбирает» у матери любимого сына? Наоборот бывает очень редко. Васе было тогда 24-25 лет. И стал он для нас «отрезанным ломтем». Вася с Женей прожили в Тайге два года, затем приехали в Томск. Женя устроилась работать машинисткой на какой-то завод, Вася стал начальником военизированной охраны в технологическом институте (к тому времени институт уже назывался политехническим, его ректором был А.А. Воробьев). От института Васе дали квартиру на улице Советской рядом с 8-ым корпусом института. Квартира в деревянном одноэтажном доме, очень просторная. В этом же доме размещалась Васина служба.

Женя, работая на заводе, попыталась затеять флирт с главным инженером: подавала ему отпечатанный материал вместе с записочками интимного характера. За такое заигрывание Женю уволили с завода вместе с её записочками. Вася об этом знал, но все ей прощал. Он устроил её машинисткой в политехнический институт. Почти каждый вечер Вася прибегал к нам с каким-нибудь гостинцем для мамы. Он очень любил и уважал маму. Детей у Васи с Женей не было. То ли Женя не хотела, то ли не могла по какой-то причине, не знаю.

Отец мой не бросил свои амурные дела, так все и продолжалось, как я рассказывала. Как-то Вася (еще до женитьбы), гуляя под вечер со своим товарищем по улице, встретил очередную отцовскую пассию, снял с себя ремень и «врезал» ей несколько раз по мягкому месту. Конечно, такое обращение с женщиной со стороны Васи было грубым и оскорбительным, но Вася её знал и считал, что она того заслуживает. После этого она даже ходить по нашей улице не стала.

У Вити был товарищ. Мальчик очень скромный и очень бедный. Он жил с матерью в кладовке без окон в коммунальной квартире. Его мама пекла и продавала бублики, на это они и жили. Мальчик очень любил читать про путешествия и бредил этим, заразил

такими мечтами и Витю. И вот они собрались ехать на золотой прииск, что был где-то недалеко, добывать золото. Витя уговорил родителей, и они егопустили. Мальчишки прижились на прииске, их там полюбили. Витя рисовал портрет начальника. Портрет увидел какой-то художник, который хорошо разбирался в живописи, и он сказал, что у Вити есть талант, и ему надо учиться живописи. Руководство прииска предложило Вите поездку в Ленинградскую художественную школу на учебу за счет прииска. Витя написал родителям в Томск, но родители испугались отпускать сына так далеко и не согласились. Вскоре ребята вернулись с прииска. Конечно, золота они не накопили. Витя стал упорно осваивать сапожное ремесло и впоследствии стал прекрасным и заготовщиком, и сапожником, при этом был в своем ремесле художником.

Но пока мы еще подростки. Приближался 1930 год. Валя Деева учится у частного учителя черчению. На большее ей рассчитывать не приходится, ведь дочери купца никуда доступа нет. Валя часто бывала у меня и откровенничала, чего дома делать не могла. С большим уважением она относилась к отцу, чем к матери. Старшая сестра Вали - Людмила вышла замуж за выпускника технологического института Фролова (*даже фамилию запомнила!*) и уехала с ним в Новосибирск.

У нас дома у мамы прибавилось забот и душевных волнений, потому что дети подрастали. Витя стал красивым стройным парнем, иногда допоздна задерживался у друзей, и мама не спала. Прислушивалась к шагам на улице, а они по деревянным тротуарам были обычно далеко слышны. И только, когда все дети были дома, она успокаивалась и могла заснуть. Однажды Витя не пришел домой до утра. Все мы были обеспокоены, гадали, что случилось. Но пришел Вася и сказал, что Виктор у него, и рассказал следующее. Накануне тот поздно возвращался домой и где-то на улице увидел как трое (или двое) парней пристают к девушке. Витя подошел к ним и стал заступаться за девчонку. Парни набросились на него, «изметелили» ему кулаками лицо и ушли. Девчонка убежала, а Витя, побоявшись испугать маму своим видом, домой не пошел, а зашел к Васе и остался у него, пока не подсохнут раны. Надо заметить, что в ту пору Витя еще ни разу не выпил и глотка спиртного, и его к горьким напиткам не тянуло, с девушками еще не дружил. А было ему 18-19 лет. В Томске тогда был водочный завод, который назывался «Центроспиртом». Он располагался в районе Лагерного сада в здании, где теперь обувная фабрика. На заводе работало много молодых женщин, некоторые из них жили в «Егоровском доме». Там они часто собирались группами, приглашали парней, всегда была водка и соответствующее веселье. В эту веселую компанию как-то с друзьями попал и Витя. Вот там-то он впервые попробовал и горькую и «сладкого». В той веселой компании была некая Пана Подберезкина - тоже работница «Центроспирта». Эта беззаботная бабенка имела двоих детей и была, кажется, в разводе. Дети находились у её матери. Вот эта самая Пана и увлекла моего брата, преподавала ему первые уроки.

И снова о Деевых

Александра Викентьевна Деева забрала у нас свои сундуки и перевезла их к Соловьевым. Это было сделано по совету главы семейства Соловьевых - заведующего горфинотделом. Он якобы сказал Деевой, что только у него вещи будут в сохранности, в любом другом месте их непременно конфискуют. Валя критиковала мать и намекала, что у неё флирт с Соловьевым. Я к Соловьевым не ходила: мне не нравилось высокомерие «Гюлли», и было совсем неинтересно. Валя же бывала там потому, что между их семьями существовала семейная дружба. Эта дружба, видимо, была вызвана какими-то практическими интересами с обеих сторон. Деиха видела в Соловьеве защитника от произвола властей (хотя сам Соловьев был частью этой власти), а тот видел возможность пожить за счет семьи Деевых, при случае что-то прикарманить. Так, через некоторое время после перевозки сундуков Валя мне уже рассказывала, что Соловьевы пользуются их вещами, что в комнате «Гюлли» развешаны их ковры, постелены их скатерти, сама «Гюлли» носит их меховые вещи, платки, горжетки, в шкафу расставлена их дорогая

посуда. И все, что было сложено в сундуках, оказалось, таким образом, в собственности у Соловьевых и никогда уже к его хозяевам не вернулось. Об этом Валя рассказывала с горечью и упрекала мать в легкомыслии.

Наши девичьи шалости

Вспоминаю наши девичьи шалости. Рядом с нашим домом в соседнем дворе стояли дома домовладелицы Зубовой. Один дом был обращен открытой верандой к окну моей комнаты. Хозяйка сдавала комнаты в этом доме квартирантам - студентам технологического института. Однажды в комнате с выходом на веранду поселился симпатичный парень. У него на веранде стояли стол, стул и какая-то лежанка. Он часто отдыхал на веранде, читал книги. Наблюдая его с Валею из моего окна, мы решили оживить «картину». В солнечные дни при помощи зеркал мы пускали «зайчиков». «Зайчики» прыгали по веранде, иногда «зайчик» запрыгивал парню в руку и там сидел некоторое время, потом запрыгивал в книжку. Парню, видимо, это наше внимание нравилось. Но однажды к нему приехала мама. Она все время хлопотала вокруг сына, выносила ему на веранду обед, чай. Заметив наших «зайчиков», она повесила занавеску во всю длину веранды. На занавеску выпускать «зайчиков» было неинтересно. Через неделю или две занавеска с веранды исчезла. Мы поняли, что мама студента уехала, но у нас с Валею интерес к игре уже пропал, хотя знали, что парень ждал её возобновления. Давно уже нет зубовских домов, на месте того дома с верандой стоит грязно-белая скучная хрущевка-пятиэтажка, но у меня перед глазами часто всплывает та веранда и прыгающие по ней «зайчики».

Подростковые воспоминания самые прочные, они незабываемы. Так вот хорошо запомнила милую песенку тех лет, которая распевалась по всей стране, - «Кирпичики»:

*Где-то в городе на окраине
Я в рабочей семье родилась,
И девчонкою, лет семнадцати,
На кирпичный завод нанялась.*

*Было трудно мне время первое,
А потом, проработавши год,
За веселый гул, за кирпичики
Полюбила я этот завод.*

*На заводе том Сеньку встретила,
И, бывало, услышав гудок,
Руки вымою и бегу к нему
В проходную, накинув платок.*

Дальше не помню, а кончалась эта песенка словами:

*И по винтику, по кирпичику
Растащили весь этот завод.*

Автором песни был В.Кручинин.

А вот еще одна песня, популярная в 20-х годах:

*Во солдаты меня мать провожала,
Как тут вся моя родня набежала:
«Ох, куда же ты, Ванёк, ох, куда ты?
Не ходил бы ты, сынок, во солдаты.
В Красной Армии штыки чай найдутся,
Без тебя большевики обойдутся.
Мать, страдая по тебе, поседела,
Э, вон в поле и в избе сколько дела!
Мать страдает по тебе и поныне
Лучше б ты женился, свет, на Арине.*

*С молодой бы жил женой, не ленился»...
Тут я матери родной поклонился,
Поклонился всей родне у порога:
«Не скулите вы по мне, ради Бога!
Если б были все, как вы – ротозеи,
Что б осталось от Москвы, от Россеи?»*

Эту залихватскую шуточную песенку молодежь обычно орала, строем маршируя по улицам. Вообще все революционные песни имеют красивые, как правило, мотивы, но вот слова, мне кажется, не соответствовали по качеству мелодиям. Мне потом мои дочери задавали вопрос, навеянный словами песни:

*Смело мы в бой пойдём
За власть Советов,
И, как один, умрём
В борьбе за это.*

Они спрашивали: «А почему мы должны умереть?» Я отвечала глупо, говорила, что это как бы понарошку. И та же ситуация по песне со словами: «*Мы раздуем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей*». Дочка спрашивает: «Мама, а куда мы будем девать преступников, если все тюрьмы разрушат?» Мы росли и пели эти песни, не подвергая анализу слова. А вот дети наши уже пытались их осмыслить, сомневались, спрашивали. Да и то сказать: они росли в тяжелую военную и послевоенную пору, не знали радости в такой жизни, отсюда и становились маленькими философами.

Конец нэпа

1928-1929 год. Советская власть идет в «последний, решительный бой» (как стало ясно позже, он не был последним). По городу аресты лавочников, священников, купцов. Наш сосед лавочник В. Протасов сбежал, бросив свою лавку. Другие не успели... К нам пришла Валя. Плакала. Сказала, что папочку арестовали. Позднее они узнали, что его сослали в Туруханский край, откуда они не получили от него ни одной весточки. Исчезли и братья Вали. По предположению родных они скрылись. Я не помню, отобрали ли тогда у Деевых дома. Помню, что семья бедствовала, сдавала комнаты в своей квартире квартирантам. Купили корову. Мы с Валею носили сдавать в металлолом их медную посуду - тазы, баки, чайники и даже красивые медные канделябры. Приемный пункт находился около деревянного моста на Почтамтской. В то время в этом месте вдоль реки Ушайки было много разных лавчонок со всякой мелочью - скобяными изделиями, инструментом для разных видов деятельности, стояли уличные фотографы («Фото за 5 минут»). В комиссионном магазине появилось очень много дорогих красивых вещей - меха, изделия из бархата, которые были тогда в моде, богатые шубы, красивые сервизы. Все это сдавали прежде зажиточные люди, чтобы получить какие-то средства к существованию. Помню запах нафталина в этих комиссионных магазинах. Деевы отнесли в комиссионку красивые кузнецовские сервизы. У нас дома тоже был кузнецовский чайный сервиз. Мама купила его еще до отъезда в Богдановку. Все предметы коричневого цвета, усыпанные мелкими розочками. Сейчас от того сервиза остались сливочник и сахарница с отбитой ручкой у крышечки. Этот сервиз «путешествовал» с нами в переездах, постепенно «худея». Я вспоминаю в связи с этим милый рассказ (автобиографический) Д. Гранина, в котором он писал о какой-то кузнецовской посудинке (кажется, о сливочнике). В его семье она хранилась как реликвия, но он её по неосторожности разбил и очень сокрушался об этом. Искал потом такую во всех комиссионных магазинах Ленинграда и Москвы, но так и не нашел. Но через несколько лет, когда история с разбитой реликвией была уже почти забыта, он, будучи в Японии, увидел там в антикварном магазине точно такую же посудину и купил её.

После закрытия в 1929-1929 гг. частных продуктовых лавок в нашей округе открылась государственная советская лавка. Народ прозвал её «Колокольчик». Лавка разместилась в «Егоровском доме». Вход был с угла с высоким крыльцом. Дом этот с угловым крыльцом жив и сейчас в 2003 году. Ныне это жилой дом. В «Колокольчике» сразу образовались очереди. Очередь начиналась от прилавка, выходила на крыльцо и дальше тянулась по улице, причем с каждым днем удлинялась.

Я не раз упоминала здесь «Егоровский дом», который сохранился до наших дней и совсем не выглядит гнилушками. Бывший хозяин этого дома когда-то содержал в нем гостиницу, сдавал номера богатым постояльцам - купцам, приезжавшим в Томск для всяких торговых сделок. По слухам он якобы грабил и убивал их, а трупы сбрасывал в канализацию, и их уносило водой по туннелю, сделанному под землей от дома до реки Томи. Думаю, это вздор. Хотя какие-то убийства, может быть, в этом доме и случались. Но вот придуманное кем-то о подземном тоннеле молва разнесла, и эта выдумка надолго укоренилась в народе.

Валя по-прежнему бегала ко мне через дорогу, иногда приносила кринку молока, и мы с ней пили его, ели пироги с начинкой из молотой черемухи, которые очень любили. Пекла их мама. Как-то Валя сказала мне, что папочка (её отец) куда-то спрятал золото, и мамочка не знает, где его искать. Золото конечно у них было, и в виде украшений, и, наверное, в царских монетах. Нашли ли они золото, не знаю. Ф.И. Деев из Туруханского края не вернулся, и, как я уже говорила, никаких вестей от него не было. Возможно, его еще в Томске расстреляли, а про Туруханский край «запустили» вранье.

Гиляровы и некоторые подробности нашего быта

Моя сестра Надя и Кузьма жили в Новосибирске. Они купили себе дом в Закаменном районе. У них родился второй сын Владик. Я у них бывала каждое лето в каникулы. Ко мне очень привязался Владик. Этот милый мальчик, когда начал говорить, долго не мог правильно выговорить мое имя и называл меня «Бабойра». Когда просыпался, то звал не маму, а Бабойру. С тех пор Гиляровы звали меня Бабойрой. Кузьма летом работал в поле. Он возглавлял группу геодезистов, которые производили замеры пахотной земли в районах области, а зимой Кузьма занимался изготовлением карт этих земель. Тогда как раз проводился дележ земли на паи для крестьян. Кузьма брал с собой летом и семью. В деревнях им выделяли дом для проживания или квартиру у кого-нибудь в доме.

В один из летних сезонов, когда Гиляровы жили в деревне Бибеево, я в каникулы на пароходе приехала к ним и прожила у них все лето. Я видела, как богато жили тогда крестьяне. В погребах у них стояли полные кадушки соленого сала и топленого масла. Я ходила к хозяевам за продуктами и спускалась в погреб вместе с хозяйкой. В деревнях не принято было есть сливочное масло, то есть намазывать на хлеб, как это делали горожане. Повсеместно (так было и в Богдановке) сливочное масло топили и употребляли только в тесто, а также везли в город на продажу. Масло было ярко-желтое, в крупинку.

Крестьяне землеустроителей всегда старались одарить. В качестве подарков были в основном дары леса. Приносили, например, полные корзины черной смородины, которой тогда было очень много. Но Кузьма категорически запретил Наде принимать такие подарки. А я с деревенскими девчонками сама ходила в лес за смородиной, при этом некоторые девчонки отдавали мне свою, если она им была не нужна. Смородину в деревне сушили, жалели на варенье сахар. Но Надя наварила много варенья. Варила на костре, так как в русской печке его не сваришь. С тех бибеевских времен я очень полюбила смородиновое варенье и считаю его самым вкусным. Банки для варенья были совсем не такие, как теперь, а были высокими цилиндрическими с загнутыми наружу краями. Банки закрывали пергаментом и завязывали веревочками, утопляя их в канавку, образующуюся на загибе.

Как-то вся семья Гиляровых в середине лета неожиданно приехала в Томск. У Нади была забинтована рука от самой кисти до плеча, на лице тревога и боль. Рассказали они следующее. Кузьма работал со своей группой. На тот сезон им дали квартиру, где они жили вместе с хозяйкой. Однажды Надя несла к столу кипящий самовар, а хозяйка в это время открыла крышку подполья, и Надя вместе с самоваром упала в подпол. Что случилось в результате этого, и писать нет смысла. Надя с ребятами прожила у нас все лето. Лечила руку. На всю жизнь у неё остались на руке глубокие шрамы. Но Бог все же её пощадил: кипятком не попал на лицо и в глаза.

Надя жила у нас, пока не зажила рука. Отец ворчал на ребятшек, ему надоедал шум. А маме, конечно, прибавилось забот и стирки.

Я очень не любила, когда мама начинала стирку белья. Никаких стиральных машин и даже стирального порошка тогда еще не было. Были только мыло, каустическая сода, щёлок и корыто. Щёлок мама делала из древесной золы. Накладывала её в кадуюшку, заливала кипятком. Это настаивалось. Получалась желтая водичка, которая была очень мягкая, её в руках даже не ощущалось. Мама стирала белье без стиральной доски. Терла его руками вдоль корыта, стирала в двух водах, потом складывала с кусочками мыла в большие чугуны, заливала щёлоком, накрывала чугуны сковородами и задвигала их в протопленную русскую печь парить. Чугуны стояли в печи всю ночь. Утром мама белье отстирывала в третьей воде, а затем складывала его в корзины и на коромысле несла полоскать на речку (зимой возила на санках). Работа эта была очень тяжелой. Чтобы выстирать вручную подштанники и нижние рубахи на 4-х мужиков, нужно было много сил. Маек и трусов тогда не носили. Носили белые кальсоны и просторные нижние рубашки из плотной хлопчатобумажной ткани. Может, потому мужчины тогда меньше болели.

Мама сама на всю семью пекла хлеб. Квашня с тестом ставилась каждые два дня. Да не в маленькой кастрюльке, как теперь, а в большой корчаге. Мука у горожан всегда бывала в запасе. Покупали мешками и держали в ларях в кладовках. Ларь - это большой ящик с наклонной крышкой, разделенный внутри на две половины. В одной половине ржаная мука, в другой белая. В 1920-х годах была популярна крупчатка - наивысший сорт белой муки. Из неё пекли пасхальные куличи. Мясо тоже покупалось оптом: полтуши или четверть туши. Обед мама всегда делала по-крестьянски: суп и кусок отварного мяса, и никакого «второго». Разносолов не делала. Мы очень радовались, когда мама готовила картошку «по Пушкину». Картошка отваривалась «в мундирах», очищалась, резалась ломтиками, а затем с маслом запекалась в печке.

В Томске почти на каждом углу продавали жевательную серу. Её делали из смолы хвойных деревьев. В мисочках с водой плавали ароматные кусочки, их продавцы доставали ложечкой. Основными покупателями серы были девчонки и женщины. Жевали её с удовольствием, да еще с прищелкиванием. Я не была исключением. Продавали «тянучки» - длинные ириски, каждая была вложена, как в ванночку, в белую бумажку с загнутыми краями. Лакомством были и конфеты «Бутылочки с ромом». Это были малюсенькие конфетные бутылочки с узким горлышком. Нужно было откусить горлышко и выпить ром, а потом съесть и «бутылочку». Все это, и сера, и конфеты изготавливалось на дому кустарями. То, что люди жуют серу, не критиковалось. Вспоминаю, как в 1960-х годах в СССР, одновременно с травлей стилиг, надевавших узкие штаны вместо широких расклешенных, которые тогда носили, разгорелся шум по поводу того, что вся Америка и её армия жуют жевательную резинку. Наша советская пресса метала ядовитые стрелы и насмешничала по этому поводу. Потом это сменилось полемикой. Врачи стали говорить, что жевать не вредно, вредно курить. И у нас тоже стали жевать! Я бы и сейчас пожевала нашу душистую сибирскую серу, да зубов нет.

Магазины были «завалены» товаром, продавцы вежливые и только мужчины. А вот как одевались в 1920-х годах наши женщины. Во-первых, они не носили в руках авосек и хозяйственных сумок (их еще не придумали). За продуктами ходили с корзинками.

Прогуливались летом с изящными радикюльчиками, зимой носили меховые муфты, в которые прятали руки. Внутри муфты были карманчики для носового платка и флакона с духами. Губную помаду с собой не носили и губы на улице не красили. Однако губной помады тогда и не было, были румяна в баночках. Муфты были разные, включая и бархатные. У богатых дам - большие, дорогие, у менее состоятельных поскромнее. Их носили и девочки. У них обычно они висели на шнуре на шее. Больших меховых шапок совсем не носили, а только фетровые, бархатные шляпки, меховые горжетки. Что касается легкого платья, то модны были гофрировки и кисейные рукава. Гофрировка на подоле спереди, а сзади гладко, также и юбки. Кисейные рукава делали к любому платью и не обязательно в тон платья. Рукав длинный с манжетой из основной ткани платья. На такие рукава использовали любой прозрачный материал, но в основном шифон.

У Нади родился третий ребенок - дочка Рита. Когда мама её увидела, сразу воскликнула: «Вся в отца». И это была правда. Про Риту я еще расскажу, но, забегая вперед, скажу, что она умерла в 2002 году, не дожив до 71 года одного месяца. У меня сохранилась открытка Кузьмы, посланная в 1945 году дочке Рите с поздравлением её с семнадцатилетием. В ней было написано: «Сегодня тебе 17. Желаю тебе хорошо-хорошо прожить до числа, выраженного теми же цифрами, написанными в обратном порядке». Пожелание отца сбылось. Рита помнила о нем всю жизнь.

В тех же 1920-х годах отношения у мамы с отцом совсем разладились. Мама перестала обращать внимание на поведение отца и полностью отдалась хозяйству и заботам об уже повзрослевших детях. Своим ремеслом отец уже не мог зарабатывать деньги из-за непосильных налогов, и вскоре снял с ворот сапожную вывеску. Устроился на работу в «Военторг» в мастерскую по пошиву обуви для военных.

В Томском коммунально-строительном техникуме

Мы с Витей заканчиваем школу. Я собираюсь, как и Валя Деева, выучиться на чертежницу, но приехал Кузьма и сказал, чтобы я поступала в техникум. И я поступила в строительный техникум, как, в общем-то, и мечтала раньше. Туда принимали всех, кроме детей «чуждых элементов» - детей торговцев, священников и т.д. Они были изгоями.

1930 год. Я учусь в техникуме. В техникуме все по-другому, в отличие от школы. В моей жизни новые друзья, новые учебные предметы, новые преподаватели. За партами с нами вместе сидят взрослые «дяденьки». Многие парни уже послужили в армии, кто-то повоевал во время конфликта на КВЖД. Несмотря на разницу в возрасте студентов нашей группы вскоре мы слились в один спаянный дружный коллектив. Вступили в МОПР (Международное общество помощи борцам революции), в ОСОАВИАХИМ (уже не помню, что это такое). Дружно с песнями ходили на бесчисленные субботники: разгружать, нагружать, чистить и т.д. Часто всем составом техникума ходили по улицам и пели революционные песни. Не раз отправляли нас на длительные дровозаготовки для техникума. Там мы жили в бараках, где до нас размещались «сибулоновцы» (так называли тогда репрессированных). Нас одолевали клещи, но еще не энцефалитные. Спали на нарах. Однажды всем техникумом нас отправили на заготовку дров в поселок Тимирязевский. Через реку плыли на пароме. Паром тянули лошади, которые по кругу вертели большое колесо. Колесо передавало лошадиную силу большущим веслам, хлопающим по воде под паромом. Валили лес, очищали от веток, распиливали и кололи. Жили в бывших «буржуйских» дачах, спали на голом полу вповалку. Еду выдали сухим пайком - по одной штуке соленой горбуши на человека и ни кусочка хлеба. Какой-то местный дед привез бочку воды для питья и сказал нам, черпая воду ведром из бочки: «Пейте, ребята! Вода из подфонтала», - имея в виду, наверное, фонтан. И мы ели горбушу и запивали водой «изподфонтала».

В первый год нашей учебы в техникуме там был введен бригадный метод обучения. Группа делилась на подгруппы в 4-5 человек – бригады. Обычно в бригаду включали напололам сильных студентов и более слабых. Занимались и отвечали вместе –

"один за всех и все за одного". Вместе выполняли домашние задания, вместе готовились к экзаменам. Вскоре преподаватели поняли, что такой метод порождает иждивенчество: сильный студент решает задачки, а остальные списывают. Бригады упразднили. Я училась средне, но в "хвосте" не плелась. Не "высовывалась", руку вперед всех не тянула и не старалась показать, что всех умнее

Многие наши преподаватели были из технологического института. Особенно запомнился Михайлов В.В., преподававший «Строительные материалы», и старый математик Беляев Иосиф Александрович. Беляев был удивительно добрый человек. Объясняя нам задачки по начертательной геометрии, был настолько внимателен и добр к каждому студенту, что, казалось, готов погладить его по голове. Михайлов и Беляев при переводе строительного факультета СТИ в Новосибирск тоже уехали туда. Вместе с новым предметом появлялся у нас новый преподаватель. Нам везло, все это были хорошие люди, и мы их любили. Был замечательный преподаватель литературы (к сожалению, не помню его фамилии). На его занятиях мы не разбирали «по косточкам» положительных и отрицательных героев произведения, а просто читали наших классиков вслух, всей группой изображая действующих героев в лицах. Особенно хорошо у нас получалось, когда читали Гоголя и особенно «Ревизора». В это время у нас шел настоящий спектакль. Бесподобны были Бобчинский и Добчинский. Нам не хотелось потом расходиться из аудитории, хотелось, чтобы занятие продолжалось.

Я отдавала предпочтение преподавателям мужчинам. Считала, что они лучше знают свой предмет, более четко и ясно передают нам свои знания. Да и дисциплина у них была лучше. Преподаватель-мужчина мог стукнуть кулаком по столу и сказать нерадивому студенту: «Пошел вон!». Был у нас такой случай, когда занятия по строительным материалам проводил профессор Михайлов, и при сдаче экзамена студент Чурбаков не мог сдать его уже с трех попыток. Все три раза ему задавался один и тот же вопрос. Вот тогда и прозвучало: «Пошел вон!» Мне нравится эта короткая фраза, она точно указывает направление. Не заблудишься. Наш Чурбаков пулей вылетел из аудитории от стыда. А вопрос, который ему задавали трижды, был всего лишь: «Что такое извесь, пушонка?»

Был у нас в техникуме преподаватель физики Матвей Матвеевич (фамилию тоже забыла). Когда он вел урок, то, кажется, забывал все на свете, кроме своей физики, так он ею был увлечен. Запомнился он нам и тем, что давал нам советы по жизни, которые потом оченьгодились. Один совет я запомнила и приняла как новый закон физики. Матвей Матвеевич говорил: «Никогда ничего не выбрасывайте. Если это не нужно вам сегодня, оно может пригодиться завтра или послезавтра». Он часто показывал нам разные интересные приборчики, сделанные им самим из деталей и выброшенных кем-то вещей и им подобранных. Его изобретательность поражала.

По утрам на занятия меня будила мама. Она подходила к моей кровати и говорила: «Галь! Вставай!» Я, повернувшись на другой бок, отвечала: «Сейчас». Через несколько минут повторялось то же самое, но уже более строго со стороны мамы. Наконец, мама раздраженным голосом говорила: «Сколько ты будешь еще вылеживаться? Уже «Металлист» прогудел!» Тогда только я выскакивала из постели. В то время горожане вставали по заводским гудкам. Гудок завода «Металлист» (потом ТЭМЗ) был самый звонкий, а жили мы рядом с этим заводом. «Металлист» - маленький заводик, который, кажется, принадлежал технологическому институту, и им же был основан. Мы по голосу знали все заводские гудки в городе. Гудок мельниц был самый басистый и опережал на минуту-две всех своих «сотоваришей». Гудел издалека и как-то отрывисто, будто спросонья. После него начинали хором гудеть остальные гудки - каждый своим особенным голосом. Гудки раздавались по утрам в 7, 7.30 и 8 часов. Первый будил, второй предупреждал, что пора выходить из дома, третий гудок (два длинных) означал начало работы. Заводские гудки были повсеместным явлением в стране. Даже в одной из советских песен это отражено: «Пропел гудок заводской...» Эпоха заводских гудков

пришла на смену эпохе колокольного звона церквей. Потом и то и другое по разным причинам кончилось.

Однажды я, как обычно, «вылеживалась» в постели до последнего гудка, потом быстро вскочила и, наскоро одевшись, побежала в техникум. На улице темно и жуткий мороз. Вернуться домой и одеться потеплее не было времени. Вскоре почувствовала, что замерзают ноги от колен и выше. Я часто останавливаюсь и тру их ладонями - согреваю. Забежала в актовый зал университета (так тогда называлась университетская библиотека), чтобы погреться, и бегу дальше мимо университетской рожи, клиники. Вижу часы на здании управления Томской железной дороги (ныне ТУСУР), которые показывают время приближения начала занятий в техникуме. Иду быстрее, а ногам все холоднее и холоднее. Когда дошла до Каменного моста, то почувствовала, что по моим холодным ногам разлилось приятное тепло. Я сначала обрадовалась, но когда потрогала их руками, то почувствовала, что они твердые, как будто окаменевшие. Стучать можно. Отморозила! В техникуме девчонки оттирали мне ноги, но уже было бесполезно. Вернулась домой на извозчике. Пролежала в постели больше месяца. Кожа на ногах вся облезла, и на ноги страшно было смотреть - сплошные раны. Мама лечила гусиным салом. К её заботам прибавилось еще и это. Из техникума ко мне часто приходили однокурсники попроведовать, рассказать новости. Приходил парень со старшего курса Алеша Ульянов, который мне очень симпатизировал, но он постеснялся зайти в дом и так ни с чем и ушел. Парни, его однокурсники смеялись над ним. Я забыла лицо этого парня, помню только, что оно было очень добрым. Ноги мои зажили. Я считала, что останутся шрамы, но этого не случилось.

Когда я начинала учиться в техникуме, у меня не было зимнего пальто, донашивала что-то старое, из чего я уже выросла. В магазинах ничего не было. Отец отдал мне свою «шляпинскую» шубу. Пригласили домой портного, и он перешил мне её на хорошенькое пальто на кенгуровом меху, и я ходила в техникум, задравши нос от радости.

Из магазинов исчезло все: и продукты, и промышленные товары. Открылись по всей стране магазины «Торгсина» (торговля с иностранцами). Вот в этих магазинах не было только птичьего молока. Продажа только в обмен на золото, драгоценности. И люди понесли в эти магазины свои колечки, цепочки, броши и прочее.

Эхо коллективизации

В стране и в Томске настало очень тяжелое время. Шла коллективизация сельского хозяйства, а вместе с ней и раскулачивание крестьян. Этих ограбленных советской властью людей везли обозами через Томск в Нарымский край. Везли с вооруженной охраной. Я наблюдала эти обозы и из окон техникума (он находился на ул. Р. Люксембург), встречала на улицах города. И вспоминала Богдановку. Однажды я пришла домой и увидела постороннего мужчину. Лицо знакомое, но сразу не вспомнила. Оказалось, что это Тимофей Щемелев из Богдановки, один из братьев Щемелевых, о которых я писала выше. Он возвращался из Богдановки в лагерь, куда был выслан при раскулачивании. Он рассказал следующее. Всех их трех братьев-тружеников большевики разорили, отобрав вначале скот и хлеб. Старшего Николая расстреляли, потому что он пытался сопротивляться беззаконию, а затем Тимофея и Михаила сослали в разные края. Тимофей, находясь в Нарымском лагере, отпросился у начальника на побывку домой, повидаться с семьей, и его отпустили (встречались и там добрые люди). Тимофей, этот сильный здоровый мужик, едва сдерживал слезы, рассказывая, как побывал дома. Доехав до своей Богдановки, долго прятался в кустах, дожидаясь позднего вечера. Боялся встретить кого-либо из односельчан, которые могли донести властям, что вернулся «кулак». Тайком огородами добрался до родного дома. У дома увидел сидящего на крыльце мужчину. Насторожился, но, присмотревшись, узнал в нем своего младшего душевнобольного брата, которого из-за его болезни не выслали из деревни. Обнявшись, они дали волю мужским слезам. Тимофей рассказал, что той дружной богатой Богдановки

уже нет. Деревня разорена, а советская пропаганда разъединила народ, и люди стали видеть друг в друге врагов. Тимофей пробыл у нас один день. С угнетенным чувством провожали мы этого честного человека туда, откуда редко кто возвращался. О его дальнейшей судьбе я не знаю. Едва ли остался жив, может, покоится в общей могильной яме где-нибудь в Нарымском крае с пулей в затылке.

В этой связи вспоминается рассказ одной деревенской женщины, с которой я плыла на пассажирском катере по Оби на север от Томска. Пассажиров было много. Женщина рассказывала, как раскулачивали их семью в начале 1930-х годов. Вот её рассказ. «Позабирали всех коров, телят, коня и все, что было в амбаре, и даже всех кур переловили. Вынесли все имущество из избы, включая подушки, одеяла. А потом тот «щенок», который командовал всем этим, кричит мне: «Скидай юбку!» А я ему говорю: «Сам попробуй, сними, если она тебе нужна». Женщина рассказывает это, а сама лицо ладонями закрывает и плачет навзрыд, как будто надеясь на нашу защиту. Прошло уже много лет с той страшной поры, а я не могу забыть той женщины. Когда мы спросили её, кто тот человек, который командовал раскулачиванием, она ответила, что это был их деревенский «щенок» - комсомолец. Наверное, такие же «щенки», только уже повзрослевшие командовали тем, что творилось в 1937 году.

А мы учились в техникуме, и никакие сомнения не закрадывались в наши души. Все, что происходит в стране, считали правильным, верили лозунгам. Не было хлеба, он был уже по карточкам, а в столовой в качестве обеда подавали суп из капустных листьев. Мы не знали и не могли знать, что между этим и тем, что все шли и шли через город обозы с «кулаками» (и зимой, и летом), есть прямая связь.

А.В. Волконский

В техникуме появился новый преподаватель - А.В. Волконский. Он был архитектор, преподавал нам «Части зданий». Меня эта личность очень интересовала. Древняя княжеская фамилия, потомок декабристов. Я очень любила читать исторические романы про царей и князей. Книг таких издательства Сытина было тогда очень много. И вот представилась возможность увидеть настоящего живого князя! Да еще с такой знаменитой фамилией. Он вошел в нашу холодную аудиторию (не топили, так как часто, не было дров) в длинной собачьей дохе и ермолке. Волос на голове, как выяснилось, не было ни одного. Высокий, статный, породистый. Поздоровался, назвал свое имя - Андрей Владимирович. Мы, конечно, знали, что не по своей воле он приехал в Сибирь. Лекции его незабываемы. Он давал нам не только сухой материал программы, хотя и интересный, но и рассказывал про знаменитые памятники архитектуры Петербурга, историю которых он хорошо знал. Иногда он отступал от темы и рассказывал об интересных исторических фактах из жизни Петербурга. Он никогда не называл Петербург Ленинградом. Как-то спросил нашу студентку Зою Скобелеву, не родственница ли она М. Скобелева. Нет, не родственница. Но он все равно рассказал нам про знаменитого генерала, который всегда скакал в походах на белом коне и который отличился в русско-турецкой войне 1877 года в борьбе за освобождение Болгарии от турецкого ига. Рассказывал про Петербургскую школу изящных искусств, созданную графом Строгановым (потомком уральского купца) и конечно про замечательного художника и архитектора Воронихина - крепостного Строганова, создавшего Казанский собор в Петербурге. Он его проектировал и сам строил. Волконский рассказывал такую легенду. Когда в Петербурге был построен Исаакиевский собор (1819-1858), то царь спросил у главного строителя, какую награду он хотел бы получить за свое творение. И тот сказал: «Отдайте мне строительные леса этого храма». Строитель знал, что просить.

Андрей Владимирович хорошо владел своей профессией, он хорошо чертил и рисовал на доске, а без этой наглядности мы не смогли бы представить себе ту или иную строительную конструкцию. Помню, что он очень любил дерево как строительный материал.

Партийные деятели техникума, конечно связанные с НКВД, не доверяли ему, постоянно следили за ним, даже подслушивали у дверей, где он проводил занятия. Он все это знал, но не боялся, так как терять ему было уже нечего. Его лекции нам довелось, к сожалению, слушать недолго из-за одного неблагоприятного случая. У нас в группе был один студент, Додька Бельский - хулиганистый, отвратительный парень. От него нельзя было ждать ничего хорошего. Однажды Додька перед приходом к нам в аудиторию Волконского подставил к его столу тайком от всех старый стул с тремя ножками. Ничего не подозревающий Волконский сел на этот стул и сразу же упал. Додька громко захохотал. Волконскому - этому пожилому человеку трудно было подняться, да еще мешала доха. Не помню, помогли ли ему наши ребята, но когда Волконский поднялся, он вышел из аудитории, бросив Додьке одно лишь слово: «Подлец!». К нам на занятия он больше не пришел. В 1935 году А.В. Волконский умер, не дожив до 1937 года, в котором его наверняка бы расстреляли.

Еще немного о томском периоде учебы в техникуме

В 1931 году по распоряжению свыше в техникуме было открыто два новых отделения для подготовки сантехников по специальностям «Отопление и вентиляция» и «Водоснабжение и канализация». Эти отделения создавались на базе нашего набора 1930 года. Создавались волевым решением, не спрашивая желания студентов. Просто по списку. Я попала на отделение «Отопление и вентиляция». Сначала было конечно недовольство, возмущение, но администрацию техникума это не волновало. Куда попал по списку, там и учись. Но дело все-таки осложнялось тем, что не было в Томске преподавателей по новым специальностям. Такие специалисты в городе просто еще не были нужны. Отопление в основном печное, воду носили из водокачек, а канализация - это уборные и помойные ямы во дворах (обычным явлением на улицах города были повозки ассенизаторов с бочками, при встречах с которыми люди зажимали пальцами носы). А рядом был город Новосибирск, который в то время усиленно застраивался многоэтажными благоустроенными жилыми домами. Для их строительства понаехали специалисты из Москвы. Был создан филиал московского треста «Сантехмонтаж», и в Новосибирск приехала большая группа работников, включая рабочих монтажников. С некоторыми специалистами «Сантехмонтажа» администрация нашего техникума заключила договор о преподавательской работе, и наши группы по новым специальностям должны были переехать на учебу в Новосибирск.

Но пока мы еще в Томске. Изучаем сопромат, железобетон, теоретическую механику, математику. Преподавательница математики - Екатерина Юльевна Мариенгоф. Я её очень хорошо запомнила. Казалось, она родилась математиком. Много позднее, когда я уже работала в Новосибирском проектно институте «Сибстройпуть», я познакомилась с работавшим там её братом Э. Мариенгофом. У него был роман с выпускницей нашего техникума Наташей Штрик. А в 1937 году их «забрали», но потом Наташу выпустили, а Э. Мариенгофа расстреляли. Наташа, с которой я была близко знакома, рассказывала, что когда она находилась в застенках НКВД, её упорно допрашивали о темах её разговоров с Мариенгофом, когда они встречались. Она им отвечала, что говорили они только о любви, других разговоров у них не было. Ей не верили. А Екатерина Юльевна воспитывала после гибели брата его сына, оставшегося сиротой.

Сопромат - предмет трудный, а преподаватель его Бушманов М.Г. был очень строг. Однажды на его уроке моя подруга Нина Тетяева, сидевшая со мной за партой, шепчет мне в ухо: «Галька, почеси мне спину». Я забралась рукой ей под кофту и начала царапать. Наша возня была замечена, и преподаватель, посмотрев на Нину, остановил объяснение и сказал: «Я прошу уважения к своему предмету! Если он Вам неинтересен, прошу уйти». Нам с Ниной было очень стыдно. Я даже рассердилась на подругу: надо же было зачесаться её спине во время сопромата!

В техникуме я ни в кого не влюблялась, хотя пришла уже пора. Наши ребята казались мне менее интересными, чем студенты технологического института. Я выделяла только одного парня с выпускного курса - Сашу Атландирова. Он был красив и строен, ходил в косоворотке, подпоясанной тонким ремешком. На меня он не обращал никакого внимания, да я особенно и не стремилась к этому. Подумаешь! Имя Саши Атландирова высечено ныне на мемориальной доске в Лагерном саду рядом с тысячами других имен.

Встречи на томских скамейках

С Валею Деевой мы встречались уже не так часто. Я окунулась в другую среду. К тому времени семья Деевых была окончательно разорена. Деиха иногда приходила к маме занять муки, чтобы испечь хлеб. Квартира их была по-прежнему красиво обставлена, еще сохранилось что-то из старинной мебели, на дверях висели плюшевые расшитые шторы. Сохранялся дух бывшего купеческого богатства. Мне нравилась их кухня. Никаких гарнитуров не было. Стояла большая русская печь, по всему периметру стен висели 3-х ярусные полки, сделанные из толстых дубовых досок. На полках расставлена вся кухонная утварь. Под полками стояли столы. Мы с Валею по вечерам сидели на лавочке у ворот их усадьбы, к нам подходили знакомые студенты СТИ, и мы вместе слушали музыку, которая лилась из открытых окон профессорских квартир бывших деевских домов. На фортепиано или рояле исполнялись музыкальные произведения от Чайковского до Баха. На одном из открытых окон квартиры какой-то профессорши всегда сидел белоснежный пудель с большим бантом на шее и внимательно рассматривал всех проходивших мимо людей.

Надо сказать, что скамейки стояли практически у каждого дома на нашей улице. Они были самые простые, деревенские. В землю вбиты деревянные чурбаки, а сверху прибита доска. Это очень удобно, когда на улице много скамеек. Прохожий всегда может присесть и отдохнуть. А сейчас улицу можно пройти насквозь и не встретить ни одной скамейки. Где же посидеть, например, вечерком влюбленным? Нынче пробовали какие-то энтузиасты поставить на улицах скамейки, но очень скоро они были или вывернуты «с корнем», или просто сломаны. В «деевские» времена скамейки не ломали. В недалеком прошлом, когда я проходила мимо бывшей деевской усадьбы (пр. Ленина, 23), где уже ничего не осталось, кроме двух сильно обветшавших домов, невольно ожила в моей памяти та уютная обстановка, которая была тут некогда, и красивые деревянные ворота, и милые скамеечки. Теперь Баха, как ни старайся, из открытых окон уже не услышишь, а вот мат - пожалуйста, и даже женский.

Примерно в 1950-х годах на работе на ТЭМЗе я как-то просматривала центральные газеты и увидела на первой странице портреты министров тогдашнего СССР. Они занимали всю страницу. Под каждым из них обозначена фамилия министра и отрасль его управления. Разглядывая эти портреты, я увидела на одном из них знакомое лицо. Не сразу вспомнила, кого оно мне напоминало. А это был бывший студент СТИ, с которым мы когда-то сживали на лавочке у деевского дома. Тогда на лавочке он просил у меня разрешения на поцелуй, и пока я думала, он уже поцеловал меня. Жаль, что не сохранила газету с портретами. А Министерство его было связано с тяжелой металлургией.

Вспоминаю свои романы юности. Женя Ханецкий, Аркадий Спановский... Это даже не романы, а просто нежные прикосновения друг к другу - взглядами, рукой к руке. Я думаю теперь, откуда брались тогда такие воспитанные мальчики? Они были благородны и внешним видом, и поведением, как будто воспитывались в институте благородных мальчиков. А Женя Ханецкий жил с мамой в избушке на углу улиц Бульварной и Черепичной. Избушка почти выросла в землю, и из своего окна Женя смотрел на проходящих по тротуару людей снизу вверх. Жили они очень бедно, но из-за этой бедности Женя не стал ни бандитом, ни вором, ни хамом. Имена Жени и Аркаши тоже высечены на мемориале в Лагерном саду.

Практически в каждом доме нашего района жили студенты. Люди еще жили не так стесненно, и каждый хозяин имел возможность держать квартирантов. И еще одна особенность тех времен - почти в каждом доме или квартире люди выращивали большие цветы - фикусы или пальмы. У нас дома тоже росла большущая пальма с крупными «дырявыми» листьями. Росла она в кадучке, которая стояла на зеленой деревянной тумбе. Мне приходилось часто мыть пальмовые листья. Откуда пальма появилась в нашем доме, не помню.

Праздники Пасхи в Томске

Сегодня 27 апреля 2003 года - праздник Пасхи. Воскрес Иисус Христос. Я к Пасхе испекла пирогов с калиной и ватрушек с творогом, соседка Тася принесла кулич. Погода хмурая, то снег с морозом, то солнышко выглянет на минутку. Во дворе лужи, грязь. На 26 апреля был объявлен общегородской субботник по уборке мусора. Из нашего дома вышли на уборку двора только трое. Это завсегда. Всем остальным или некогда, или больны. И так у нас всегда.

О праздновании Пасхи у меня остались очень яркие детские впечатления. Когда-то праздник этот был великим, люди встречали друг друга приветствием «Христос воскрес!» и ответом «Воистину воскрес!», после чего целовались. Я наблюдала в некоторых семьях, как готовятся к этому празднику. Подготовка начиналась за неделю-две. Коптили свиные окорока, запекали или жарили гусей, варили холодец, пекли пироги, куличи, конечно, красили яйца. Одновременно делали генеральную уборку в квартире, выколачивали половики, одеяла, подушки, перины, подбеливали печки, шили детям обновки. И вот приходит праздник Христова Воскресения. После заутрени приходят гости с детьми, христосуются, садятся за стол, начинаются разговоры, пьют, закусывают, хвалят хозяйку за вкусные приготовления. Ребятишки бегают по улице с полными карманами крашенных пасхальных яиц, бьются ими друг с другом. Разбитое яйцо достается тому, кто его разбил. Предварительно яйцо «пробуется на зуб», то есть его стучают острием по зубам и выбирают самое крепкое. Такое яйцо - «биток» и участвует в игре. Им можно разбивать яйца всех участвующих в игре. Взрослые меж тем, хорошо выпив в застолье, затягивают песни. «Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя...» А поют вразнобой, кто в лес, кто по дрова. Потом мужики выходят на улицу и начинают играть с ребятишками в лапту или в городки. Места для таких игр хватало. А то, изрядно выпив, о чем-то поспорят друг с другом, и начинается кулачная драка. На шум и крики, оставив праздничный стол, выскакивают бабы и кидаются разнимать своих мужиков. Драка кончилась. Но после неё какое застолье? Гости расходятся по домам под возмущенные окрики баб на своих благоверных и подталкивания в спину: «Иди, иди, окаянный!» Да, именно так часто заканчивалось у многих томичей празднование Пасхи. Да, и по всей России тоже. У меня всегда портилось настроение от таких сцен. А наблюдать их приходилось чаще всего на площади Преображенской. Площадь перед стоящей тут церковью была большая и пустая, по её периметру стояли одноэтажные деревянные дома. Жители этих домов и становились участниками пьяных драк на Пасху.

Что-то никак я не могу оторваться от детских и юношеских воспоминаний, «толкусь» на одном месте, как будто не могу перешагнуть черту, за которой началась совсем другая жизнь. Это и понятно. Пора детства и юности была самая милая и счастливая. Все мои родные тогда были живы и здоровы, и я росла «под крылышками» своих родителей.

Продолжение учебы в Новосибирске. Грест «Сантехмонтаж».

Вернусь к 1931 году. Наши техникумовские группы переезжают в Новосибирск изучать сантехнику у московских и новосибирских преподавателей. Разместились на

квартирах, кто, где мог. Я, конечно, у сестры Нади за Каменкой. У них свой дом и уже трое детей - Юра, Владик и Рита.

Приехавшие из Томска студенты собрались в Новосибирском филиале треста «Сантехмонтаж». Именно здесь мы будем учиться своей будущей профессии и проходить производственную практику. Нас встретило всё руководство организации: начальник - А.И. Соколов, главный инженер - С.С. Корсаков, инженеры - В.Л. Макаров, М.А. Чистяков, Г.П. Кудрявцев и другие. Всех этих людей я вспоминаю с благодарностью, ведь они преподавали нам понятия и навыки специальности, с которой мы вышли потом в жизнь. Профессию мы осваивали не в белых перчатках и начинали с самых азов. Научились разрезать ножовкой стальные трубы, нарезать резьбу, гнуть трубы, нагревая их на горне докрасна, собирать стояки в строящемся здании и еще очень и очень многому. Главный инструмент слесаря-сантехника - это газовый ключ. Без него ни отвернуть, ни завернуть трубу. Ключи через некоторое время изнашиваются (стираются зубцы), и их надо ремонтировать. Я первая попала на обучение к мастеру, который ремонтировал ключи и другой инструмент. Такую практику должны были пройти все студенты. Когда первый раз пришла к мастеру в его мастерскую в длинном голубом платье, он мне сказал: «Я тебя учить ничему не буду. Смотри сама, как и что я делаю, и перенимай». Так и было. Я смотрю и делаю, как он. Раздуваю ногой горн, кладу в пламя газовый ключ (головкой в самое пекло), разогреваю его докрасна, затем вытаскиваю, кладу на землю, чтобы немного остыл. Металл стал мягким. Зажимаю ключ в тиски и нарезаю напильником новые зубцы. Мой первый опыт мастер одобрил. Затем я снова нагреваю ключ докрасна в горне, потом вынимаю и быстро опускаю в ведро с холодной водой. Вода шипит. Немного выдержав, вытаскиваю из воды. Металл закалился, зубцы стали твердыми, и ключ снова готов к работе.

Все наши московские руководители бережно и внимательно относились к нам. Несмотря на то, что все они были молодые неженатые парни, никаких заигрываний с нами, девчонками, не было. Они занимались с нами теорией, расчетами, проектированием, давали нам посильные задания. Мы в первый год обучения в "Сантехмонтаже" освоили все названия арматуры, применяемой в сантехнике, как на глаз определить размер трубы или детали, и изучали все мельчайшие подробности, встречающиеся при монтаже. И вот эта группа московских специалистов из "Сантехмонтажа", которая нами руководила, так сумела нам преподнести сантехнику, что мы полюбили её, и считали, что она самая лучшая из специальностей.

Одновременно с производственной практикой, как я упоминала, мы осваивали и теорию. Преподавателями были М.П. Нехаев – главный инженер проектного института "Запсибпроект", который вел курс "Отопление", и В.А. Доценко из института "Сибпромвентиляция", он преподавал промышленную вентиляцию. Эти дисциплины были нам очень интересны, тем более что изучение теории шло одновременно с практикой. Центральное отопление – это общее название, но отопление имеет несколько разновидностей: паровое, пароводяное, водяное с естественной циркуляцией, водяное с насосной циркуляцией, системы – двухтрубные, однострунные, с верхней разводкой, с нижней разводкой и пр. Вот все это мы изучали. Михаил Петрович Нехаев (Царство ему Небесное!) был в Новосибирске самым лучшим специалистом сантехником и добрейшим человеком.

У "Сантехмонтажа" в Новосибирске было много объектов. Мы работали на строительстве жилых домов «Кузбасстреста», которые возводились в центре Красного проспекта. Эта стройка занимала целый квартал, начиная от Красного проспекта до улицы Советской у Федоровой бани. Контора "Сантехмонтажа" размещалась в большом одноэтажном деревянном доме, который находился на углу улиц Советской и прилегающей (названия не помню). Там, вблизи Федоровой бани (она была так же знаменита как Громовская в Томске) был большой двор, обнесенный высоким деревянным забором, и выглядел двор, как крепость. Во дворе был склад материалов. В

этом же доме, где контора, были и квартиры работников администрации. Нам, пятерым девчонкам, выделили в этом доме комнату под общежитие. Вход в комнату был через общие сени с квартирой начальства. Нам выдали наволочки для матрацев. Мы их набили стружкой, соорудили топчаны и зажили. Нам было весело, хоть и голодно. Мы голода как будто не замечали. На стройку в обед нам привозили в баках какой-то суп, сваренный, как обычно, из капустных листьев. Сверху плавало что-то коричневое, похожее на олифу – это "жиры". Второе мы готовили себе сами: покупали в хлебном магазине молóки от соленой селедки и делали бутерброды. Хлеб, конечно, по карточкам. Москвичи питались лучше нас. Каждый месяц они отправляли кого-нибудь в Москву за продуктами. Как-то раз мы укладывались спать, как обычно, голодные. Кусочки хлеба, оставшиеся от пайка, оставили наутро к завтраку. И кому-то из нас пришла в голову идея – украсть у москвичей кружечку растительного масла. Эту идею поддержали все. Мы знали, что у них на столе в кухне стоит ведро этого масла. Наверное, привезли из Москвы. Как бы было хорошо помакать в это масло кусочки хлеба! Но кто пойдет воровать? Отказались все. Вдруг "застукают", позор! Но голод не тетка. Согласилась на авантюру Тася Дылевич. Тася была из Анжерки. Эта крупная мясистая девчонка с большими кулаками была очень доброй. Но у неё всегда было так, что она обязательно что-либо задевала на ходу – стол, стул, ведро, либо что-то еще. То рукой заденет, то ногой, то всем своим туловищем. И вот она решила пойти на это преступление. И пошла с кружечкой. Мы, оставшиеся в комнате, замерли в напряженном ожидании. Прислушиваемся. Москвичи давно дома, они в комнатах, может, укладываются спать, в кухне им уже делать нечего. И вдруг мы слышим шум. В кухне что-то загремело, и через минуту в комнату вбегает Тася с пустой кружкой. Конечно, она задела и уронила крышку с ведра, в котором было масло. Эта крышка и загремела. Сейчас я думаю, а не лучше ли было попросить у москвичей кружечку масла? Наверное, дали бы, и не одну. А шума они тогда не услышали. Больше мы не пытались делать такое.

Однажды наши начальники устроили банкет. В одной из комнат москвичей они поставили рядом собранные по комнатам столы и накрыли их всякими яствами. Были, конечно, и бутылки с вином. Пригласили и всю нашу девчачью компанию. Для нас приглашение было неожиданным, но приятным. Расселись за столами, кто, где хотел, но получилось так, что оказались друг против друга. Началась обычная непринужденная беседа, и наши начальники показались нам не такими уж строгими. О работе ни слова. Нина Тетяева сидела против главного инженера С.С. Корсакова. Сергей Сергеевич Корсаков – высоченный сероглазый красавец. А у Нины хорошенькое, со вздернутым носиком и карими красивыми глазами личико, но аккуратная головка сидит на могучих плечах, а фигура плоская с большими, как лопасти ступнями. Она пела под гитару песенку:

*Зашла я в склад игрушек
И разных безделушек
Весеннюю порою как-то раз.
Из множества фигурок
Понравился мне турок,
Глаза его горели, как алмаз!
Я наглядеться не могла на бравый вид!
А турок мне с улыбкой говорит:
"Разрешите, мадам, заменю я мужа Вам?
Если муж в отлучке по делам,
Зачем же жить без мужа Вам?
Ведь с мужем жить приятней и милей!" – и т.д.*

Я сидела напротив Славы Макарова. Слава самый молодой из группы москвичей парень и очень скромный. Беседа у нас не клеилась, мы просто рассматривали друг друга, перебрасываясь иногда словами. За этим столом я впервые попробовала вино, голова

немного закружилась, и мы со Славой разговорились. Правда, только о работе. После банкета Слава никак не мог попасть ключом в замочную скважину своей комнаты, да так и уснул с ключом у двери. Очевидно, много выпил, а потом друзья просмеяли парня.

Георгий Павлович Кудрявцев – самый старший из группы, ему, наверное, за 40. Он сидел рядышком с Людой Андреевой. Люда – томичка, в Томске она жила на улице Войкова. Семья её очень бедная, у неё много сестер и мать. Во внешности Люды ничего особенно выдающегося – просто молоденькая с пухлыми щечками. После банкета "лед тронулся". У Нины Тетяевой начался роман с Сергеем Сергеевичем. Мне стал много внимания уделять Слава Макаров. Георгий Павлович начал упорно ухаживать за Людой Андреевой. В Москве он был женат на очень красивой женщине, но какой-то высокий партийный чин увел у него жену, и он не посмел препятствовать. Эту историю рассказали нам его сотрудники.

Как-то я зашла к сестре Наде, и она мне сказала, что у них поселился квартирант – архитектор из Ленинграда. Надя сдала ему маленькую комнату. В следующий мой визит к сестре я увидела его. Он вошел в дом почти вслед за мной. Высокий, тонкий, в шляпе и весь "джинсовый" (т.е. брюки и куртка). В 1930-ые годы о джинсах у нас еще не знали. Я удивилась такому костюму, и мне он не показался элегантным. А еще архитектор! Когда я немножко разглядела его костюм, то удивилась обилию разных карманов и карманчиков и на брюках, и на куртке (даже на рукавах!). Позднее узнаю, что это обыкновенный костюм американского рабочего, и в этих карманах он держит на работе весь подручный мелкий инструмент. Мы познакомились – Борис Алексеевич Алексеев. Позднее Надя рассказала, что он выслан из Ленинграда по 58-ой статье, что у него есть жена и сын. Шли сталинские "чистки" в больших городах, и в Новосибирске таких ссыльных стало уже в начале 1930-х годов очень много. Еще не было этого термина – "враги народа", и опальным гражданам разрешалось свободно проживать в месте ссылки, устраиваться на работу в любое учреждение по своей специальности.

Продолжаю учиться в "Сантехмонтаже", жить в той же комнате с девчонками, также полуголодной ложиться спать. Лежа в постелях, болтаем на разные темы. Например, обсуждаем своих начальников (кто из них лучше, кто хуже) и приходим в оценках к согласию, что все они хорошие: не пьют, не ругаются, к нам в комнату никогда не заходят. Однажды в такой вот вечер завели беседу о том, о каком муже мечтает каждая из нас. Рона Пручковская, подняв голову от подушки, сказала: "У меня будет старый, но богатый муж и молодой красивый любовник". Люда Андреева сказала: "А я выйду замуж только за молодого и красивого". О чем болтали другие, в том числе и я, не помню. Забегая вперед, скажу, что мечты этих девчонок не сбылись. Рона Пручковская после окончания учебы осталась работать в Новосибирске и вышла замуж за молодого и красивого парня, и когда она лежала в роддоме в 1937 году, её мужа арестовали и расстреляли, не дав ему даже взглянуть на родившегося сына. Рона растила сына одна. Теперь он живет в Америке. Про сына Рона говорила, что он неудачник. Она побывала однажды у него, рассказывала про тамошнюю жизнь, сравнивая с нашей: "Это что ночь и день, не в нашу пользу". Рона умерла в 2001 году в одиночестве. Сын прилетал посетить её могилу. Люда Андреева после неудачного по её вине романа с Георгием Павловичем Кудрявцевым работала тоже в Новосибирске. Родила двойню от мужа своей подруги – нашей сокурсницы и уехала в Томск к матери. Я проводывала её на улице Войкова. В памяти осталась она – несчастливая мать, лежащая в постели, а по бокам её новорожденные малыши – тоже несчастные. О дальнейшей судьбе Люды не знаю. Хочется думать, что в дальнейшем судьба её и её детей сложилась удачно.

Но пока мы - 17-18-ти летние девчонки живем и учимся в Новосибирске. Ходим со своими начальниками в кино, на какие-то вечеринки, фотографируемся вместе на память. Георгий Павлович упорно ухаживает за Людой, он уже делает ей предложение, и после окончания её учебы они собираются пожениться, хотя он старше Люды на 20-23 года. Но все равно он еще молод.

В памяти всплывают разные события тех лет, только обо всем не напишешь. Но вот вспомнила сейчас следующее и улыбнулась. У нас в комнате было два эмалированных чайника. В одном, белом, мы кипятили чай на плитке, а второй чайник, синий, стоял без дела, и кому-то из девчонок пришла в голову идея – использовать его под ночной горшок. Так и было сделано. Уборная находилась далеко в конце двора, бегать туда ночью было страшно, так что горшки в ту пору были в ходу.

После окончания производственной практики мы разъехались по домам, но связь с "Сантехмонтажом" не теряли, переписывались. Слава Макаров писал мне скучные письма. Кудрявцев посылал иногда своей невесте маленькие посылки с продуктами. Из-за одной такой посылки и произошел разрыв. Кудрявцев прислал сыр, и Люда принесла его в качестве своего пая на студенческую вечеринку в техникуме. Распробовав сыр, ребята решили отблагодарить жениха Люды. И при попустительстве глупой Люды отправили ему телеграмму: «Компания за сыр благодарит...». Кудрявцев понял все правильно, - это была насмешка. Роман между этой парой закончился. Нина Тетяева переписывалась с Сергеем. В каникулы мы с Ниной поехали в Новосибирск – я к сестре, Нина к родителям. И конечно посетили "Сантехмонтаж". Нас там радостно встретили друзья. Много было разговоров, воспоминаний, друзья говорили, что скучают без нашего девчоночьего шума. Пригласили за стол, и мы вместе пили чай из того синего чайника, который когда-то служил нам ночным горшком. Мы с Ниной, конечно, узнали этот чайник и улыбнулись друг другу. Не хотелось писать об этом. Стыдно! Но что было, то было.

В следующей за нами группе с нашего курса, проходившей практику в "Сантехмонтаже", среди других студентов была Анна Гудкова. И влюбилась эта девчонка в главного инженера С.С. Корсакова. Любовь была безответной, и Аня повесилась на багажных ремнях в своей временной новосибирской квартире. Подробности я уже забыла. Аня была девушкой тихой, молчаливой, казалась иногда странной. У неё были большие черные глаза, которыми она будто смотрели внутрь себя.

Я часто перебираю фотографии тех лет. Вспоминается прошлое. Вот на пожелтевшем от времени фото молодой интересный мужчина. Он хорошо одет, белоснежный воротничок сорочки, хорошо подвязанный галстук. Видно, что побрит, очевидно, до синевы. На обороте фотографии надписано карандашом (еще не было "вечных" ручек): "Галина! Вспомни иногда. Евгений Белоусов. Февраль 1933 г. Томск". И вот я вспомнила. Мы часто с ним встречались на Красном проспекте, еще не зная друг друга. Он смотрел на меня и иногда улыбался и даже оглядывался. Через какое-то время и я стала ему улыбаться и тоже оглядываться. Иногда он был с товарищем. Я всегда была очень скромно одета и думала: "Почему он смотрит на меня? Неужели я ему понравилась?" Однажды мы с Ниной вместе со своими друзьями из "Сантехмонтажа" пошли к кому-то на домашнюю вечеринку. Не помню, кем она была организована, но к своему изумлению, я увидела там своего незнакомца с Красного проспекта. Познакомились. Это был Евгений Белоусов – артист, эстрадный певец (тенор). Исполнял он в основном опереточные арии. Пел и на той вечеринке. Я тогда еще плохо разбиралась в качестве звучания живого голоса, но мне его исполнение понравилось. После знакомства на той вечеринке мы уже при встречах на проспекте останавливались и разговаривали ни о чем. Будучи в Томске на гастролях, он нашел мой адрес и зашел ко мне домой. Вот тогда он и подарил мне свою фотографию с надписью, которую я воспроизвела выше. В 1941 г. Евгений ушел на войну и не вернулся...

Вот еще фотография. На ней запечатлены пятеро: Нина Тетяева, Слава Макаров, я, Сергей Корсаков и Г. Кудрявцев. На обороте тоже надписи: "Вышли все отвратительно, но лучше сняться плохо, чем никак. 22.12.1932 г. С. Корсаков". И тут же еще одна надпись: "Правда, Галька! Снимок отвратительный, но очень ценный, как память. Особенно прелестен Сережка, и память о нем у меня осталось больше всех. Нина".

Летом 1933 года наша группа снова на практике в Новосибирске и в том же "Сантехмонтаже". Живем мы уже не в конторе, потому что из Москвы приехали новые

работники и заняли нашу комнату. Нас поселили в строящемся доме рядом с "Сантехмонтажем". Дом еще не достроен, нет окон, нет пола, нет перегородок. Но для временного проживания рабочих и студентов нагородили временных же перегородок из горбыля, сделали двери в каждую "комнату". Перегородки со щелями, через которые можно было заглядывать к соседям. Доски перегородок не доставали до потолка и до пола на 50 см. Нам опять наставили топчанов, наделали матрацы. И мы зажили весело в этих уютных комнатах. Практика эта была последней, преддипломной. Мы стали уже настоящими сантехниками, изучили все гайки-контрогайки и прочие атрибуты. Самостоятельно монтировали стояки, и водопроводные и канализационные. Водопровод тогда делали из оцинкованных труб, и вода из крана не была ржавой. Черные стальные трубы для монтажа водопровода не допускались, они были пригодны только для сетей отопления. Электросварка еще не была изобретена, и сборка труб была только на фасонных частях (тройники, муфты, крестовины и т.д.). Нас водили в котельные, вырабатывающие тепло, знакомили с монтажом котлов.

В "Сантехмонтаже" сменилось руководство, приехал новый начальник. Славу Макарова отозвали в Москву. С. Корсаков остался. Моей напарницей по монтажу стала Нина Андрианова, тоже томичка из нашей группы. Она была какой-то родственницей профессора Томского технологического института Евдокимова-Ростовского. Когда мы с Ниной работали у своих стояков, то к нам часто подсаживались студенты-практиканты строители из Омска. Мы с ними болтали. У парней сразу определились симпатии. А. Конотоп подсаживался поближе к Нине, а Федя Нуйкин больше уделял внимания мне. Наши симпатии совпадали. Федя имел спортивную фигуру, сильный характер, был умен и внешне не урод. У Конотопа таких качеств не было. Запомнились его бегающие глаза, как будто чего-то ищущие. У меня он вызывал брезгливое чувство. Нина была красивой черноглазой круглолицей девушкой. Мы ходили с этими парнями в кино, на спектакли в театр "Красный факел", а часто просто сидели вечером на лавочке. Федя мне понравился. Он соответствовал тем качествам, которые я ценила в мужчинах. Однажды мы с Ниной поздно вато пришли домой. Все в общежитии уже спали. Мы не захотели стучать в дверь и решили перелезть через перегородку. Эту мысль подала Нина, и первая полезла, недолго думая, хватаясь руками за доски и ставя ноги в щели. Когда она добралась до верхней доски и взялась за неё руками, доска оборвалась и грохнула вниз вместе с Ниной. Был большой грохот, из нашей комнаты выскочили испугавшиеся девчонки, а из соседних - мужчины-рабочие в нижнем белье, которые не могли понять, что случилось. Увидев нас с Ниной, начали возмущаться, вот, дескать, шастают тут по ночам, людям спать не дают. Мы с Ниной - ниже травы, тише воды. Добрались до своих топчанов и, не оправдываясь, молча легли в постели. Нина, конечно, ушиблась, но она упала мягким местом, поэтому ничего себе не сломала. А ведь это могло случиться, ведь высота падения была 3 метра. Потом Нина долго держалась за ушибленное место. На следующий день после этой "катастрофы" у нас в комнате на стене появилась стенгазета "Молния". В газете нарисованы мы с Ниной с молотками и трубами в руках, а рядом наши ухажеры в позах таких фраеров. Мы с Ниной тоже смеялись над этим рисунком, но "шастать" продолжали, только домой старались вернуться до отбоя.

Но вот продолжение этой истории. Перед окончанием практики Нина вышла замуж за своего Конотопа. На свадьбу приезжала из Томска мать Нины. Нина сменила свою фамилию на фамилию мужа. Конотоп получил квартиру в одном из строящихся домов, и молодожены зажили счастливо. Когда Нина вышла замуж, я удивилась. Зачем так рано? Ведь мы еще совсем молодые, только недавно перестали играть в куклы. Нужно учиться и учиться, и это так интересно. Я Нину не понимала, и мне стало с ней скучно. Некоторое время Конотопы жили в Новосибирске, потом переехали в Томск. Муж тянул Нину на свою Украину, но она не хотела уезжать от матери, и Конотоп уехал один. Была долгая переписка, но Нина так и осталась в Томске. Детей у них не было.

И еще о Нине. В техникуме её звали "Нинка-бум". И вот почему. Мы с ней жили недалеко друг от друга. Они с матерью снимали комнатку в частном доме на переулке Владимирском (теперь ул. Тимакова), и мы часто из техникума шли вместе. Нина у меня дорогой спрашивала: "Галька, будем заниматься вместе?", - но вместо слова "будем" у неё получалось "бум". Так и прилипло к ней это слово. В период учебы в техникуме девчонки часто ночевали друг у друга, и Нина иногда ночевала у нас. После замужества Нина оставила учебу и начала работать вместе с матерью в химической лаборатории Томского университета лаборанткой. И так до самой пенсии. У нас с ней дороги разошлись. Я иногда встречала их с матерью. Они всегда ходили вместе и носили какие-то темные монашеские платья. Жили там же на улице Тимакова в однокомнатной квартире - "хрущевке", построенной на месте уютного деревянного дома, где они жили до этого. После смерти матери Нина осталась одна. Я к ней часто заходила. Мы жили рядом, буквально через дорогу друг от друга. Много разговаривали, вспоминали новосибирскую практику. Я ей рассказала как-то про омича Федю Нуйкина. Он приезжал в Томск, разыскал меня в техникуме, и мы целый час сидели на подоконнике и разговаривали, но ни о чем не договорились. Федя уехал, и больше мы с ним никогда не встретились. Вспоминали смешное, и Нинка Бум смеялась точно также, как 70 лет назад. Иногда Нина садилась за пианино и начинала «брякать». Играть она не умела, только давила на клавиши. А пианино у неё было прекрасное, кажется, фирмы «Беккер». Прожив такую длинную жизнь, Нина вообще ничему не научилась. Даже тесто завести на оладьи не умела, меня просила. Она очень удивилась, узнав, что я умею шить и все и себе, и дочери шью сама. Одета Нина была по-нищенски, а на кухне кишели тараканы. Я попыталась их вытравить специальным порошком. Спросила у Нины, почему она ничего не умеет делать, она в ответ только грустно улыбалась. Думаю, все в жизни зависит от себя самой. В 2000 году Нина умерла. Похоронили её чужие люди, которым она завещала свою квартиру. Я на похоронах не была.

В начале 1930-х годов Новосибирске застраивался невиданными темпами. Город рос на наших глазах и при нашем участии в период прохождения там студенческой практики. Особенно много строилось жилых домов. В то же время шло усиленное развитие Кузбасса. Строились новые шахты и металлургические заводы. В Новосибирске был создан крупный проектный институт «Шахтстрой». Своих специалистов - инженеров не хватало, и правительство обратилось к другим странам за помощью. Приехало много специалистов из Европы, и даже Америки. В США тогда разразился экономический кризис, вот некоторые американцы и подались в СССР. Много было немцев. В Новосибирске иностранцам предоставили хорошие квартиры в центре города в новых домах. Приехавшие специалисты были в основном одинокие молодые мужчины. Холеные, элегантные, хорошо одетые, они сразу выделялись в городской советской толпе. Для них открыли продуктовый магазин «Инснаб» и ресторан с джаз оркестром. Джазовая музыка была запрещена у нас, послушать её можно было, только достав грампластинку «из-под полы» (их можно было купить в «Торгсине» или где-то еще). Я помню, как какой-то парень заказал на радио исполнить танго «Черные глаза», так в ответ ему, вместо этой красивой музыки, прозвучала целая лекция-отповедь по-советски. Думаю, что бедный парень тогда начисто забыл мотив старого танго. Если бы это был уже 1937 год, то он непременно попал бы во «враги народа». Слушай, парень «Валенки - не подшиты стареньки» и никаких тебе танго.

Новосибирск строится. Архитектор Б.А. Алексеев – мой будущий муж

Я еще работаю в «Сантехмонтаже». Часто хожу к сестре, помогаю ей по хозяйству. Стираю белье, мою полы. Ведь у Нади трое детей. Её квартирант все более и более уделяет мне внимание. Он работает архитектором в стройотделе ГПУ. Зная, что я учусь в строительном техникуме, как-то раз попросил меня что-то ему почертить в его чертеже. Я, конечно, была польщена этим предложением и чертила аккуратно, опасаясь поставить кляксу: ведь чертеж был настоящий, а не учебный. На чертеже спроектированный им дом на улице Серебрянниковской. Как-то к нему пришел его друг, тоже архитектор из Ленинграда и тоже ссыльный, Аркадий Ширяев - очень шумный и веселый парень, талантливый специалист. Он проектировал архитектурное оформление здания Госбанка, что стоит на театральной площади Новосибирска. А вообще в архитектуре тех лет преобладал стиль конструктивизма. Это коробка здания с широкими и невысокими («лежащими» - арх.) окнами. Никаких архитектурных украшений не полагалось. Стиль этот пришел к нам из Франции, его основателем был архитектор Корбюзье. В Томске тоже есть такие дома. Дома, выполненные в стиле конструктивизма, внешне скучны, стандартны, но внутренняя планировка удобная, комнаты большие, коридоры широкие и длинные.

Мне нечего надевать, нет приличного летнего платья, и Надя шьет мне костюм: из белой простыни, сохранившейся с царского времени, - юбку, а из кремовой сатиновой наволочки из-под подушки - кофту. Я рада, стираю и наглаживаю свой костюм каждые два-три дня. Надин квартирант старше меня на 7 лет. Когда я прихожу к Наде, он ко мне очень внимателен, иногда приглашает в кино и даже в этот «иностранный» ресторан «Инснаб», куда у него был пропуск. Он познакомил меня со всеми архитекторами города - элитой тогдашнего Новосибирска. Их труд был востребован здесь как никогда, и жители знали, какое здание по чьему проекту построено. Каждый дом строился по индивидуальному проекту. Еще не было стандартных типовых серийных домов. Главным архитектором города был москвич Тейтель - тоже политический ссыльный. Он жил один, жена осталась в Москве.

В то время на экраны страны выходило много новых отечественных фильмов. Фильм «Поезд идет на Восток», кажется, первый озвученный фильм. Он был посвящен строительству нового города Комсомольска-на-Амуре. Песня, прозвучавшая в этом фильме, стала популярной у молодежи и охотно распевалась: «Нас утро встречает прохладой...» На стройки коммунизма направлялись тысячи молодых людей, при этом совсем «оголили» деревню. Кулаки - в лагерях и ссылке, молодежь - на великих стройках.

Я в первый раз иду со своим ухажером, архитектором Борисом Алексеевым, в ресторан «Инснаб». Я никогда не бывала в ресторанах и представляла их себе местом неприличным - пьянки, ругань, вседозволенность и неприличные женщины. В «Инснабе» я увидела островок Европы. За столами - в основном мужчины. Пьют пиво, тихо разговаривают. Там, где сидят немцы, шумнее, они много смеются. Играет джазовый оркестр. Несколько пар танцуют фокстрот. Я обратила внимание на одну немецкую семью. Позднее узнала их фамилию - Тычкау. Все белокурые - и полноватая мама, и трое девчушек-подростков, и высокий папа, и сын-красавец юноша Вольдемар. Они все танцевали, и на них было приятно смотреть. На такой отдых в ресторане иностранцы собирались по субботам и воскресеньям и садились за одни и те же столы. Обслуживание их было безупречным. Официанты - мужчины.

Театра оперы в Новосибирске еще не было. На том месте, где он позднее был построен, располагался крестьянский базар. Стояли прилавки, а рядом скамейки. Торговали здесь овощами, молоком, мясом.

Нас с Борисом часто видели мои однокурсники и считали, что я от них «откололась». Борис иногда приходил к нам в «Сантехмонтаж», чтобы посмотреть, как мы работаем. Своим постоянным вниманием он ограждал меня, как колючей проволокой, от

прежних друзей, и они отошли от меня. Но мы оставались с ним просто партнерами по культпоходам. Я просто составляла ему компанию и никаких нежных чувств к нему не испытывала. Практика закончилась, и наша группа уехала в Томск, чтобы продолжить последние занятия в техникуме. А к Борису из Ленинграда приезжает жена с сыном. Надя отказывает ему в квартире, и он снимает новую, где-то в центре города.

А в Томске, в моем родном доме, все так же и не так. В доме живут две квартирантки - студентки мединститута, уже выпускницы. Клава из Барнаула и Мария Маргулис. Клава влюблена в моего брата Витю. Она не красавица, но приятная. М. Маргулис очень близорукая, её очки, как лупы, и все равно она плохо видит. В Томск она приехала издалека, очень дружна с мамой. Рассказывала о своей семье, о которой скучала. Семья бедная, в ней 11 детей, Мария старшая. Запомнила её рассказ о том, как у них в семье моются. Нагревают воду на печи, наливают в большое деревянное корыто и первым влезает в него и моется отец, за папой моется мама, а затем все дети по старшинству. Греть воду отдельно для каждого было дорогим удовольствием, так как требовало много дров. Когда Мария получила диплом врача, она чуть не плача говорила маме: «Ведь я ничего не знаю, как я буду лечить людей? Я буду больным назначать микстуру по столовой ложке три раза в день». Я понимала, что на самом деле она все прекрасно знала, просто боялась начинать самостоятельную работу. Куда её распределили, не помню, но она долго писала нам письма, в них она рассказывала о своей работе, которой была довольна. Мы тогда очень привязались к нашим девушкам-квартиранткам, они были нам как родные, и нам было очень жаль, когда они уезжали. Прожили они у нас два года, а запомнились навсегда.

Борис слал мне частые письма. Я к ним уже привыкла. Однажды получила от него бандероль с крепдешинном на платье. Я отослала эту ткань ему обратно. А в Новый год он приехал в Томск сам, сказав, что в командировку.

Брат Витя. У меня нет пальто.

Витя, мой дорогой брат, не покидает свою Пану Подберезкину. Её веселая компания все более затягивает его. И не нужна ему влюбленная в него, уже заканчивающая институт Клава. А нам очень хотелось, чтобы они поженились. У отца с Витей натянутые отношения, и чем дальше, тем больше. Отец видел, что Витя все больше тянется к рюмке, и отец этого не выносил. А между тем Витя уже научился самостоятельно шить обувь, имел своих заказчиков. Когда он шил дамские туфли, то, натянув заготовку на колодку, любовался своей работой, держа её на вытянутой руке. Заготовки он делал сам не хуже самого Виленчика. Из куска кожи, который полагался на две пары обуви, он умудрялся выкраивать три. К отцу Витя стал относиться без особого уважения, хотя ссор меж ними не было.

Мы с Витей были по-прежнему дружны между собой, но не испытывали дружелюбия к нашему младшему брату Толе. Мама его баловала, никогда не заставляла помогать по хозяйству. Он все время считался маленьким, несмотря на то, что уже довольно подросток. Толя не носил воду из водокачки, не отгребал с тротуара снег, не выносил помой. Мы с Витей из-за этого злились на него, а мама защищала. Толя не освоил и отцовского ремесла, не давалась ему никакая мужская работа. Он закончил индустриальный техникум и по распределению уехал на работу, предварительно женившись на какой-то «приблатненной» девчонке Ане. Но это было много позднее, я заскочила вперед.

У меня опять нет пальто. Купить негде да и не на что. У мамы хранится красивый золотой браслет - толстая и длинная цепь, а на ней большая овальная брошь, усыпанная мелкими драгоценными камнями. Брошь эта передвигалась по цепи. Когда браслет надевался на руку, то концы цепи свободно свисали. Очень красивая вещь, я до сих пор помню этот браслет в деталях. Но маме он стал уже не нужен, ей было не до украшений. А я еще не доросла, чтобы носить браслет: его могли носить только дамы. И вот мама несет

этот драгоценный браслет в «Торгсин» и сдает его. Я была вместе с мамой и видела в окошечко, как приемщица золота вытаскивала пинцетом из броши драгоценные камни и складывала их в коробочку. Камни были разных цветов и названий: голубенькая бирюза, рубин, изумруды и светленькие сверкающие бриллианты, которые казались мне тогда самыми неинтересными. Потом приемщица достала толстые щипцы и раздавила все золото на куски-лепешки, превратив прекрасную вещь в металлолом. Камни нам отдали, и куда они потом делись, не помню, возможно, отец раздарил своим дамам. Маме выдали какой-то чек, где была указана сумма оценки сданного золота. По этому чеку можно было что-нибудь купить в «Торгсине». И мы с мамой сразу купили черный мятый плюш - модный тогда материал на пальто. Фактура этой ткани была похожа на крепко скомканный и расправленный лист бумаги. Купили воротник «под котика». Сшили мне пальто с воротником покроя «медици» - высокая веерообразная стойка (самый ходовой тогда фасон). Оставшиеся «браслетные» деньги ушли на всякие мелочи, в основном на «тряпки». Сейчас мне жалко, что не сохранили браслет, как семейную реликвию, как музейную ценность. Могла бы я и в ватнике походить и никуда бы не делась.

Окончание техникума. Начало трудовой деятельности в проектном институте «Сибстройпуть»

В 1934 году я оканчиваю техникум, и меня распределяют в Новосибирск, в проектный институт «Сибстройпуть». В Томске наших выпускников вообще не осталось, так как проектировать там было нечего. Вся томская канализация тогда - это надворные уборные и помойки, от чего на улицах и в квартирах было полно мух. В квартирах висели липучки с прилипшими мухами, а на тарелочках, везде расставленных всякие отравы типа мухоморов. Воду носили из водокачек, то и дело проезжали по улицам повозки ассенизаторов.

«Сибстройпуть» обслуживал всю Западно-Сибирскую часть железной дороги, проектировал их строительство, начиная от изысканий. В здании института огромный зал, где сидят группами, по специализации, проектировщики. Я в группе сантехников. Работа мне очень понравилась, и я «с головой» углубилась в неё. В институте работали замечательные специалисты, много старых опытных железнодорожников-путейцев. Администрация организовала курсы повышения квалификации для специалистов. Для чтения лекций привлекались опытные преподаватели из Сибстрина и других институтов. Часто наезжал тогда в Новосибирск тогдашний железнодорожный нарком Каганович. Он проявлял особую заботу об ИТР нашего института, установил для них 50% скидку в столовой, ежегодный бесплатный ремонт квартир.

Живу у сестры. В институте у меня появилась подружка - милая и умная Валя Дорошинская. Она играла в шахматы и была даже чемпионкой города. Муж Вали – Лева Винокуров был похож на Маяковского, очень умный. Работал преподавателем в Сибстрине. Валя - тоже сантехник. Наши рабочие места рядом, между нами не было никаких секретов. Вскоре в наш институт перешел на работу Борис Алексеев. Он стал ведущим архитектором строительной группы. Свою семью он отправил в Ленинград. И мы с ним снова вместе ходим на концерты, маскарады, в кино, и конечно в «Инснаб». Однажды там мы наблюдали следующую сцену. Как обычно, за двумя сдвинутыми столами сидела немецкая семья Тычкау. В полном сборе. Рядом с ними за отдельным столом сидел главный архитектор города красивый и элегантный Тейтель. На этот раз он был со своей супругой, приехавшей из Москвы навестить своего ссыльного мужа. Когда заиграл оркестр, то супруга Тейтеля, встав со своего места, подошла к столу немцев Тычкау и, ловко на него запрыгнув, стала танцевать и кричать при этом: «Я люблю Вольдемара». Нагнувшись, стала обнимать юношу. Ошарашенные немцы встали и ушли из ресторана, а униженный таким поступком жены Тейтель, стащил супругу с чужого стола и за руку вывел из зала. В каждый свой приезд эта вульгарная женщина устраивала

своему супругу подобные «шоу»: то чертежи его изрежет, то унижит его перед всем его миром.

Поскольку нам - работникам «Сибстройпути» полагался бесплатный проезд по железной дороге, мы с Борисом стали каждое лето ездить в Москву и Ленинград. Поезда тогда ходили медленно. Поезд «Максим Горький» шел до Москвы 5 суток. Купейных вагонов не было, ехали в общих. Борис наши чемоданы прикреплял цепью к ножкам скамеек и весил замок. Не было в вагонах и постельных принадлежностей, поэтому брали с собой матрац и одеяло. Перевязывали их специальными багажными ремнями с ручками. Чай тоже в поезде не подавался. На остановках бегали с чайником за кипятком. На крупных станциях стояли у вокзала будки с вывеской «Кипяток». Жили в гостиницах, в разных комнатах. В Ленинграде мы останавливались в гостинице «Англетер», в той самой, в которой покончил собой С. Есенин. Она стояла против Исаакиевского собора. На берегу Финского залива я обратила внимание на купальщиков. Все они были бледные до синевы, - типичный для ленинградцев «загар».

Хотя мы с Борисом еще не были женаты, нам институт выделил в своем ведомственном доме на Красном проспекте в самом центре города большую комнату. Комната вытянута в длину с двумя окнами на юг. Целый день солнышко. Я еще для себя ничего не решила в отношении Бориса. Любви к нему не испытывала, просто мне с ним было привычно, а он ждал. Комнату разгородили пополам, сделали отдельную дверь, и так жили два года - рядом, но раздельно. Я хорошо зарабатывала, но на питании экономила и покупала «тряпки». В то время в Новосибирске появилась замечательная портниха. Среди иностранцев, приехавших на строительство шахт и завода в Кузбассе, была семья американцев по фамилии Югас. Муж с женой и двое их сыновей - инженеров. Глава семейства с сыновьями работал в проектно-институте «Шахтстрой»², а жена вела хозяйство. Им дали хорошую просторную квартиру. Кто-то из соседей разузнал, что американка прекрасно шьет, и пошли к ней местные заказчицы, образовалась очередь, в которой надо было ждать месяцами. Попала к ней в заказчицы и я. Шила она действительно прекрасно. Сама рекомендовала фасон по фигуре клиентки, показывала журналы мод, которых у неё было много.

Американская портниха и её муж, поверив в прочность тех благ, которые свалились на них в нашей стране (это после того, что они пережили в условиях тяжелого кризиса, разразившегося в их стране), приняли советское гражданство. Доверчивые люди! Но тогда они были довольны. Жили в достатке.

Мужчины быстро овладели русским языком, потому что работали в институте вместе с русскими, а вот наша портниха знала только отдельные слова. Мы удивлялись тем диковинным вещам, которые привезли с собой американцы. Холодильник, стиральная машина (сама все делала, только не развешивала белье!). Я просто была поражена. Мы даже не знали, что такое может быть, и что уже есть.

Многие из иностранцев женились на русских женщинах, особенно «расхватывали» тех, кто знал языки - немецкий, английский. Помню, немцы сетовали на то, что у них в стране к власти пришел Гитлер, и боялись, как они вернутся в Германию с советскими женами, особенно с еврейками.

Замужество. Рождение Марты.

В 1936 году мы стали с Борисом жить вместе. Прорезали дверь в разделявшей нас перегородке, а одну входную дверь заколотили. Через год, в 1937 году, у нас родилась дочь Марта. Перед родами я поехала в Томск к маме. Надо сказать, что я не хотела ребенка - большущий живот, пеленки, распашонки, никуда ни сходить и сидеть

² В то время в Томске находилось отделение института «Шахтстрой». Располагалось оно в здании на углу проспекта Ленина и ул. Обруб. И там тоже работали иностранцы.

привязанной к дому. Нет, я этого не хотела, но когда родилась Марта, все изменилось. Правда, было много проблем. В частности, из груди все время лилось молоко. Я бы, наверное, могла в то время стать кормилицей еще одного ребенка. Марта родилась маленькой с весом всего 2,5 кг. Когда после родов я приехала в Новосибирск и пошла в поликлинику к врачу, который наблюдал мою беременность, он, посмотрев мой документ из роддома и увидев там запись о весе ребенка, сказал: «Ну, уж и выродила!» Имя дочери дал Борис по названию немецкой оперы «Марта», которая была у нас на граммпластинке, и которую мы часто слушали. Я не была против. Марта была очень спокойной девочкой, много спала, и мы с Борисом могли спокойно даже в кино сходить.

Приобрели в комиссионке диван, изрядно уже продавленный (но зато старинный!). Для Марты купили на базаре плетеную коляску. Борис сам смастерил буфет и шкафчики из деревянных брусков, шкаф из фанеры. Кровать у нас была железная солдатская. На буфете стоял цветок «бабьи сплетни», его запутанные плети свисали вниз. Вот и весь интерьер нашей квартиры. Но в то время никто из наших друзей и не мечтал о какой-либо другой обстановке. То, что у нас было из обстановки, было нормой.

В то время в магазинах появились разнообразные продукты. Колбасы многих сортов, копченые окорока, топленое масло, икра и многое другое. В магазинах витал вкусный аромат. Продукты натуральные, никаких тебе искусственных добавок, как сейчас, и это все радовало. Наконец-то зажили! Дома у нас хороший радиоприемник, «ловим» границу: хочется узнать, что там происходит, какие песни поют. «Поймали» Петра Лещенко. Он поет старые русские песни, но особенно часто звучит «Чубчик кучерявый». Видно, она ему очень нравится и напоминает Россию. Поет А. Вертинский «Сероглазый король». Слушаем с приглушенным звуком, чтобы не услышали соседи и не донесли, что мы слушаем недозволенное. Квартира у нас через общий коридор, как в гостинице. На этаже 7 квартир и общая большая кухня.

Примерно через шесть месяцев после рождения Марты, мы наняли няню, и я пошла работать. Няня - шустрая, работающая девушка из деревни. Тогда молодежь бежала из деревень в город. Девушки устраивались работать в основном домработницами.

«Ураган» 1937 года в Новосибирске

У меня на работе все заняты проектом нового городского вокзала. Проект московский, но в нашем институте делали привязку его к местным условиям. Помню, срезали запроектированную 11-ти этажную башню в виде каланчи, которая была «ни к селу, ни к городу». Ходили слухи, что московские проектировщики «слямзили» этот проект с американского вокзала в Чикаго. Строительной частью проекта руководил Борис.

В это благополучное для нас время слышим, что из города выселяются иностранцы, что для этого им дано 24 часа времени. Нас, в общем-то, это мало волновало, но возникал вопрос: почему и зачем так срочно? Иностранцы уехали. Уехали братья Югас, а родители их остались, ведь они уже граждане СССР. Из хорошей квартиры их веселили, и они поселились на окраине города в комнатах частного дома. Борис разыскал их там и видел весь ужас их положения. Оно было для них страшнее того кризиса, который они пережили в Америке. Ведь это в чужой стране. Я не знаю, смогли ли выручить эту пару их сыновья.

И вот страшным ураганом налетел 1937 год. Наверное, с него и до 1941 г. все происходившее в нашей стране можно сравнить по своему ужасу с последним днем Помпеи. Начали исчезать люди. В учреждениях опустели многие рабочие столы. По ночам «опричники» НКВД в своей спецодежде - серо-каракулевых шапках и таких же воротниках на шинелях, в белых бурках (такие носил Сталин) врываются в квартиры граждан и забирали людей. В Новосибирске исчезли все архитекторы, в том числе и друг Бориса Аркадий Ширяев, а также элегантный Тейгель и другие наши знакомые. Валя Дорошинская как-то утром на работе потихоньку сказала мне, что ночью увели её отца - больного, старого человека. А через несколько дней забрали её брата Юру - молодого

парня только что отслужившего в армии. Забрали и начальника нашего проектного института Преображенского. Забирали самых лучших, самых талантливых и честных людей. Мою сестру Надю вызвали в НКВД и требовали, чтобы она рассказала, о чем разговаривает её муж Кузьма со своим другом Брылевым - тоже учителем. Она отказалась, сказав, что никогда не подслушивает чужих разговоров.

В то время в семье Нади случилось страшное. У Бориса были финские санки, которые он купил в спортивном магазине. У саней длинные (примерно 3 м.) полозья, а сверху прикреплен стул со спинкой. Санки долго стояли в квартире, а потом Борис подарил их мальчикам Нади - Юре и Владу. Ребятишки были очень рады такому подарку. Как-то Владик пошел с товарищем кататься на этих санках на улицу. Улица была с уклоном, и вот, скатываясь по ней, мальчики выехали на поперечную улицу - Большевикскую, которая идет вдоль Оби. Санки врезались в грузовую машину. Владик погиб, - он сидел на стуле, а мальчик, стоявший на полозьях и державшийся за спинку стула, остался жив. Ребятишки побоялись сразу сказать родителям о том, что произошло. Тело сына они отыскивали потом в морге, куда его увезла «Скорая помощь». Владу было всего 10 лет. Для всех нас это было большой трагедией. Надя и Кузьма перестали разговаривать с Борисом, полагая, что не было бы у Владика этих проклятых санок, их сын был бы жив. Мы понимали, что это просто от отчаяния.

Часть III

1937 год

Снова мысленно обращаюсь к тому трагическому времени. Цифра «1937» сама по себе ничего не говорит, но если к ней добавить слово «год», это сочетание вызывает в памяти самое страшное, что с нами происходило. В том зловещем году наша страна была поставлена с ног на голову происходящими в ней событиями по отлову «врагов народа» (эти слова всегда будут писать в кавычках). По ночам «черный ворон» увозил из квартир людей, совершенно безвинных, большей частью представителей интеллигенции. Народ недоумевал, люди спрашивали друг друга: «Что случилось?» В тот год как раз проводились выборы в Верховный Совет страны. Может быть с этим событием связано массовое исчезновение людей? Но выборы прошли, а «пожар» разгорался. Только и слышно было, что того забрали, этого забрали. Само слово «забрали» стало страшным.

В проектом институте «Сибстройпуть», где мы с Борисом работали тогда, все притихло. В нашем рабочем зале прекратились шутки, которые раньше всегда звучали. Среди работников половина молодежи, половина пожилых уже людей. Гнетущее впечатление производили опустевшие рабочие столы. Их хозяев забирали одного за другим. К нам стал часто заходить начальник 1-го отдела (спецчасть). Не помню его фамилию, но помню лицо, - оно было иезуитским. Он заходил с газетой в руках и предлагал почитать статью, в которой рассказывалось об очередном выявлении «врага народа», при этом с гордостью говорил, что это он его разоблачил. Наши работники все были у него «на крючке», и каждого он мог «разоблачить». В витринах магазинов, на больших окнах зданий вывешивались огромные плакаты с портретом самого главного «гэпэушника» страны – Ежова. В каждой руке он сдвигал по кучке извивающихся как змеи «врагов народа», изображенных в белых воротничках и галстуках. Этот плакат я видела года два тому назад в телепередаче «Совершенно секретно». Он быстро промелькнул на экране, но я его сразу узнала. Видимо, сохранился где-то в музее. Тогда, в 1937 году, исчезли все руководители Западно-Сибирского края, Новосибирской области, г. Новосибирска. Исчез начальник нашего института Г. Преображенский – старый высокообразованный интеллигент. Исчез бывший начальник Томской железной дороги. Предварительно ему устроили «чистку». Он смущенно, как у позорного столба, стоял перед аудиторией своих коллег, принудительно приглашенных на это «чистилище».

Забирали даже больных. Из соседнего с нами дома на носилках вынесли бывшего профессора, который был парализован. Каждый ждал по ночам своей очереди. О событиях, происходящих в городе, люди говорили друг другу шепотом.

На выходные дни я часто на поезде-«вертушке» ездила к родителям в Томск. Для железнодорожных служащих, как я уже писала, проезд на этом поезде был бесплатным. Однажды в вагоне напротив меня сидел военный грузин. Разговорились. Он тоже ехал в Томск. Сказал, что работает врачом-хирургом в Томском лагере репрессированных. Говорил, что получил там, как хирург богатую практику. В неблагоустроенных и антисанитарных условиях лагеря большая смертность, и ему приходится ежедневно вскрывать два-три трупа заключенных.

Несмотря на этот всесоюзный кошмар, страна жила бурно и весело: «Всех-то не заберут!» Народ пел бодрые песни, работал по-ударному, по-стахановски, ставили небывалые рекорды буквально во всех отраслях народного хозяйства, и в городе и на селе, а также и в спорте. И постоянно рапортовали и рапортовали о достигнутых успехах, и гордились ими. И на все это с улыбочкой смотрел с портретов «Великий» Сталин. А потихоньку на кухнях сочиняли и рассказывали анекдоты, в которых отражалась вся подлинная жизнь страны. Лекторы от партийных органов на своих лекциях растолковывали нам, что со всех сторон нашу прекрасную страну окружают враги, и нужна бдительность, бдительность и еще раз бдительность. Это же было написано на многочисленных всюду висевших плакатах того времени. И в то же время была пробита стена запрета на западную музыку – джаз. У нас её стал исполнять прекрасный неповторимый артист Леонид Утесов. Ходили слухи, что за ним тоже «охотились» службы. Потом я услышала о джазовом оркестре Эдди Рознера. Но я восхищалась Л. Утесовым. Всегда элегантный, в хорошо сидящем на нем костюме он свободно держался на сцене. Он так дирижировал своим оркестром, что ударные инструменты не гроыхали, не глушили мелодию, а только приглушенно подчеркивали её красоту. Он собрал в своем джаз-оркестре лучших музыкантов-исполнителей. Интересно отметить, что Борис продал этому оркестру свой саксофон. А как пел Утесов! Его голос нельзя было спутать ни с кем другим. Голос небольшой, но какой-то необыкновенный! Сам о себе он говорил: «Ведь у меня нет голоса, я душой пою». Это так и было. Никто больше не спел так песню «Раскинулось море широко», как её пел Утесов. У моей мамы слезы блестели на глазах, когда она слушала граммофонную пластинку с записью этой песни в исполнении Утесова. И она просила: «Заведи еще», - и я снова и снова крутила ручку патефона. А его веселые одесские песенки! «Гоп со смыком», «У самовара я и моя Маша», «Маркиза» - эти песни бесподобны. Л. Утесов – это незабываемо яркое явление на нашей эстраде. На сцене он не окружал себя порхающими полуголыми девицами, как это делают сегодняшние «звезды», его окружением был оркестр.

Борис накопил много импортных патефонных пластинок с джазовой музыкой в исполнении знаменитых европейских и американских оркестров и певцов. Покупал в «Торгсине» на валюту, которую продавали из-под полы у двери магазина предприимчивые молодые люди.

В летнее время и мужчины, и женщины носили белую брезентовую обувь фабрики «Скороход» - очень удобную, носкую на кожаной подошве. Чистили её зубным порошком, размешанным в воде, и обувь становилась белоснежной.

С Борисом мы жили дружно и мирно, но, повторяю, без любви с моей стороны, и он это чувствовал и знал. После его длительного деликатного и красивого ухаживания я просто привыкла к нему, появилась к нему какая-то жалость. У меня не возникало желания его обнять, поцеловать, приласкать. Я уважала его талант в архитектуре, его хороший художественный вкус. Он хорошо рисовал. Однажды нарисовал мне рисунок для вышивания - Иванушку, стерегущего Жар-птицу у яблони. Я вышила его. Я любила музыку всякую, если она звучала в хорошем исполнении, Борис же очень любил западную музыку, особенно часто слушал пластинки с фокстротами, притоптывая в такт мелодии

ногой. А русские песни не любил. Много курил и только папиросы «Казбек». Пил только пиво и сухое виноградное вино. Я же терпеть не могла эту кислятину, предпочитая рюмку водки. Водку я выпивала маленькими глоточками, мне нравился её вкус. Борис всегда был элегантно одет. Он никогда не выходил на улицу, не почистив ботинки. Следил за чистотой своих воротничков даже чересчур, тщательно подбирал к одежде галстуки и шляпы. Меня это иногда раздражало. «Пижон! Лучше бы ты подкову на моих глазах согнул, я бы знала, что в доме мужик есть!» Был очень ревнив. Когда ко мне по делу заходил кто-нибудь из знакомых мужчин, Борис начинал ходить туда-сюда, выходя в коридор, а затем снова возвращаясь в комнату, и снова в коридор. Но я Борису никогда не изменяла, и его ревность была напрасна. Борис любил меня и дорожил мною, но я все-таки знала, что в «огонь и воду» он за мной не бросится, что у него на это нет смелости.

Обитатели семи квартир нашего этажа с общим коридором и кухней жили дружно. Забегали друг к другу одолжить ложку соли или кусок сахара. Особенно мне запомнилась семья, что жила против нашей квартиры. Супруги Степан и Тося Михайлюта. Степан – инженер-путеец, болен туберкулезом. Тося ухаживает за ним как за ребенком, зовет его «Степочка», моет его дома, так как в баню он ходить не может. Тося очень добрая и веселая женщина. Часто забегала к нам поболтать, отдохнуть от капризного мужа. Лечила она его настойками из мокриц (белых жучков), как ей кто-то посоветовал, а Степан плакал от нежелания это пить. Родилась у них дочка, и Тося назвала её Аделаидой (!). Бедная девочка!

Другая семья приехала в Новосибирск с Украины. Это были молодые супруги Илья и Любочка и двое их маленьких детей. Илья – инженер-железнодорожник, работал в управлении дороги. Любочка сидела дома, занималась домашним хозяйством. Когда в 1937 г. ночью забирали Илью, Любочка душераздирающим голосом кричала на весь этаж и бежала вслед за арестованным мужем вниз по лестнице. Он лишь безнадежно махнул её рукой.

Двух других обитателей нашего этажа увели тихо. Это был военный, живший рядом с квартирой Ильи, и иностранец – венгр Варади, который приехал в нашу страну по приглашению правительства строить Кузбасс. Он женился тут на русской девушке, принял советское гражданство. Их жены не кричали, как Люба, знали, что все бесполезно. Я была в тревоге и ждала того же.

В Томске своя трагедия. Уехал отец. Уехал на Родину, на Орловщину, где жили два его брата. Потом он перебрался в Краснодарский край, в город Темрюк. Оттуда писал, что в проклятую Сибирь больше не вернется. Накануне отъезда отца, у него совсем испортились отношения с Виктором. Виктор продолжал выпивать, и это стало дома заметным. Как и прежде, его подругой была Пана. В то же время ему писала письма Клава, наша бывшая квартирантка. Она все так же любила Виктора и звала его к себе. Она работала на Алтае и была главврачом какой-то районной больницы. Мама уговаривала Виктора ехать к ней, жениться на этой порядочной и доброй девушке и оставить свою непутевую Паню. И Виктор, наконец, поехал. Но через год вернулся в Томск. Расхваливал красоту Алтая, говорил, что Клаву полюбить не смог: «Насильно мил не будешь». С отъездом отца Виктор стал основным кормильцем в доме. Зарабатывал сапожным ремеслом, которое освоил не хуже отца.

У брата Васи другая беда. Хотя кончился 1937 год, «пожар» в стране продолжал бушевать. Ночью за Васей пришли двое из НКВД с повесткой и приказали идти с ними. Он собрал белье, попрощался с женой и ушел. Каково же было его удивление, когда там в НКВД ему дали пачку ордеров на аресты людей, их адреса и приказали доставить указанных людей в управление. Управление НКВД находилось тогда в здании на пр. Ленина, против 1-го гастронома. Здание было обнесено высоким забором.

«Эх, яблочко,

Куда котисься?

Попадешь в ГубЧК, не воротисься»

Эта частушка жила в народе с 1920-х годов.

В НКВД не хватало кадров, чтобы собирать в свои застенки «врагов народа», и руководство привлекало к этому работников ведомственной военизированной охраны. А брат мой, как я уже писала, работал начальником такой охраны в политехническом институте. И вот в приказном порядке он был привлечен к выполнению этого страшного задания. Брат рассказывал, как приходил ночью в квартиры обреченных людей, как не мог смотреть в глаза этим людям, как испытывал душевную муку при виде заплаканных лиц их жен и матерей. Вскоре после выполнения такого задания Вася слег в больницу с подозрением на язву желудка.

1938 год. Мы вынужденно покинули Новосибирск. Жизнь в Новороссийске

1938 год. У Бориса заканчивается срок ссылки. В Ленинграде умирает его отец. Осталась огромная квартира. Отец Бориса был главным режиссером в каком-то театре, а мать - актриса в том же театре, она вышла за него замуж, когда ему уже было 50 лет. А она тогда была статисткой театра, молоденькой 17-ти летней девчонкой, приехавшей из небольшого финского городка. Отец Бориса был женат несколько раз, и у него были дети от предыдущих браков. Все дочери. Мать Бориса была младше некоторых дочерей своего мужа. Она рано умерла, и Бориса, а также его сестру Нину воспитывал отец один. Я не знала никого из родственников Бориса и не интересовалась ими. Знаю, что Нина умерла в блокаду, выпив какой-то яд, чтобы не мучиться.

В 1938 году Борис едет в Ленинград, чтобы восстановиться там в своих правах. Едет с намерением переселиться туда с семьей на жительство. Мы это обсуждали с ним. Я осталась с дочкой в его ожидании. В одну из ночей - тяжелые шаги по коридору, стук в дверь. Это пришли за Борисом. Предъявили ордер на арест. Я сказала, что его нет, назвала причину отсутствия мужа. Убедившись, что его действительно нет, ушли. Утром на работе меня вызвал к себе начальник 1-го отдела и спрашивает: «Где Алексеев?». Я сказала, не назвав адреса. А Борису позвонила по телефону, сказала: «Приходили». Он все сразу понял и в Новосибирск больше не вернулся. Поехал в Томск к моим родителям. Маскируюсь в полушубок, шапку, которые он никогда не носил, надев темные очки, Борис иногда приезжал в Новосибирск попроведовать семью. Наконец, я решаюсь оставить работу в «Сибстройпути». Не увольняюсь (только Вале Дорошинской сказала, что еду в Томск), бросаю квартиру и тайком с маленькой дочкой и приехавшим за нами Борисом уезжаю к родителям. Наверное, я сделала ошибку, которая повлекла затем ряд других неверных поступков...

Ключ от квартиры я дала Наде, чтобы она перевезла к себе кое-какие вещи, и на этом навсегда распрощалась с Новосибирском.

Борис, заработав деньги на частных работах по проектированию, уезжает сначала в Ленинград, а затем его занесло в Новороссийск на Черноморское побережье Кавказа. Там он устроился на работу в архитектурную мастерскую в г. Геленджике, что рядом с Новороссийском. Проектировал санатории. Сняв в Новороссийске квартиру, он приезжает опять в Томск за мной и Мартой. Мама уговаривает меня не ехать: «Куда ты собралась ехать к чертям на кулички, мучить маленького ребенка! Пусть Борис один там поживет, может, все уладится». Но мне хочется посмотреть белый свет, ведь я нигде практически не была, кроме Томска и Новосибирска. Хотелось повидать море. И мы поехали. Ездили тогда только на поездах.

Новороссийск – портовый городок, в этих местах начинается горный Кавказский хребет. Город расположен вокруг морской бухты. Бухту от моря отделяет мол – это бетонные стены в воде, идущие навстречу друг другу от противоположных берегов до середины бухты, оставляя только расстояние, которое обеспечивает проход судов из моря в бухту. Новороссийск - город норд-остов. Эти северные ветры являются бичом города. Они периодически дуют из-за горного хребта с закономерной продолжительностью в три, шесть или девять дней, а потом все стихает. Ветер настолько силен, что бывали случаи,

когда корабли из бухты выбрасывало на берег. Город во время норд-оста замирал, люди старались не выходить на улицу, а кто шел по улице, держался за встречные столбы или другие предметы, чтобы не упасть. Брызги, летящие с моря, застывали на поверхности домов, других предметов. Промышленность городка невелика. Это морской порт и цементный завод. Завод был построен французами еще в XIX веке. А остальное – это рыба и виноделие. В городке очень много винных погребов, где на прилавках лежат на боку бочки с кранами и с табличками, указывающими название и сорт вина. Самое вкусное вино – мускат винодельческого завода совхоза Абрау-Дюрсо. Кроме норд-остов, очень неприятной особенностью города являются москиты. Это тучи мельчайшей мошки, которая набивается в комнаты, рассаживается по углам потолка, а ночью нападает на спящих, не давая покоя. Это хуже наших комаров. Комары издают звуки, и слышно, когда он садится тебе на кожу, а москиты действуют молча. Продавали какие-то свечи, которые надо было зажигать ночью в комнате, но они мало помогали. Местные жители делали пологи из марли над постелью и этим спасались от ночных тварей.

В окрестностях города по берегу открытого моря на высоких его частях стоят дольмены. Это древние сооружения в виде маленьких домиков, сделанных из каменных глыб. Эти глыбы совершенно неподъемны для людей, даже для целой бригады, однако же их кто-то ворочал, делая эти сооружения. Домики сделаны так: три больших плоских каменюки поставлены на ребро, это стены, и из такой же плоской каменной глыбы – крыша, одна сторона домика открыта. Кто их строил? Остается загадкой. Если бы такой дольмен был один, можно было бы предположить, что сама природа ухитрилась так сделать, но их очень много.

Когда от берега моря поднимаешься в гору, то все бóльшая поверхность моря открывается взору, и кажется, что она не лежит, а стоит, а линия горизонта переместилась на середину неба. Зрелище великолепное и одновременно страшное: кажется, что море упадет на тебя.

Базар (по-местному – привоз) очень богат. Мясо разделано так, что дома его не нужно рубить. Висят на крючках свиные отбивные – только посолить, поперчить и на сковородку. Кусочки грудинки для супа или борща тоже висят на крючках. На прилавке вилка с длинной ручкой. – снимай мясо сам, какое понравится. Рыба продавалась в магазине, где есть холодильник. Мы покупали кефаль, барабульку и камбалу. Черноморская камбала совсем не такая, какую продают у нас в Сибири. Она очень крупная. Из магазина её несут не в сумке, а поддев рукою за «щеку», спина у рыбы вся покрыта пупырышками. И рыба эта очень жирная и вкусная. Когда-то у нас в стране из рыбных продуктов в магазине продавали только камбалу, причем мелкую, тоненькую, с ладошку величиной. Умницы сразу сочинили анекдот: «Почему камбала такая плоская? Да потому что на неё навалился весь СССР». А барабулька, которую мы покупали в Новороссийске, это рыбешка вроде нашей речной мелочи, только очень вкусная и без костей. Кефаль – благородная рыба. Рассказывали, что ловили её рыбаки-любители на плотках. Ставили на плот ярко горящий фонарь, и рыба прыгала из воды на свет и шлепалась на плот, где её и подбирали. Продавалось и рубленое мясо дельфинов. Тогда еще не было запрета на отлов этих умных и прекрасных морских животных. Дельфины стаями доверчиво гонялись за кораблями. Мясо дельфинов мы не покупали, я и его ни разу не пробовала.

Ездили с Борисом в Геленджик. Название города в переводе на русский означает «девушка». Городок маленький, уютный. Добраться сюда из Новороссийска можно было либо на катере «Заря», либо на легковом автомобиле по дороге, идущей вдоль моря. И тот и другой путь для меня был болезненным. Не переносила морской качки. На «Заре» я все время стояла у борта, нагнувшись к воде. Так тошнило, что казалось, все мои внутренности вывалятся в море. А Борис стоял рядом, что-то ел и ухмылялся. На машине тоже самое, потому что дорога очень извилиста. В Геленджике два интересных места – Толстый мыс и Тонкий мыс. Толстый мыс – совершенно отвесная высокая скала, под ней

берега уже нет, сразу море. Верхушка скалы как будто срезана, и на ней растет трава. Там жил какой-то сторож и разводил кроликов. Тонкий мыс – это плавный переход берега в море. Здесь городской пляж, и тут я всегда купалась. Помню интересное видение – смерч. Была ненастная погода, низко плыли тучи, и вдруг вижу, из моря недалеко от пляжа поднимается к небу огромный столб воды, причем столб – хорошо очерченный цилиндр. Одновременно из тучи вниз опускается такой же столб навстречу морскому. Соединившись, столбы быстро закружились как в танце, образуя внизу огромную воронку. Покружившись минут пять, морской столб плюхнулся с шумом в море, а небесный вернулся в тучу. Зрелище впечатляющее, но наверное, не дай Бог оказаться рядом с этими столбами.

Квартира, которую снял Борис, принадлежала местному греку. У него семья – жена и две дочери – подростки. Дом просторный, чистый. Хозяин построил его сам. В доме пять комнат и большая передняя, вход в которую прямо с улицы. Хозяин – благородный умный и очень интересный по своим рассуждениям человек. Ему лет 45-48. Возможно, потомок греческих мыслителей прошлой давно ушедшей античной эры. Беседовать с ним было одно удовольствие. Вернее, больше говорил он, а я слушала. Однако недолго нам довелось с ним общаться. Месяца через два после нашего знакомства его арестовали. Пришли за ним ночью, когда его уводили, он крикнул нам в комнату: «Прощайте, товарищи!» Семья его – три гречанки потихоньку рыдали в своих комнатах. В Новороссийске тоже был «1937 год». А мы-то, дураки, думали, что надежно спрятались от него в этом городке. «1937 год» как олицетворение какого-то непобедимого зла, неутешного горя и страданий народа, шагал по всей стране, заглядывая в каждый её уголок.

В Новороссийске было много греков. Не из Греции, нет. Это были аборигены. Сама история расселила их на этих южных пространствах. Но советская власть решила «исправить» историю. Греков сажали на корабли и отправляли в Грецию. Как их там встречали, не знаю. Некоторые от отчаяния бросались с корабля в море и тонули. Об этом рассказывали очевидцы.

В Новороссийске я насмотрелась на моряков, особенно матросов. Это племя отчаянных бесстрашных парней привлекало меня ореолом романтики. Эта романтика, начинаясь от синих матросских воротников, проявлялась во всей их суровой морской жизни, которая нередко обрывалась в морской пучине.

Местные жители еду готовят на керосинках, примусах и прямо на улице, иногда у порога дома. Очень любят фасоль. Я готовила борщи, но половину приходилось выбрасывать, потому что не съедали. Жарила барабульку. Но постепенно мне все в этом городе стало надоедать. Я начала тосковать о маме, о снеге, мечталось померзнуть хоть немножко, устала от этой постоянной жары. Друзей не было. Решила съездить к отцу в Темрюк. Это недалеко. Отец завел себе новую жену – хохлушку Ганну – толстую тетю. У него это быстро получалось. Живет среди фруктовых деревьев, а фрукты не ест. Угощал нас раками. При мне варил их. Ничего особенного я в них не нашла. Смотрела на отца и думала о том, что мне почему-то совсем не жаль, что он от нас уехал. Мы, дети, с малолетства были травмированы его поведением по отношению к маме. И это не забывалось. При этом отец все равно был мне дорог.

1939-1940 годы. Томск. Рождение Греты. «Великое» переселение в Новороссийск.

Я снова беременна. В такое смутное для нас время, это совсем некстати. Аборта я боялась физически. По моему настоянию мы уезжаем в Томск. Мое положение маму тоже не обрадовало. В Томске я устроилась на работу в Горпроект. Борис вернулся в Новороссийск: там его работа. Живет без прописки.

В апреле 1939 г. у меня родилась вторая дочь – Грета. Имя дала я. Слышала его в Новороссийске, когда наблюдала за играющими девчушками. Полное имя – Генриетта.

Когда принесла дочку из роддома, мама, взглянув на неё, сразу сказала: «Наша порода». Приехал Борис и вскоре начал разговор о необходимости всем нам переехать в Новороссийск. Дался ему этот Новоросси́ск! Но помятуя о неплохих квартирных условиях там, обилии фруктов, о море и тепле, я стала поддерживать эту идею. Если с нами поедет мама, то лучшего и желать не надо. И мама поддалась, тем более, что там близко живет отец. Возможно она его еще любила и хотела быть ближе, пусть даже не вместе. И мы делаем огромную семейную глупость – продаем дом. Расклеили по городу объявления: «Продается дом-особняк...». Повалили покупатели, а мы начали сомневаться – стоит ли продавать. Может не надо переезжать. И только когда дом был продан, а купили его пожилые муж и жена, приехавшие с золотых приисков (с ними их внучка-подросток), у меня окончательно созрела здравая мысль и понимание, что мы совершили непоправимую ошибку. Но «хорошая мысль приходит опосля». Бориса это не волновало, - дом не его, а родителей жены, и лично он ничего не терял. Когда все уже было закончено, деньги за дом получены, документы оформлены, я расплакалась, обняла маму. Она молчала, ей тоже было очень тяжело.

Мы надеялись, что как только приедем на черноморское райское солнечное место, сразу купим там дом. До отъезда перебрались со всеми своими вещами на квартиру к брату Васе. Вот пишу об этом и заново переживаю то ужасное время. Много наших вещей осталось в проданном доме. Остались книги, в том числе и наши первые детские любимые книжки, все, что нам было дорого. Ведь говорят же, что переехать на другое место, все равно что два раза пережить пожар.

Меня все больше начал раздражать Борис. Где его мужской ум? Зачем нужно было срывать с места семью? Прятался бы один! Но вот мы уже в поезде, едем в Новороссийск. Нас шесть человек, все, кто жил в родительском доме. Это я с детьми, мама, Виктор и Толя. Греточка еще грудная. Настроение у меня подавленное, но в душе теплится какая-то надежда, что впереди все будет хорошо. Так уж устроен человек – живет надеждами. Не буду рассказывать, как мы пять суток ехали в общем вагоне с пересадкой в Москве с большим количеством вещей и с двумя маленькими детьми, это можно себе представить. В Новороссийске нас встретил Борис и перевез на квартиру, которую снял. «Квартира» состояла из одной комнатухи площадью примерно 7-8 кв.м. Как мы на этом пятачке устраивались спать в первую ночь, да и во все последующие, не хочу вспоминать. Но потом стали вживаться. В доме было три комнаты, одна из которых «зала», как называла её хозяйка, большая передняя, служащая хозяевам столовой, и маленькая темная и закопченная кухня с обвалившейся штукатуркой на потолке. В кухне на столе стоят хозяйские примуса и керосинка и здесь же в углу кровать хозяина дома – затюканного женой старичка Абрама Моисеевича. Я, увидев квартиру, которую снял Борис, испугалась. «О чем ты думал, когда выбрал эту квартиру?» Он оправдывался, говорил, что договорился с хозяйкой на «залу», имевшую отдельный вход, а хозяйка обманула, и когда мы приехали, поселила нас в этой комнатухе. За комнатуху мы платили дорого – 150 рублей.

Хозяева дома – евреи по фамилии Гробгельд. Их две взрослые дочери жили своими семьями отдельно, а сын сидел в тюрьме за хулиганский поступок (такой поступок не придумает ни один здравомыслящий человек), писать о нем не буду. Тихий добрейший Абрам Моисеевич ходил всегда в тюбетейке, работал на цементном заводе. Жену свою называл только одним «именем» - Падлюка. Хозяева все время перебранивались, питались по отдельности, каждый покупал себе продукты и каждый готовил себе на персональном примусе, и керосин у них был по отдельности. «Падлюка» воровала у мужа продукты и съедала, а когда он ей об этом говорил, она просто потихоньку улыбалась, не обращая внимания на его возмущенные слова. Абрам Моисеевич прятал свои продукты на нашей половине. Спала хозяйка в «зале» на широкой кровати, выселив мужа на кухню. Ему в «залу» вход был закрыт. Он часто жаловался на жену маме, и у него все время вырывалось это слово «Падлюка». Я и не запомнила имя хозяйки, она мне тоже была несимпатична.

По утрам она обычно накидывала на плечи белый шерстяной платок, перевязывала его на спине узлом и уходила собирать новости. Белые шерстяные платки, большие, как скатерти, вязали в Новороссийске гречанки. В них они обычно ходили в прохладную погоду и во время норд-оста.

Мы начали искать дом для покупки, но домов продавали мало. То, что продавали, были избы с низкими потолками. Нас это очень беспокоило. Деньги, вырученные в Томске за проданный дом, помаленьку «уплывали». Мы продали дом за 17 тыс. рублей, часть денег отдали отцу.

Абрам Моисеевич привык к нам, любил с нами поговорить. Рассказывал про цементный завод. На заводе очень высокие кирпичные дымовые трубы, а поскольку очень часто дует норд-ост, трубы все время качались, однако не падали – так умело построили их французы.

Витю Борис устроил на работу к себе, чертежником, и он там что-то зарабатывал. В проектную мастерскую, где работал Борис, приехала из Ленинграда по распределению архитектор Матюхина Мария Антоновна. Мы с ней подружились, а с Виктором у неё начался бурный роман. Они все время были вместе. А брат Толя, посмотрев на нашу бесперспективную жизнь, завербовался на Колыму и уехал зарабатывать деньги. Потом писал из Сусумана, что работа нравится, заработки хорошие, одно плохо – «баб нет». А те, которые там были, зарабатывали намного больше самих золотодобытчиков.

Мы немного привыкли к адской тесноте, в которой жили, но привычка эта нездоровая, так как сохраняла в душе какую-то тревогу. А что же дальше? Надежды на покупку дома уже не было. Борис к моим переживаниям относился хладнокровно. Живем одним днем и ладно. Мне было очень жаль маму. За что она-то страдает? И все больше росло отчуждение к Борису.

Как-то Борис сообщил, что его проектная мастерская переезжает в Новороссийск. Начальник Бориса получает здесь квартиру – большую светлую комнату. В этом же доме получает квартиру и Борис – узкая длинная кухня с одним окном, выходящим на веранду. И мы переезжаем в эту кухню. Хрен редьки не слаще. Начинаем с мамой приспособливаться к новой квартире.

Идет 1940-й год. Началась война с Финляндией. Слушаем сводки и недоумеваем, из-за чего началась эта война. Недавно посмотрела по ТВ документальный фильм об этой войне. Меня потрясла та правда о ней, которую мы тогда не знали: война была затеяна руководством нашей страны и никому не была нужна, и как огромны были потери советских солдат.

Стоим в очередях за кукурузным хлебом. Другого не было. Он вкусный, пока еще свежий, а потом крошится и есть его невозможно. Хожу с Мартой на море, сидим на берегу, бросаем в воду камешки, смотрю в морскую даль. Около порта железная дорога, маневрирует паровоз. Марта панически боится паровозов, ей кажется, что это страшное черное живое существо, и она с визгом бежит ко мне и прячется в моих объятьях.

Арест Бориса. Возвращение в Томск

Дома на новой «квартире» я старалась отвлечься от неприятных дум, слушаю по радиоприемнику за границу. Часто звучит Петр Лещенко, его «Стаканчики граненые». Вышиваю какую-то совсем ненужную мне наволочку, гоняю шныряющих по углам мышей. С этим беда. Как-то мама обнаружила, что пальто Бориса, висевшее на вешалке, погрызено мышами, в результате образовалась большая дыра на рукаве. Мама сказала, что это не к добру. И её предсказание сбылось. Вскоре Бориса арестовали. Посадили в местную тюрьму. Разрешили свидания. Коллеги Бориса удивляются: «За что его посадили?» Мы ведь скрывали, что Борис «враг народа», которого разыскивают. Хожу с передачами в тюрьму. Перед тюрьмой на лужайке сижу рядом с другими ожидающими и жду, когда подойдет солдат и спросит: «Кто к Алексееву?»

Было уже начало 1941 года. По городу ходит легенда: кто-то встретил в поле старца, старец остановился перед ним и сказал: «В этом году в стране будет обильный урожай хлебов, но собирать его будет никому».

Я связалась по телефону с отцом, сообщила об аресте мужа, отец сказал: «Забирай мать и детей, и приезжайте ко мне, а Виктор пусть едет в Сибирь». Я подумала, что в Темрюке – этом рыбацком городке делать мне будет нечего, там нет для меня работы. Да и Борис просит не уезжать. Но, прожив в Новороссийске еще до мая, я все же решила уехать на родину. Упаковываем вещи и возвращаемся в Томск. Виктор едет вместе с нами (очень сожалела о его отъезде Мария Антоновна). В дороге не замечаем никаких неудобств, потому что едем в свой родной город.

Простившись с Борисом перед отъездом, я его больше никогда не увидела. Это было прощание навсегда.

При возвращении в Томск у меня не возникало никаких сомнений: не делаю ли очередную ошибку. Не нужны мне были никакие моря и океаны! Только в Томск, только домой («дома и стены кормят»)! А дома-то у нас уже не было. Приехали к разбитому корыту. Нас встретил мой любимый брат Вася. Вообще-то все братья были у меня любимыми. Они этого стоили. Никто из них никогда не совершал хамских поступков в отношении кого-либо. Но защититься от чужого хамства они не умели, были слишком эмоциональны.

Вася встретил нас радостно, особенно маму. Мы расположились в одной из комнат и на кухне. Жена брата, Женя, конечно, испытывала иные чувства, чем её муж: ввалилась в квартиру такая орава – пять человек. Она была с нами сдержанно-снисходительной. Гордилась своим родством с известным ученым-академиком (её брат), но сама была лишь машинисткой и даже не состоялась как женщина-мать. Все время «сосала» папиросу. А Вася был всегда печален, мало улыбался, и, казалось, был очень одинок в своей семье. Еще задолго до нашего приезда Вася купил корову. Сам сделал стайку для неё (благо, двор был большой и пустой). Наняли домработницу. На приобретение коровы Васю, наверное, подвигла просто любовь к животным, воспоминания о Богдановке, но главное, думаю, - скука в семье без детей и с вечно дымящей женой.

Война. Работа в Горпроекте.

Приехали мы в Томск в мае, а в июне началась война. Кажется, именно в день начала войны загорелся и сгорел Томский цирк. Помню, я сидела с дочками на крыльце. Во двор вбежал Вася и сказал, что началась война, что немцы бомбили Киев. Мы побежали на площадь Революции. Там митинг. Слушаем по репродуктору речь Молотова. Подошла большая группа людей с пожарища цирка. Некоторые храбрецы из толпы кричали: «Давайте нам винтовки!» Очень тревожно было на душе, известие было неожиданным.

В августе 1941 г. мне принесли повестку, из которой следовало, что я должна явиться к председателю горисполкома Баранову. Когда я пришла в указанное время, то увидела, что собралось много народа и среди них масса моих знакомых строителей. Баранов объявил, что собрал здесь специалистов строителей и сантехников в связи с полученным из Москвы указанием о подготовке в Томске энного количества госпиталей для приема раненых бойцов с фронта, что необходимо в короткие сроки выполнить эту работу, включая проектирование и выполнение строительных работ. Здания, в которых намечалось размещение госпиталей, были уже определены специальной комиссией. Предстояло их переоборудовать под госпитали с устройством всех необходимых служб. Были необходимы, прежде всего, перепланировка и санитарно-техническое обустройство зданий. Руководителем работ был назначен доктор Эфрос.

Под госпитали были предназначены все больницы, клиники, часть школ, общежитий студентов и другие здания. Объекты были распределены между нами – строителями. Каждому выдали удостоверение на право осмотра зданий. Мне достались

здания трех школ, общежитие на улице Никитина, «Инспер», богадельня и др. А работу было приказано начать сегодня же. Отвели нам комнату в Горпроекте. На двери повесили надпись: «Посторонним не входить!» У нас ведь всегда все «секретили». Приступив к работе, мы обошли свои объекты и определили, где что надо делать. Переоборудование зданий под госпитали для строителей не было сложным: ставили новые перегородки, двери, белили, красили. У сантехников работа осложнялась тем, что в городе в то время не было канализации, и не было централизованного горячего водоснабжения. Даже отопление в некоторых из отведенных нам зданий было печное. Я отвечала за сантехнику, нас было двое. Выполнение задания было строго ограничено временем. В короткий срок все должно было быть готовым к приему раненых. Для обеспечения будущих госпиталей горячей водой (там, где было печное отопление) нами было принято простое решение. Мы крепили под потолком здания большие железные баки, подводили к ним холодную воду, а внизу монтировали в топки печей змеевики из стальных труб, которые двумя выходами соединяли с баком. Вода в баке быстро подогревалась. От баков воду подводили к нужным местам. Там, где было центральное отопление, вопрос с горячей водой решался просто: ставили дополнительные котлы и бойлеры. Для устройства канализации строили под землей во дворах госпиталей большие бетонные емкости. По мере их наполнения ассенизаторы потом вывозили стоки за город.

У меня наиболее интересным объектом был «Инспер» - Институт перевоспитания. Он располагался в здании на улице Красноармейской, там, где сейчас горбольница №1. Когда я туда пришла, в детском доме было очень шумно. Директор предупредил меня, чтобы я не говорила вслух о цели осмотра здания, о том, что здесь будет госпиталь, иначе дети устроят погром, все переломают. Ко мне подбежала группа черноголовых мальчиков. Что-то говорили и сказали, что они из Одессы. Позднее у меня возникло подозрение, что подростки «Инспера» были детьми «врагов народа», оставшись без родителей, они были собраны сюда со всей страны на перевоспитание, ведь «Инспер» был создан накануне 1937 года.

Наиболее печальным объектом была богадельня. Она находилась в доме на углу улиц Кирова и Тверской. Там доживали свой век больные, немощные, никому не нужные старики. В помещении стоял очень тяжелый воздух. Даже после проведенных там строительных работ воздух оставался таким же тяжелым. Куда выселили стариков, я не знаю.

Когда мы готовили госпитали к сдаче, их осматривали военные врачи. Однажды во время осмотра одного из госпиталей его главный врач, указывая на какую-то погрешность в нашей работе, произнес такую фразу: «Ошибки врачей скрывает земля, а ваши всегда на виду». Меня потряс цинизм этой фразы. Разве позволительно такое говорить врачу?

Но вот с госпиталями закончено, и они все заселены. Заселяли их почему-то всегда по ночам. Видимо, чтобы не пугать народ.

Начались другие проблемы. В город прибывали эшелоны с беженцами, эвакуированными и разным другим людом. После длительного пути нужно всех помыть, продезинфицировать их одежду. Громовская баня не справлялась с таким потоком людей. Нам поручают изыскать возможность, где бы можно было оборудовать душевые с наибольшим количеством рожков. В результате дезостанция, которая находилась на ул. Р. Люксембург, превратилась в душевую-помывочную, там же оборудовали дезокамеры – пароформалиновую и жаровую, чтобы прожаривать одежду прибывающих людей, в борьбе со вшами и возможными болезнями.

Дома все идет своим чередом. Получили хлебные карточки – детям по 500 гр., иждивенцам (т.е. маме) - 400 гр., служащим (это мне) - 600 гр. Голодно! Мама сушила картофельные очистки, я как-то сварила, поела и отравилась. Мама все время с детьми. От Бориса приходят письма-треугольнички. Получила большое письмо от отца с завещанием мне своего дома и имущества. Ругает, что уехали, ведь у них все дешево и всего много.

В Горпроекте работы невпроворот. Поскольку Горпроект подчинялся горкомхозу, работаем совместно. Чертежи мы делали быстро, как блины пекли. Без чертежей строить было нельзя. В нашем учреждении остались практически одни женщины. Молодых парней взяли на войну, и остались только два Николая – один Иннокентьевич, другой Федорович. Для войны они никудышные, а на работу годны. Николай Иннокентьевич Турчанинов прекрасный конструктор и очень порядочный человек. Он высокий и очень худой, потому что всегда голодный. Николай Федорович Осипов – сметчик, очень веселый и остроумный и не голодный. Постоянно за своим рабочим столом что-то жуёт, доставая съестное помаленьку из ящика стола. Рассказывал очень смешные анекдоты и как-то рассказал про то, как Колумб открывал Америку. Все, и даже серьезный Николай Иннокентьевич, долго смеялись.

Становилось все голоднее. Мне поручили походить по трестам (их тогда было много в городе) и попросить как-то помочь с питанием голодающему Горпроекту. Трест столовых выделил нам ежедневные обеды из капусты, за которыми мы ходили с кастрюлей и потом делили на каждого. Горкомхоз выдал по мешку овсяной лузги. Это было существенно. Лузга – это шелуха от овса, но в ней попадались целые зернышки и немного муки. Овсяные кисели из этой лузги были для того времени замечательны. Мешок с лузгой я привезла домой на санках. Мама посмотрела и сказала: «Господи! В Богдановке и кони не стали бы это есть!»

Брат Вася ушел на фронт. Мы его провожали. Когда на сборном пункте новобранцев построили в ряд, мне показалось, что Вася стал меньше ростом. Он уже точно знал, что не вернется. Месяца три он находился в Омске. Там создавалась маршевая рота. Писал письма. Эти треугольнички у меня сохранились до сих пор, только совсем выцвели. Жена Васи Женя после отъезда мужа на фронт от нас ушла. Попросилась на квартиру к жене бывшего сотрудника Васи. На новой квартире Женя начала новую жизнь. Она преступила нормы морали и стала изменять мужу без разбора, направо и налево. Тяжело об этом вспоминать...

На этом месте я прервала свои воспоминания и долго не могла продолжить из-за тяжести всего того, что мы тогда переживали. О том периоде можно писать бесконечно. У каждого пережито свое.

Хлеб по карточкам я получала в хлебном магазине №19, который находился в деревянном здании на углу улицы Красноармейской и пр. Фрунзе. Этот магазин знало пол Томска. Напротив магазина, тоже на углу, продуктовый базарчик. Многие томичи помнят и Фрунзенский базар, и магазин против него. Однажды я, получив свой хлеб, зашла на базар. Стояла у молочного прилавка и вдруг почувствовала, что моя сумка, в которой лежал хлеб, начала дергаться. Какой-то мальчишка выхватил из неё мою бесценную булку хлеба и побежал. Я припустила за ним с криком, чтобы отдал хлеб. Мальчишка бежал еще быстрее, причем по дворам. Я не отставала. Мальчишка стал отламывать куски от булки и бросать на землю. Я подбирала эти куски и продолжала бежать за ним. Увидев в окно эту картину, какой-то мужчина крикнул на мальчишку, и тот бросил оставшийся хлеб на землю. Я все подобрала, а после дома мыла и сушила спасенный хлеб. Конечно, вырвавший у меня хлеб мальчишка был голоден, но какое мне было до него дело, если дома этот хлеб ждали мои дети и мама.

19-го магазина давно нет, на том месте стоит сейчас большой гастроном. Нет в живых и той продавщицы, с которой я была знакома, но мне очень памятен магазин, куда я в войну ходила за хлебом. Тогда там работало четыре продавца. Когда приходила развозка с хлебом, его делили между ними поровну, и каждый продавал «свой» хлеб, отрезая талончики хлебных карточек покупателей. Когда хлеб кончался, и магазин закрывался, продавцы начинали наклеивать на газетные листы отрезанные хлебные талоны. Талоны были с почтовой марку. Работа эта была муторная. Наклеив талончики, ждали комиссию, которая должна была сверить вес проданного хлеба с весом на талонах. В комиссии обычно два человека. Ничего не считая и не сверяя, получив взятку от

каждого продавца по булке хлеба (естественно, без талонов), члены комиссии ставили на эти газетные листы штемпель «Проверено» и уходили восвояси. Да, хлеб тогда был действительно «всему голова». Продавцы брали его себе, сколько хотели, и жили сытно. За булку хлеба у голодного можно было выменять даже пальто.

Мы купили поросенка. Жил он у нас в кухне под столом. Стол огородили рейками. Поросенок хрюкал, визжал от голода, и мы все это терпели.

Рядом с нашим домом госпиталь на ул. Советской (корпус ТПИ). Раненые, кто без руки, кто без ноги. Есть и без обеих ног, их сестры выносили на улицу, как детей, на руках. Раненые в полосатых пижамах. Разговаривать с посторонними им не разрешается. Сидят группами на скамейках, разговаривают. Некоторые держатся обособленно.

На работе в Горпроекте мой стол стоит напротив окна. Из этого окна виден дворовый фасад здания теперешнего магазина «Тысяча мелочей». В нем тоже госпиталь, и я помню «картину»: один раненый каждый день садился на подоконник, свесив ноги наружу, и начинал петь. Песня была одна и та же, какая-то унылая. До сих пор звучит в ушах её мотив.

Как-то Горпроект поручил задание от горисполкома на проектирование вентиляции и некоторой реконструкции здания «Славянского базара». Этого замечательного теремка не было тогда видно с улицы из-за стоящего впереди здания цирка, обгоревшие стены которого еще долго торчали в центре города. Мы с Николаем Иннокентьевичем отправились туда, не зная, кто там есть и чем занимаются. Когда вошли, сразу почувствовали вкусный запах. Спустившись вниз, увидели кругом молочные продукты. Оказалось, там был небольшой молочный заводик для партийной элиты города, для власти. Когда мы осмотрели здание и определили, что и как надо здесь делать, хозяйка заводика угостила нас продуктами – творогом, сметаной, сливками. Мы уплетали все это с жадностью. Нам предлагали еще, но мы уже наелись. Такого вкусного творога, какой был там, я больше в жизни не пробовала. Вышли на улицу, и у нас закружились головы от такого угощения. Для городского населения, в том числе и для госпиталей, больниц, в городе работал молочный завод по улице Равенства. Там вкусно не пахло. Туда, кстати, поступало и переработанное на сепараторе молоко из «Славянского базара».

Как-то мы шли с Николаем Иннокентьевичем на очередной объект, и он рассказал мне по секрету, что ест собачье мясо. У них дома была собака, и когда она ощенилась, и щенки подросли, то его жена их колола по очереди, сдирала шкурку и готовила жаркое. Этим она и поддерживала своего мужа, иначе бы он, как сам говорил, не смог таскать ноги.

Наш Горпроект был единственной тогда в городе проектной организацией, а я в нем была единственным инженером-сантехником. Работы приходилось выполнять самые разнообразные, и это давало большой опыт. Как-то приехал на рысаке заместитель начальника тюрьмы НКВД – молодой бравый парень с лоснящейся мордой. Он заказал проект очистных сооружений для сточных вод лагеря. Заключенные страдают от зловония, загаженности территории, там зараза и болезни. Я над этим проектом корпела целый месяц.

Потом была другая работа. Подошла очередь заняться зданием сгоревшего цирка, которое стояло на берегу Ушайки у деревянного моста. От здания остались только обгоревшие кирпичные стены. Руководство города решило устроить там гостиницу. Пока мы трудились над проектом реконструкции, строители уже приступили к работе. Сделали железобетонное межэтажное перекрытие, сделали окна, крышу. И вдруг остановились. Гостиницу делать руководство передумало. А какие деньги на реконструкцию уже были ухлопаны! Здание бывшего цирка – недостроенной гостиницы по степенно разобрали на кирпичи.

Во всех учреждениях в войну было введено ночное дежурство. Дежурные должны были сидеть (или спать) в кабинете начальника у телефона. Мы в Горпроекте тоже дежурили по очереди. Перезванивались с другими дежурными по городу, болтали. На

другом конце провода дежурный порой предлагал объединиться и скоротать ночь вместе.

В Томск понаехало много москвичей. Как люди ловкие, они заняли «хлебные» места в кабинетах.

Отец из Темрюка писал, что болен, но надеется поправиться и увидиться, называл меня «моя крошка». Да, я для него навсегда осталась крошкой. Теперь я это понимаю. Для меня мой внук, которому уже 33 года, тоже «крошечка». Так я к нему и обращаюсь в письмах.

В ноябре 1941 г. мы получили письмо из Темрюка, в котором сообщалось, что мой отец умер 5 ноября. Писал приятель отца Иван Васильевич и просил срочно выслать доверенность на введение меня в наследование имущества отца. «Иначе, - как писал Иван Васильевич, - все достанется шкурёхе, присосавшейся к нему». Сначала я собралась написать доверенность, но потом, посоветовавшись с мамой, решила оставить все, как есть. Та женщина – «шкурёха», что жила с отцом, все же как-то ухаживала за ним, когда он болел, и похоронила его. Ну, и пусть все останется ей. Я тяжело переживала смерть отца. В последний раз я его видела в 1940 году, когда, еще проживая в Новороссийске, съездила к нему в Темрюк. Помню, мы сидели в его саду под большой шелковицей, на которой созревали ягоды, и долго обо всем разговаривали. Потом он меня крепко обнял и сказал: «У меня внутри очень болит, как будто что там оборвалось». К врачам он никогда не ходил. Отцу было в год его смерти всего 62 года.

Из Новороссийска в Томск на должность главного архитектора приехала Мария Антоновна Матюхина. Конечно, она приехала из-за Виктора. Попросилась на эту должность где-то в верхах. Сначала остановилась у нас, а потом ей дали комнату – самую богатую и красивую в Томске (я так считаю). Комната эта была в красивом доме бывшего томского богача на площади Батенькова (третий дом от пер. Батенькова). Стены и потолки были отделаны полированным деревом коричневого цвета. Качество работы было настолько великолепно, что мебель, стоявшая в комнате, казалась жалкой. Наверное, эта комната когда-то была кабинетом бывшего хозяина-богача, который любил красоту и имел прекрасный вкус. Дальнейшую судьбу этой комнаты я не знаю. Может, отделка сохранилась, как музейная ценность, а может, её ободрали какие-нибудь «реставраторы». Что в этом доме теперь, я тоже не знаю, но считаю, что его надо бы сохранить, как архитектурный памятник Томска.

Витя и Мария Антоновна стали жить вместе. Брат даже поступил в университет на исторический факультет и одновременно помогал Марии Антоновне по её работе (она его зачислила к себе в штат).

С началом войны в Томск эвакуировалось много предприятий из Москвы, Ленинграда и других городов европейской части страны. Московский «Фрезер» разместился на месте бывшего южного артгородка, вытеснив оттуда артиллеристов и лошадей. В маленький завод «Металлист» влился Ленинградский завод «Пневматика», и он стал называться ТЭМЗом (ТЭМЗ возглавил ленинградец К.И. Лаврентьев). Из Москвы эвакуировался электроламповый завод. В главном корпусе университета разместился крупный оптический завод из Загорска. Когда в 1943 г. завод вернулся в Загорск, освободив здание университета, мне пришлось там поработать от Горпроекта, чтобы определить ущерб, нанесенный заводом зданию. Я не помню, в какую сумму в денежном выражении вылился нанесенный ущерб, но он был колоссальный. Старинную университетскую мебель приспособили на заводе под верстаки, под шкафчики для инструментов и другого, паркетные полы искромсаны, стены исковерканы всякими кронштейнами. Даже то, что можно было сохранить, не пощадили. Работа по определению ущерба велась в присутствии представителя завода. Все документировалась. Согласно составленным документам завод должен был возместить стоимость порушенного. Возместил или нет, не знаю.

В Горпроекте я была физически самой крепкой (видно, богдановская закалка), и мне поручалось выполнять всякие общественные нагрузки, в основном что-то просить у разных начальников. Наголодавшись в 1941 году, решили приобрести землю для огородов. О выделении нам земли надо было тоже просить. Землю отвели нам на берегу Ушайки. Это в конце улицы Фрунзе, а дальше налево под горку. Я ходила принимать землю. Мерила её «саженью». Земля была хорошая, заливная. Вскопали её в начале лета, начали сажать там картошку, капусту, сахарную свеклу, тыкву, - в общем, всякие овощи, которые растут в Сибири. Надо сказать, что наши огороды часто обворовывались. Воровали рассаду помидор и капусты, даже только что посаженную картошку выкапывали. Наученные горьким опытом, мы стали хорошо боронить землю, чтобы не видно было лунок. Не у всех работа шла умело. В Горпроекте работали две сестры Ляпустины – Юлия и Милица – милые женщины из старинной интеллигентной семьи. Одна была машинисткой, другая – копировальщицей. Когда мы собрались коллективно копать огород, они взяли с собой детские лопаточки! Кое-как приспособились потом работать в огороде. Сняв первый урожай со своих огородов, мы немного ожили, про голод забыли. Драники, драники, драники! А еще парёнки из тыквы, брюквы, сахарной свеклы, которая прекрасно заменяла нам сахар. Даже варенье из ягод мы варили с этой свеклой.

Но все это только к осени 1942 года. А до этого голодали. Мои дочки не знали, что такое конфеты. Такое совпадение – обе мои дочки родились 19 апреля, только Марта в 1937 году, а Грета в 1939-ом. Марте в 1941 г. было четыре года, а Грете два.

У нас был хороший радиоприемник, и мы любили слушать концерты наших лучших певцов: Козловского, Лемешева и других. Но вот однажды из приемника раздались слова: «Говорит Германское радио!» И начались ежедневные вещания – обращения к советскому народу с призывом не сопротивляться немецкой армии, которая освободит нас от большевистской бездарной власти. Напоминалось о разрушении в 1930-х годах сельского хозяйства, о раскулачивании, о репрессиях 1937 года, обращались к советским женщинам, у которых отобрали сыновей и мужей, т.е. говорили обо всем том, что мы пережили. Мы слушали с интересом, потому что все, о чем они говорили, действительно происходило в нашей стране. Говорить об этом между собой было опасно, тем более во время войны. И последовало указание правительства изъять у населения радиоприемники. Были организованы пункты их приема. Мы тоже сдали свой приемник и пользовались только общественной радиоточкой, которая не говорила нам полную правду о ходе войны, о наших потерях.

В Томск приходили эшелоны с депортированными людьми из Прибалтики, других западных территорий. Эстонцы, латыши, литовцы, немцы. Томск был перевалочным пунктом для их дальнейшей отправки на Север. Однажды прибывшую партию людей разместили на ночлег в Доме профсоюзов, который находился возле продуктового рынка. Здание это считалось аварийным, но люди продолжали в нем работать. На втором этаже был большой зал для собраний. Когда людей привели туда на ночлег, перекрытие не выдержало и рухнуло вместе с прибывшими. Погибло много человек. Здание быстро огородили деревянным забором, и все осталось «шито-крыто». Судили только начальника Горкомхоза С.С. Широкова, а не тех, кто приказал ему предоставить это здание под ночлег большого количества людей.

Ставни для квартиры семьи Берии

А народ в Томск все прибывал и прибывал. Как-то уже в конце 1941 года меня вызвал к себе наш начальник. Когда я вошла к нему в кабинет, то увидела двоих нкаведешников. Я их уже узнавала по серым каракулевым шапкам и белым буркам. Они посмотрели на меня внимательно, отчего я немного струсилась. Обращаясь ко мне, начальник сказал, что я сейчас должна поехать с этими товарищами и сделать замеры окон в каком-то здании, с тем, чтобы изготовить чертежи внутренних ставень для этих окон. Делать чертежи ставень – совсем не моя специализация, но раз начальник приказал,

нужно подчиниться. Вместе с нкаведешниками я вышла на улицу, к нам примкнула еще начальник спецчасти – Анна Андреевна Кузьмина. У машины, что ждала нас, стоял молодой красивый грузин. Когда мы подошли, он заулыбался, протянул мне руку, и мы поздоровались. Потом он хлопотливо открыл перед нами дверцу машины, мы сели и поехали. По дороге Анна Андреевна шепнула мне: «Это сын Берии – Серго!» Я не удивилась: мало ли народа понаехало тогда в Томск. Семья Берии тоже драпанула в Томск, когда немцы стали подходить к Москве. Раньше в Томск они ссылали «врагов народа», а теперь пожаловали сами, чтобы спрятаться. В «компании» с Серго мы подъехали к химическому корпусу политехнического института со стороны пр. Кирова (обычно этот вход был закрыт). Поднялись на второй этаж. От самого порога была постелена ковровая дорожка, по ней шагал только Серго и его свита. В большой комнате, в которую мы вошли, я увидела старинный камин и сверкающий рояль, в соседней комнате сутились нкаведешники, что-то передвигали, переставляли, и здесь же находилась мама Серго – красивая полноватая грузинка. Дальше просматривалась анфилада комнат с белыми с позолотой дверьми. Мне поставили лестницу, я замерила эти высоченные окна, и меня увезли назад на работу. Я тщательно вычертила чертеж ставень, недоумеваю, зачем они нужны на втором этаже. И вообще ставни мог сделать любой плотник без всяких чертежей. Но это же было нужно для Берии! Чертежи у меня забрали. Говорили, что Серго учится в каком-то военном училище, располагающемся в главном корпусе политехнического института.

Тяготы военного лихолетья

Наш женский коллектив Горпроекта начали «приглашать» на всякие погрузочно-разгрузочные работы. Пришел состав с углем на станцию Томск-I, и сразу звонок нашему начальнику: «Вашему коллективу разгрузить один вагон угля!» Идем разгружать. Брали с собой сумки и после разгрузки наполняли их углем и несли домой. Я брала с собой рюкзак и, наполнив его углем, тоже несла домой. Рюкзак с углем весил, наверное, килограммов 30. Еще мы ездили куда-то далеко на торфяные болота заготавливать торф. Помню, едем вдоль берега реки, видим на пригорке землянки. Их много. Некоторые выкопаны в земле, как пещеры. На вопрос: «Что это?», - знающий водитель отвечает: «Это Берлинка. Здесь живут высланные из Поволжья немцы, а дальше Вторая Берлинка.

В «чавкающей» воде мы лопатами нарезали «кирпичи» торфа и складывали их в «поленицу» для просушки. Всеми такими работами руководил Брестовицкий, он был, кажется, заместителем начальника Горкомхоза.

Довелось нам поработать и на закладке ГРЭС-II, на земляных работах. Копали траншеи под фундаменты стен будущего здания. Там нами руководила какая-то дама из горкома партии и очень строжилась, что мы медленно работаем, и нам очень хотелось огреть её лопатой по известному месту. Мы знали, из каких кормушек они питались, в то время как мы ели одни драники.

Все мы жили в домах с печным отоплением, а доставать топливо было очень сложно. Иногда я поднималась на чердак нашего дома и искала там какую-нибудь досточку, чтобы растопить печь. А то отпиливала чурбачок от стропил крыши, хотя в конструкции не было ничего лишнего. Или ходила на помойку госпиталя, куда выбрасывали снятые с раненых солдат кирзовые сапоги. Я набирала их в ведро и несла домой, чтобы топить ими печь. Сапоги прекрасно горели. Я их постоянно собирала и ждала, когда на помойку выбросят новую партию. А чтобы меня никто не узнал (все-таки стыдно было заниматься таким делом), я закутывалась в платок. Однажды мы обратились к Брестовицкому со своей топливной проблемой, чтобы он похлопотал за нас. Он жалел нас, и вскоре нам выделили участок в лесу для заготовки дров. И ни где-нибудь, а у деревни Белобородово, где через 10 лет вырос наш монстр – «Почтовый ящик». Выдали нам документ о разрешении рубки деревьев на дрова, мы взяли пилы, топоры, соответственно подпоясались бечевками и отправились гуськом в это Белобородово. У

каждого санки. Нас было человек 12 и все женщины. Своих немощных мужчин-Николаев мы на такие работы не брали, жалели. В деревне нас встретили дружелюбно, указали участок, где можно пилить. Лесник наметил деревья и остался помогать нам пилить. Остальное мы сделали сами. Пилить и колоть дрова я научилась, когда училась в техникуме, и нас посылали на дровозаготовки. Нагрузив санки дровами, также гуськом отправились в город. Конечно, мы очень устали. Думаю, что со стороны наш караван-обоз выглядел и смешно, и трагично. Но мы были рады – везем домой дрова! Потом мы ходили за дровами еще много раз.

Довелось нам выполнять и печальную работу – стирать полушубки, снятые с убитых на фронте солдат. Их везли в Томск вагонами. Полушубки мы сначала вымачивали в воде, затем расстилали на столах, шерстью вниз. Рассматривали дырки от пуль, которые как бы рассказывали историю гибели солдата. На некоторых полушубках было по 2-3 дырки, - значит, либо снайпер стрелял, либо шальная пуля прилетела. А на иных полушубках дыр по целой «горсти» - знать, пулеметная очередь. А некоторые разорваны в клочья, - видимо, хозяина полушубка поразил снаряд. Таких было много. Отмокшие от высохшей крови полушубки мы скоблили ножами, терли щетками, мочалками, поливали из шлангов водой и развешивали сушить. Иногда у меня возникала страшная мысль – вдруг один из полушубков снят с моего погибшего брата Васи, но я отгоняла эту мысль прочь. Брезгливости к этой работе у меня не было, но был страх: как будто сама побывала на этой войне и видела её ужасы. За стирку полушубков нам платили по куску мыла за каждый выход. Такая плата в то время была для нас особо ценной, потому что мыла не было. Вместо него делали щелок. Некоторые наши работницы потом добровольно стирали эти полушубки, чтобы заработать кусок мыла.

В первые дни войны я думала, что произошла какая-то ошибка, случилась просто провокация, и бомбы на Киев больше не полетят. Ведь наше правительство заключило с Германией договор о ненападении, и такая уважаемая страна, как Германия, не может его нарушить. Но война разгоралась, и мои наивные предположения рассеялись. Очень трудно было первое время привыкать к жизни во время войны, но прошел год, два, и мы все втянулись в эту жизнь, приспособились, кто как мог. Уже казалось, что это никогда не кончится. Появились грустные военные песни – «Землянка», «Синий платочек» в исполнении К. Шульженко, «Эх, дороги» и другие. Замечательные, незабываемые песни!

Постоянной картиной были шагающие на вокзал для отправки на фронт новобранцы, а за ними семенящие сбоку заплаканные матери и жены.

Наступает новый 1942 год. Кто, как может, готовится встретить его. Я собираюсь поставить детям елку. Купила её на базаре и привезла домой на санках-розвальнях. Заехала с елкой прямо в квартиру, как Дед Мороз. Дети обрадовались. Елку пока поставили в кладовку. Игрушек не было, я начала делать их сама. Рисовала картинки, клеила всякие домики, шила пупсиков и вспоминала свое детство, когда отец выписывал из Петербурга елочные украшения целыми коробками, вспоминала, какие богатые и красивые елки нам ставили. Мне удалось несколько игрушек купить в магазине. Запомнилась одна – на санках сидит девочка, вытянув вперед ножки и держится руками за веревку санок. Девочка с розовым личиком, закутана в платок. Хоть игрушка в целом сделана аляповато, но девочка, как живая. Когда я решила, что игрушек достаточно, ночью, когда дети и мама спали, сделала репетицию - поставила и нарядила елку, зажгла свечи. Долго любовалась елкой и радовалась её красоте. А девочка на санках как будто улыбалась.

31 декабря 1941 года. Я рано уложила детей спать, и ближе к ночи нарядила елку. Разбудила девочек. Когда они увидели это зеленое чудо с игрушками и горящими свечами, у них разгорелись глазенки. Их удивлению и радости не было конца. Потом я у елки рассказывала им сказки. Так мы встретили 1942 год.

Собрав со своих огородов первый урожай, мы в своем коллективе поняли, что только земля и собственные руки помогут нам избежать голода. Наши огородные участки

были небольшие, поэтому мы попросили еще земли для посадки картофеля, и нам её дали за рекой и даже вспахали. Во всех огородных и других делах мне помогал мой незабвенный брат Витя. Однажды, выкопав за рекой на новом огороде картошку, мы с ним перетащили её к берегу и стали ждать «у моря погоды». Был уже вечер. На наше счастье подплыл лодочник и согласился перевезти нас через реку. Погрузили мешки, сели в лодку и поплыли. Гребли вместе – и лодочник, и Витя. Просили меня не шевелиться, не качать лодку, ведь вода была почти вровень с бортом. Подплыли к полуострову, который находился у впадения в Томь Ушайки. Этот полуостровок обнажается только к осени, когда спадает вода, а весной и летом он скрыт под водой. Выгрузив на берег мешки, Витя сказал мне: «Сиди, а я пойду искать транспорт». На берегу было много людей с картошкой, но постепенно все разъезжались, и, наконец, я осталась одна. Замерзла. На ногах у меня были резиновые чуни (шахтерские галоши из толстой резины, без подкладки), их тогда носили многие, и я тоже. Вот уже настала ночь, я окончательно замерзла, к тому же начал моросить дождь. Чтобы согреться, я начала перетаскивать мешки к лодке, стоящей на берегу. Лодка была полуопрокинута, с подпорками. Я решила использовать её как зонт. А чтобы она меня не прихлопнула, подсунула под борт мешки. Замерзла окончательно, и была страшно сердита на Витю: бросил меня одну на этом необитаемом острове. А потом наступило полное безразличие ко всему, я как будто бы ничего уже не соображала от усталости и холода. Когда начало слегка светать, я увидела шагающего в мою сторону человека. Я сразу представила себе, что сейчас он подойдет, стукнет меня по голове булыжиной и заберет мою картошку. Думаю, что меня тогда и стукать не надо бы было, я бы и пискнуть не смогла, если бы кто позарился на эту проклятую картошку. Мужик подошел вплотную к «моей» лодке, опрокинул её, не обращая на меня никакого внимания и не сказав ни слова, подтянул лодку к воде, сел и уплыл, размахивая веслами. Витя появился только к утру на какой-то солдатской подводе. Погрузили мешки, и я, наконец, дома. Мама всю ночь не сомкнула глаз, беспокоясь обо мне. Через два дня меня положили в гинекологическую клинику с сильным воспалительным заболеванием. Так досталась мне эта картошка. В клинике я пролежала три недели.

Вспоминая Бориса

Вспоминала Бориса, как жили в Новосибирске, как однажды Нина – сестра Бориса, направляясь куда-то на Восток, завезла нам его сына Димку. Это было зимой 1936 года. К нам Нина не заходила, Борис забрал сына на вокзале, так что я Нину никогда не видела. Димка рыжий, как медный самовар. Характер – не сахар, но я с ним подружилась. Устроили его в школу, в первый класс. С 3-го этажа, на котором была наша квартира, Димка никогда не спускался по ступеням лестницы, а съезжал верхом на перилах. Как-то я стала мыть его рыжую голову, намылила её, а он вдруг выскользнул у меня из рук и к двери, съехал, как всегда, по перилам, и ищи ветра в поле. Набегался на улице, вернулся. Голова вся засохла, и он сунул её в таз с водой. Частенько приходила к нам домой Димкина учительница, жаловалась на его поведение. Димка в это время исчезал из квартиры. Однажды в овощном магазине, находившемся в нашем доме, Димка спер арбуз и принес его домой. Мы заставили его отнести арбуз обратно и проследили, отнесет или нет. Отнес и положил в кучу, так же незаметно, как и украл. Вот таким был Димка.

Когда Борис оказался под прицелом НКВД, и ему нужно было скрываться, он отвез Димку в Ленинград к матери. Мать Димки – предыдущая жена Бориса, Анастасия жила вместе с отцом Бориса и его сестрой. Отец Бориса, как я уже писала, был актером и режиссером какого-то ленинградского театра, был несколько раз женат и имел двух взрослых дочерей, а Борис был от последней, рано умершей жены. Отец Бориса вел светский образ жизни, много путешествовал в свое время по Европе. Борис рос в театральном окружении, но почему-то стал архитектором. Борис тоже был несколько раз женат. Я стала его третьей и последней женой. Будучи в Ленинграде, он взял развод с

Анастасией, но я регистрироваться с ним не стала по причине, которую и сейчас не пойму. Все откладывала на потом. Тогда этому как-то не придавали значения. Я не переносила того, что в поведении и характере Бориса было много показного. И еще вспоминалось, что он был большой сладкоежка. В то время, как за столом в компаниях, большинство мужчин, выпив рюмку водки, закусывали мясом, Борис ел торт. Когда мы ходили с ним в кино, он обязательно покупал пакетик конфет. Выпив рюмку водки, что вообще-то бывало редко, не краснел, как другие, а, наоборот, бледнел и «скисал». Бледная ленинградская порода! Любил делать мне подарки, и они всегда были оригинальными. Как-то подарил мне зонт. Он был красным в белый горошек. А в те времена зонты были только черные, и никаких других. Где он такой зонт «откопал», ума не приложу. Этот зонт я очень любила и, когда выходила с ним под дождь, то встречные люди удивленно смотрели на него. Он был как выглянувшее в пасмурную погоду солнышко и как будто согревал.

Примерно в 1960-х годах я получила письмо. Обратный адрес – Ленинград, Вадим Алексеев. Димка! Я удивилась. Как он нашел мой адрес? Да еще в Томске. Читаю письмо. Письмо-исповедь. Свои юные годы Димка провел в тюрьмах, начиная с Ленинградской и кончая Колымой. Причина понятна – воровство в голодные военные годы. Писал про перенесенные кошмары тюремной жизни. Все письмо пестрело жаргонными тюремными словечками. Писал с грустью, что, возвращаясь с Колымы, заехал в Новосибирск, зашел в тот дом, в котором он у нас когда-то жил и катался по перилам лестницы. Просил прислать фотографию Марты и Греты, спросил про бабушку (мою маму), просил писать ему письма. Мы писали, но потом переписка прервалась, так как мне писать ему было нечего. Когда Марта работала в университете на кафедре иностранных языков, то периодически ездила в Ленинград на ФПК. И однажды она зашла к бывшей жене отца – матери Димки – Анастасии. Та её сразу узнала по внешнему сходству с отцом, приняла Марту приветливо. С Димкой встречи не получилось, хотя он очень хотел этого. В следующий приезд в Ленинград Марта снова заходила к Анастасии, они много разговаривали. Анастасия рассказывала, как они пережили блокаду. В следующий приезд Марты Анастасии уже не было в живых. Димке сейчас примерно 70 лет, жив ли он, не знаю.

Война продолжается

В войну в Томск привезли много блокадников. Их расселили по квартирам томичей. Одна из блокадниц Конюхова, которая работала вместе со мной, рассказала про себя следующее. Ей пришлось время рожать, а в квартире, кроме неё, никого не осталось, все умерли. Она мучалась в родовых схватках, обессиленная, легла на кровать. Когда родила ребенка, она оттолкнула его ногами в конец кровати и положила на ребенка ногу. Покричав, как положено, ребенок затих и умер. Немного отдохнув, она перекусила пуповину зубами. Потом, завернув мертвого младенца в простыню, отнесла его на улицу и закопала в снег. Сильной была эта женщина.

В Томск стала поступать американская гуманитарная помощь – яичный порошок, бывшая в употреблении одежда. Я составляла списки наших работников, заверяла их нужными подписями и печатями и ходила «хлопотать». Порошок мы получали по спискам в магазине, а одежда хранилась в административном здании на переулке Нахановича, что рядом с гастрономом №2. Там была одна из комнат, где было свалено все это «богатство». Вещи были в хорошем состоянии и большом разнообразии: вязаные теплые шапки, шарфы, блузки, пальто, обувь. Хозяйка этого склада сама по нашему списку определяла, сколько чего отпустить данному коллективу. Конечно, до Томска доходили не самые ценные вещи, по пути они не раз, наверное, сортировались в разных пунктах. Американская тушенка до Томска вообще не доходила, возможно, шла на армию.

Во время войны из Томска, без особого разрешения, нельзя было выехать по железной дороге даже до ближайшей остановки. Железнодорожные билеты продавались

только тем, кто предъявлял определенные документы. Как-то наш коллектив собрался ехать в лес за малиной в сторону Тайги. Нам предложили составить список желающих поехать и заверить его в исполкоме. Железнодорожные билеты нам продали согласно этому списку. Вот такие были строгие порядки тогда. Ну, а то, что всю войну люди работали без отпусков, получая компенсацию, это общеизвестно.

По проспекту Ленина до завода «Металлист», по улице Советской до завода «Фрезер» и лампового завода, от вокзала Томск-1 с поворотом у Лагерного сада была проложена железнодорожная ветка, по которой ходили товарные поезда, возившие военное оборудование для фронта.

Как я уже говорила, маленький томский заводик «Металлист» после того, как в него влился ленинградский завод «Пневматика», превратился в крупный завод ТЭМЗ. А московский ламповый завод разместился в новом учебном корпусе, построенном для политехнического института на углу пр. Кирова и улицы Советской. Этот завод еще в военное время стал быстро расширяться и вскоре занял целый квартал в центральной красивой части города, превратив её в экологически загрязненный участок из-за вредных выхлопных газов этого завода. По обочинам той железнодорожной ветки, о которой я говорила, люди, живущие рядом, сажали картошку.

В 1944 году моя старшая дочка Марта пошла в первый класс школы №1 на улице Пирогова. Школьное платье я сшила ей из бархатной подкладки старинного кожаного баула. Но вскоре случилась беда. Заболела скарлатиной моя пятилетняя Грета. Эта детская инфекционная болезнь была очень опасна. Врач, осмотрев дочку, сказал, что её немедленно надо отправить в больницу Сибирцева. Я отнесла Грету в эту заразную больницу на руках. Больница далеко. Размещалась в нескольких одноэтажных деревянных домах с зарешеченными окнами. Домики были плотно окружены зеленым массивом. Грету принимал сам доктор Сибирцев. Осмотрев её, он подтвердил диагноз – скарлатина. Девочка до истерики плакала и просила меня не оставлять её одну в больнице. Расплакалась и я. Доктор меня постыдил. Он был тогда уже пожилым человеком, и запомнился мне своей интеллигентностью и благородной внешностью. Детские палаты были очень маленькие и полутемные из-за стоявших вплотную к окнам деревьев. Кроватки впритык друг к другу. Я бегала в больницу навестить дочку каждый день. Общалась с ней через разбитое стекло окна, приносила ей какие-то гостинцы, что могла. Девочка все время плакала, но, наконец, привыкла. Во избежание переноса заразы Марту в школе отстранили в то время от занятий. Грету выписали из больницы через 42 дня. Но вскоре этой же болезнью заболела Марта. Её в больницу я класть не стала, и она переболела дома. Слава Богу, без осложнений.

Жизнь продолжалась, и война тоже.

Некоторые сытые городские начальники, бронированные от фронта, нанимали к себе в секретари хороших приезжих девушек, закрывались с ними на ключ в своих кабинетах, и это было в порядке вещей и никого не трогало.

В августе 1944 года была образована Томская область, и наш город стал областным центром. Наш Горпроект стал Облпроектом, хотя никаких изменений мы не почувствовали, никаких привилегий не получили. Разве что начальство получило больше возможностей.

Иногда я проходила по Тимирязевскому проспекту мимо родительского дома, который мы продали, уезжая в Новороссийск. Было очень грустно смотреть на до боли знакомые ворота, калитку с большим отполированным кольцом. Вскоре услышала страшную весть. В этом доме были убиты его хозяева – старики-супруги и их внучка-школьница. Живой осталась студентка-квартирантка, которой не оказалось дома. Убийство было совершенно топором. Убийц вскоре задержали. Ими оказались рабочие печники, которые накануне у этих хозяев переделывали печь. Злодеи, видимо, узнали, что хозяева приехали с золотых приисков и надеялись найти у них золотые слитки. После

этого страшного происшествия я избегала проходить мимо этого, когда-то милого сердцу, родного дома.

Наш коллектив Облпроекта за рекой на отведенном земельном участке посеял просо. Просо уродилось хорошо, и мы собрали неплохой урожай. Сушили просо в снопах, обмолотили, смололи в крупорушке на муку. Из этой просовой муки, которую поделили поровну, пекли лепешке. Пекли прямо на плите без сковороды. Как это было вкусно! А вот теперь ни за что не стала бы это есть.

Аркадий Гитлиц

Еще в 1941 г. в Томск вместе с другими эвакуированными приехала семья из Минска по фамилии Гитлиц. Семья из 4-х человек – родители и двое их взрослых детей: дочь Берта и сын Аркадий. Аркадий красивый стройный парень, по профессии строитель. Я с ним познакомилась на совместной работе по устройству госпиталей. Позднее он стал ухаживать за мной, но я это ухаживание отклонила, потому что Аркадий был младше меня на 7-8 лет. Мы с ним стали хорошими друзьями. Аркадий постепенно продвигался на работе и вскоре стал начальником Банно-прачечного треста. Этот трест в годы войны выполнял очень важную работу. В город потоком ехали люди – беженцы, эвакуированные, ссыльные. Их всех нужно было помыть, провести дезинфекцию вещей, и все это легло на Банно-прачечный трест. Работы много. Важным объектом в военное время была знаменитая Громовская баня (по фамилии купца Громова, некогда владевшего ею). Весь поток приезжих пропускали в основном через эту баню. Здание бани я знала досконально, от подвала до чердака. Нужно было увеличить пропускную способность бани, а это значит, надо было больше нагревать воды. Для этого требовалось увеличить мощность котельной и емкость баков. Я этим занималась, и мы опять были связаны по работе с Аркадием.

Я познакомилась Аркадия со своей бывшей однокурсницей по техникуму Надей Стужаковой, и у них завязался любовный роман. Надя высокая, стройная с красивым лицом. Она пренебрегла условностями, не посмотрела на то, что Аркадий младше её. Она была замужем, у неё росла дочь, но муж (Пашка Коковин) был настоящим оболтусом, и Надя без сожаления рассталась с ним. Жила с родителями. Родители её жили богато. Имели свой дом (теперь он сохраняется как памятник архитектуры), красивую мебель, золото и другие ценные вещи. Все Стужаковы были удивительно чистоплотны, но педантичны и скупы. Все у них было разложено по полочкам. Не дай Бог, если какая-нибудь вещь окажется не на своем месте, - разговоров не оберешься: «Кто нарушил порядок?» А если разбивалась какая-нибудь чашка или блюдце, то был настоящий переполох, вплоть до того, что считали, на сколько осколков разлетелась посуда. Мама Нади работала медицинской сестрой. Властная крупная женщина. Отец Нади – бухгалтер. Я в этой семье бывала иногда на каком-нибудь торжестве и наблюдала, как чинно и важно они сидят за праздничным столом. Нет, у меня не было неуважения или неприязни к родителям Нади. Это была в общем хорошая семья. У Нади был брат Анатолий. Тоже строитель. Он руководил закладкой строительства нашего нового аэропорта, но вскоре умер. В то время, когда он женился, родители сразу отделили его. У Нади не сложились отношения с невесткой, они стали настоящими врагами. Особенно эти отношения обострились при дележе родительского наследства после смерти отца и матери. Об этом мне рассказывала Надя.

В праздники мы часто собирались втроем. Хотя Аркадий был абсолютно равнодушен к алкоголю, но в компании рюмку-другую вина себе позволял. На наши вечера он где-то доставал бутылку вина, а на закуску были те же драники и парёнки. Нас это не удручало. Аркадий был отличным собеседником и танцором. Мы «крутили» пластинки и танцевали. Чаще всего собирались у меня на кухне. Иногда собирались у Гитлицев. Отец Аркадия работал штукатуром на всяких ремонтных работах. Он был очень

остроумный человек и всегда развлекал нас всякими смешными рассказами и еврейскими анекдотами. При этом никаких сальностей не допускалось.

Аркадий зарекомендовал себя ответственным серьезным работником, и руководство города ему доверяло. Вскоре его назначили главным инженером, а затем и управляющим «Водоканалтреста». Ну, а роман Аркадия с Надей, спустя 3-4 года, стал затухать, и они расстались. Надя переживала разрыв. Родители Аркадия хотели, чтобы он женился на Наде, но ему было виднее...

Сразу скажу о дальнейшей судьбе Нади. Она растила дочь одна, дочь выросла, вышла замуж и уехала в Подмоскowie. Однако, вскоре разошлась с мужем, и Надя уехала к дочери.

В «Водоканалтрест» по распределению приехала как молодой специалист девушка Анечка. Она «по уши» влюбилась в Аркадия. Анечка – хрупкая, небольшого роста девушка невыразительной внешности. Можно сказать, неприметная. И вот ведь – через год или два Аркадий на ней женился. Родители его были в шоке: «Кого ж ты выбрал Аркаша? В ней ни красоты, ни ума!» Аркадий отшучивался: «Зато я красивый и умный, и нам этого хватит на двоих».

Я виделась с Аркадием теперь только в официальной обстановке, когда нужно было согласовать какие-то чертежи. Он действительно был красив, умен. Был деликатен, особенно по отношению к женщинам. Всю войну Аркадий носил барчатку. Это овчинная шуба, приталенная в поясе. Такие тогда были в моде. Меня он по-прежнему называл Галкой, и мы оставались друзьями. Еще до женитьбы на Анечке, рассказывал мне о ней. Анечке трест выделил маленькую комнатку. Аркадий зашел к ней посмотреть, как она устроилась, и потом высмеивал её мещанский вкус. К книжной полке она прикрепила кружавчики, бантики, тоже – к косяку двери, настелила везде всякие салфеточки. Слушая Аркадия, я и подумать не могла, что он на ней женится. Но это произошло. Наверное, его привлекла незащищенность этой девушки, её наивность и кротость. И он не ошибся в своем выборе. У них родилось два сына. Я видела их уже юношами. Один учился на биологическом факультете ТГУ.

Аркадий в эпоху Лигачева был начальником «Томскжилстроя». Я вспоминаю в связи с этим один курьезный случай. В конце 1960-х или начале 1970-х годов, точно не помню, в праздник 7 Ноября в Томске, как обычно, проходила демонстрация трудящихся. Стоящих на трибуне возглавлял Е.К. Лигачев. Идут мимо одна за другой колонны демонстрантов. Во главе колонны «Томскжилстроя» идет его управляющий А. Гитлиц. И надо же было такому случиться! Поравнявшись с трибуной, Аркадий поскользнулся и упал. Вместе с ним бухнулся портрет члена политбюро, который он нес на палке на своих плечах. Это не ускользнуло от противоалкогольного ока Е.К. Лигачева. Раз Гитлиц упал, значит, был пьян! Явиться на демонстрацию в таком виде! Позор! Конечно, Аркадий не был пьян. Я уже говорила, что он практически не пил. А тут демонстрация, и он – руководитель коллектива тем более не мог себе этого позволить. А поскользнуться в ноябре у нас в Томске немудрено. Но сразу после праздника последовало решение секретаря обкома. Гитлиц был снят со своей должности и переведен в мастера на стройку. Аркадий был сломлен, оскорблен, унижен. Долго в городе обсуждалась эта история. Аркадий устроился на работу начальником ОКСа горисполкома, но эта канцелярская работа была ему не по душе. Здоровье было подорвано, и вскоре у него открылся рак. Его верная жена Анечка не отходила от мужа, и его смерть была трагедией для неё. Это она рассказала мне подробности той истории. Меня долго не было в Томске, и я даже не знала о смерти Аркадия. Анечка ненадолго пережила мужа. Заболела тяжелой болезнью мозга (может быть, тоже рак) и умерла. А работала она долгое время в «Теплосетях» Томскэнерго. Знаю только об одном из сыновей Аркадия и Анечки, поскольку он иногда выступает по местному телевидению. Он охотовед и возглавляет Томское общество охотников.

Я так подробно рассказала об Аркадии, потому что с ним связан кусочек моей жизни самого тяжелого военного периода. Мы много вместе перенесли, у нас были общие переживания, и когда встречались, были рады друг другу, нам было, что вспомнить.

И еще несколько сюжетов из военного времени

Все хочу закончить воспоминания о военном времени, но всплывают и всплывают в памяти новые сюжеты.

У нас работала молодая женщина (впрочем, мы все были молодые тогда) Соня Дымнова. – сметчица. У неё был муж Тимофей и сын Юра. Тимофей учился на последнем курсе медицинского института. Он нежно относился к жене, часто заходил к нам в Горпроект. Если Сони не было на месте, он спрашивал: «А где моя девочка?» А Соня, наоборот, относилась к мужу с гонором, «выпендриваясь» перед нами. Вот, мол, как я с ним! Но вот Тимофея отправили на фронт, когда он еще не получил диплом врача. Он писал Соне письма, а она приносила их на работу и зачитывала вслух. Примерно через год поток писем прекратился. Соня в тревоге. Погиб? Но в военкомате, куда она обратилась, сказали, что сведений о гибели её мужа они не получали. Соня ждет, думает, что, может быть, Тимофей находится в таком месте, откуда писать нельзя. Через какое-то время приходит письмо от Тимофея, в котором он пишет, что жив, здоров, но пусть Соня его не ждет, он к ней не приедет, потому что встретил и полюбил другую женщину, и Соня ему больше не нужна. Получить такое письмо от мужа равносильно похоронке, но Соня еще на что-то надеялась. Она писала в часть, где служил муж, ей не ответили. Позднее Соня узнала, что там на фронте с Тимофеем вместе работала врач – красивая армянка. Вот на неё-то он и сменил свою Соню. С окончанием войны Тимофей приезжал в Томск, чтобы оформить развод и больше в Томске не появлялся. Соня вырастила сына, но он утонул, будучи на практике где-то на Алтае.

В 1942 году к нам в Горпроект устроился на работу новый сотрудник – молодой мужчина, поляк. Причем не советский, а из Польши. Сначала мы с женским любопытством незаметно к нему присматривались: как одевается, как ходит, как сидит и т.д. Ничего о нем мы не знали. Фамилия его – Фурманчик, имя – Бернард Теофилович. Как он оказался в нашей стране? Тогда по городу ходили разговоры о каком-то «войске польском», но толком никто ничего не знал. Вскоре мы познакомились, и он, веселый и общительный парень, влился в наш коллектив. Наша уборщица, милая Александра Ивановна, не могла выговорить его имя Бернард и называла его губернатором. Меня Бернард называл на польский манер – «Галюсенька». Проработал он у нас год, а потом уехал, видимо, не по своей воле, в другой город. Поляков все время перемещали по разным городам. И, наконец, всех блуждающих по нашей стране поляков отправили на родину, а многих расстреляли. Прошло лет тридцать, как кончилась война, примерно в 1975 году. Я жила на другой квартире, и у меня уже был в доме телефон. Однажды зазвонил телефон, и незнакомый мужской голос, осведомившись, кто у телефона, спросил у меня, знаю ли я Бернарда Фурманчика. Что-то знакомое мелькнуло в памяти, и я ответила, что знаю. Звонивший мне сказал, что был в Польше на лечении и познакомился там с Б. Фурманчиком. Тот был очень обрадован, встретив Томича. Очень просил разыскать в Томске кого-нибудь, с кем он работал в годы войны в Горпроекте, и назвал ему несколько фамилий, в том числе и мою. Через некоторое время я получаю письмо из Польши от Бернарда. Обращается ко мне: «Госпожа Телегина!» Господи, какая я госпожа! Просит меня написать про всех общих знакомых – и про двух Николаев, и про Соню Дымову, вернулся ли с войны её муж. И даже про уборщицу Александру Ивановну спросил. Письмо было очень теплым. Было удивительно, что человек, проработавший с нами всего год, находясь уже в далекой Польше, помнит о нас, интересуется судьбой каждого из нас. Я написала ему подробное письмо, рассказала о бывших коллегах, написала, что Николаев уже нет в живых. Закончила письмо подписью «Галюсенька». И в следующих письмах он так и обращался ко мне. Он написал о себе, что живет вдвоем с

женой Марусенькой, детей у них нет, страна живет бедно. Наша переписка продолжалась недолго и вскоре закончилась. Я храню его письма, теперь уже чуть ли не вековой давности. Для чего храню, не знаю, видимо, привычка такая, всякую бумагу сохранять.

Но возвращаюсь опять к военному времени. Как-то моя младшая дочь Греточка говорит: «Мама, ты бы женилась на ком-нибудь, а то у всех девочек есть папы, а у нас нет». Я удивилась, ведь Грета ни разу не произнесла слово «папа», потому что отца не стало, когда она еще не говорила. «Жениться» в то время у меня и в мыслях не было. Впрочем, и женихов тоже не было. Ухажеры или слишком молоды, или из той категории, что предлагают временную любовь, т.е. семейные мужи. Я была увлечена своей работой и была постоянно занята. Работала и дома по договорам. Порой, если интересный проект, сидела над ним всю ночь. Спать не хотелось, тем более что в постели меня никто не ждал.

Для эвакуированных заводов я проектировала различные системы технологического водопровода, вентиляцию. Для завода резиновой обуви проектировала котельную, которую разместили прямо в Богоявленском соборе. Там был установлен паровой котел Шухова. По внешнему виду он похож на паровоз, поставленный на попа. Его труба, как у самовара, была выведена на улицу через купол собора. И вот стояла эта махина в храме и шипела паром, а на стенах по сторонам «порхали» ангелочки и архангелы. Все вокруг завода было покрыто черной сажой, включая жилые дома и оконные стекла. Технологическая сажа хранилась открыто в нескольких местах в районе завода. Над хранилищем была только крыша. Сажу раздувало при ветре во все стороны. Недавно я съездила посмотреть великолепно восстановленный Богоявленский собор. У каждого храма, как у человека, своя судьба. Я как-то прочитала, что французы, делая свою революцию, ломали тюрьмы, а храмы не трогали. А вот, когда отгремела наша Октябрьская революция, стали разрушать храмы и строить тюрьмы.

Война кончилась!

Об окончании войны я услышала рано утром, когда собиралась на работу. За стеной нашей квартиры, где размещалась контора охраны политехнического института, кто-то из мужчин закричал: «Ура-а-а! Война кончилась!» Этот радостный крик повторялся несколько раз. Я почему-то заплакала. Прямо нервный шок какой-то. Сообщение было грандиозным, поразительным, потрясающим.

Наступила послевоенная тяжелая и все еще голодная жизнь. В некоторых магазинах началась продажа коммерческого хлеба. За ним выстраивались огромные очереди, часто случались давки. В обиходе появились немецкие губные гармошки. На них «пиликали» раненые в госпиталях и ребятишки. Возвращались фронтовики. Боевые наши генералы везли для себя вагонами награбленное в побежденной стране имущество, включая музыкальные инструменты (пианино, аккордеоны), красивую мебель, посуду и другое. С железнодорожных платформ разгружалось демонтированное в Германии заводское оборудование – станки и другие агрегаты. Все это развозилось по нашим заводам.

На какой-то городской лотерее я выиграла чулки, чему была страшно рада. Чулки самого низкого сорта, к тому же зеленые. Но это же чулки!

Вернулся с японского фронта мой брат Толя. Вернулся инвалидом с оторванной ступней.

Начинают свертываться госпитали, освобождаются здания школ. Но раненых еще много. Их по-прежнему можно встретить гуляющими на улице в полосатых пижамах. Госпиталь №2-12 в горном корпусе ТПИ на улице Советской, во дворе которого мы жили, тоже закрывается. Недолеченных бойцов переводят в другие еще действующие госпитали. Как-то прибежала с улицы Марта и с волнением рассказывает, что во дворе госпиталя умерла лошадь. Грета спрашивает: «Как, вместе с телегой умерла?»

Во владение освобожденным зданием вступают в 1946 году его хозяева – политехнический институт. А нам жить в нашей квартире довольно тесно, и мама меня

часто упрекает в том, что я с Борисом виновата в продаже нашего дома. Мама, конечно, была права.

В 1947 году нас постигла новая беда. Тяжело об этом вспоминать. Как-то я иду с работы и вижу на проспекте Ленина около кинотеатра им. Горького своих дочек. Я испугалась, они никогда так далеко от дома не уходили. Обе заплаканные, а Грета просто невменяема. Рассказывают, что их из квартиры выгнали какие-то дяденьки, вытащили все вещи и бабушку на кровати. Я остолбенела. Подходим к дому, и я вижу, около крыльца стоит кровать, на ней лежит мама, разбросаны подушки, посуда свалена, как попало, здесь же стулья, стол. А в нашу квартиру уже вселена другая семья – муж с женой. Это произошло в конце сентября, когда убрана была и засыпана в подполье картошка, порхали первые снежинки. Я села на стул, стала думать, что же делать. Потом, сжав зубы, хотя на глазах слезы, начала вносить вещи обратно в дом. Новые жильцы были смущены и не препятствовали мне, даже сочувствовали. Часть вещей сложили в сених, часть – на кухне. Потом дети и мама легли спать на кухне, а я в сених на сундуке. Утром я пошла по инстанциям. В Облпроекте повозмущались, посочувствовали. Но чем они могли мне помочь? Ничем. Пошла в Горкомхоз, который ведал всем жилищным фондом города Там тоже безрезультатно. Потом пошла в горком, в облисполком, к районному прокурору. Везде спрашивали: «А где Ваш муж?» Я не могла сказать, что муж «враг народа» и отвечала, что он погиб на фронте. Спрашивали документы, которых у меня не было (был только документ про 58-ую статью, по которой осужден мой муж). Во всех кабинетах этих советских чиновников я не могла сдерживать слезы, от обиды и унижений они лились сами собой. Вся моя вина была в том, что я жила в ведомственной квартире. Мы только что пережили страшную войну, голод и холод, и как же можно так жестоко поступать со своим народом! Выгнали из дома на улицу маленьких перепуганных детей, вытащили вместе с кроватью старого больного человека. И я видела во всех этих чиновниках, к которым ходила просить помощь и не получала её, настоящих фашистов, еще похлеще германских. Ректором политехнического института был А.А. Воробьев, и акция моего выселения не обошлась без его вмешательства. Квартира, которую мы занимали, состояла из одной маленькой комнатухи и кухни в старом деревянном доме, построенном, наверное, лет сто назад.

Наконец, я обращаюсь к нашему депутату Верховного Совета – К.И. Лаврентьеву, директору ТЭМЗа. Это был очень уважаемый в городе человек. Я дождалась его в проходной завода, так как поймать его в кабинете было очень трудно. Рассказала ему о своей беде. Он меня внимательно выслушал и сказал: «Переходите к нам на завод работать, и мы Вам дадим жилье. Обратитесь к начальнику ОКСа Портнову, я с ним поговорю». И я пошла к Портнову, которого немного знала, потому что в войну я что-то чертила и для завода, а эта работа оформлялась через ОКС.

А.Г. Портнов – высокий, стройный, с волнистой рыжей шевелюрой. Бывший одессит, умный. Ходил с тростью, потому что немного прихрамывал. Встретил меня с улыбкой, нельзя было не улыбнуться в ответ. Вспоминаю его как интересного собеседника. У Александра Григорьевича была очень красивая жена и двое детей – сын и дочь, а старший сын погиб у них на фронте. Семья жила на пр. Кирова, 18. Как-то получилось так, что во время войны и после здесь жило несколько еврейских семей, представители которых работали на ТЭМЗе. Томичи в шутку называли этот дом синагогой.

В ОКСе Томского электромеханического завода

После переговоров с Портновым я уволилась из Облпроекта и устроилась работать в ОКС ТЭМЗа. ОКС располагался в здании заводууправления, которое и теперь стоит напротив завода. Когда я работала в проектной организации, то к заводам относилась с пренебрежением. Считала, что там много грязи, шума, кругом сплошное железо, а народ грубый, и все разговаривают матом. Но когда я начала работать на заводе, мое мнение об

этом резко изменилось. На заводе оказалось много интересных образованных людей. Работа тоже интересная, очень много дел, и сама жизнь на заводе буквально бурлила, была насыщенной и неоднобразной.

Комната, в которой размещался ОКС, маленькая и находится у самого входа с улицы. Сотрудники сидят впритирку друг к другу. В углу отгорожен кабинет начальника – тоже малюсенькая каморка. В уголке за рабочим столом и чертежной доской сидит моя техникумовская подружка Галя Соколова – молоденькая, пухленькая. В другой стороне сидят высоченный немец Кац, всегда съезжившийся плановик Вильчинский, постоянно курящая бухгалтер, важная Сабослаи, а еще молодой парень, фронтовик, почему-то сосланный в Сибирь, Ваня Чечин. Ваня умный, серьезный, работает табельщиком, выявляет прогульщиков. В то время с этим строго было. За один день прогула на человека оформлялось дело в суд. Вот Ваня этим и занимался, хотя это было противно его натуре. Прогульщиков он называл проклятыми, а они на него злились и как-то раз пытались прямо в коридоре заводоуправления побить парня.

Мы с Галей Соколовой поставили свои столы рядом перед большим окном, и как-то оказались несколько в стороне от других сотрудников. Бухгалтерша Сабослаи недолго любила нас с Галей, ей казалось, что мы заигрываем с её мужем Вильчинским. Когда эта назойливая тема в её разговорах стала повторяться, я сказала ревнивой супруге в присутствии Вильчинского: «Даже если бы Ваш муж был единственным мужчиной в городе, я все равно на него не посмотрела бы». Сказала еще что-то колкое. Вильчинский очень обиделся на меня и обходил стороной, даже когда «стрелял» у коллег очередную десятку на выпивку.

Примерно через месяц после моего поступления на работу в ТЭМЗ, мне дали жилье. Именно жилье, а не квартиру. Но ничего лучшего не было. Каждый метр заводской жилой площади был плотно заселен еще во время войны эвакуированными. Маленькая квартирка, в которую мы вселились, находилась в деревянном доме на улице Фрунзе, около базара. В квартире два маленьких окна, все удобства на улице. Но мы с мамой рады были и этому углу, потому что были уверены, что отсюда нас не выселят. Тем более, что Портнов сказал мне, что это временно. Дал мне машину, рабочих для перевозки вещей. Они мне даже картошку вытащили из подполья и перевезли в другое. Вообще А.Г. Портнов мне сочувствовал и старался во всем помогать. Между нами образовалась взаимная симпатия друг к другу, переросшая в роман. Воздушный. Он длился до его отъезда из Томска. Был только один поцелуй на прощанье.

Портнов был очень строгим начальником. Он требовал от работников порядка и беспрекословного подчинения. В ОКСе работал прорабом Саша Мильштейн. Это был щуплый, небольшого роста юркий парень. Поротов ненавидел его за его некоторые нечистоплотные проделки. Мильштейн руководил строительством жилого дома на улице Тимакова (в котором теперь живу я). Жил он на этой же улице, где снимал квартиру в частном доме. Перед началом строительства он построил прорабскую, то есть конторку, где хранилась документация, и обсуждались всякие дела по строительству. Обжившись на этой строительной площадке, Саша перетащил из своего дома в контору курятник с курами, а потом пристроил закуток и для поросенка. В конторе с тех пор всегда раздавалось хрюканье и кудахтанье. Обнаружив это, Портнов возмутился, вызвал к себе Мильштейна в кабинет, где состоялся крупный разговор. Мильштейн выкручивался, как мог, дошло до ругани. Портнов попросил Гаю Соколову нарисовать на эту тему карикатуру, рассказал сюжет. Галя, отличный карикатурист, постаралась, ведь дела Мильштейна возмущали многих. Но карикатуре был нарисован вяло строящийся дом (это Галя подчеркнула деталями), рядом курятник со свинарником, кучи навоза. На самой высокой куче, которая была выше воздвигающегося дома, на самой макушке распевал петух. На рисунке соответствующая надпись. Карикатуру повесили в коридоре на самом видном месте. Все, кто приходил в контору, в том числе и рабочие, видели её. Видел её и Мильштейн, и вскоре его хлев со стройплощадки исчез.

Начальнику ОКСа ежедневно с утра подавалась лошадь с экипажем, и он ездил по строительным объектам. Портнов был заметной фигурой на заводе, пользовался уважением. Иногда к нему заходили по делам начальники цехов, и, если собиралось 2-3 человека, то прикрывалась дверь в его кабинет, и слышны были приглушенные разговоры, а потом раздавался громкий смех. Значит, кто-то рассказал новый анекдот.

В Томск, как и в другие города Сибири, после войны было выслано много бывших фронтовиков. Среди репатриированных были и люди с Кавказа, и лица из Прибалтики (в том числе и гражданские). Их распределяли на работу на заводы и стройки. И вот у нас в ОКСе работало много таких людей. Кавказцы были здоровые, крепкие и непьющие. Работали как бульдозеры и без отдыха. Иногда приходили в контору на прием к начальнику. Однажды, дожидаясь начальника, один грузин рассказал нам с Галей, что он недавно выписался из больницы, и ему нужна помощь, за которой он пришел. Лежал он в клинике Савиных и некоторое время находился в коме. Врачи определили смерть, и мужчину унесли в морг. В морге через некоторое время он очнулся и увидел в полутемном помещении лежащих мертвецов. Понял, где находится, испугался и громко закричал. Кто-то услышал крик, и в морг прибежала медсестра. Но она испугалась, увидев стоящего на ногах «покойника» и убежала. Потом пришла бригада медиков, и бедолагу снова положили в палату. Вот такую историю рассказал нам бывший «покойник».

Когда мы с Галей Соколовой учились в техникуме, то подружками были недолго. Нас разлучило то, что она осталась учиться в строительной группе, а я попала в группу сантехников. Встречались мы очень редко, практика и учеба у нас была в разных местах. Встретившись в ОКСе, мы подружились заново. Галя занималась реконструкцией старых корпусов завода, изыскивала дополнительные производственные площади. Ведь завод расширялся. Она проектировала разные пристройки, надстройки, перепланировку. Это было достаточно сложным делом, ведь все надо было увязывать с существующими конструкциями и оборудованием. Легче было запроектировать новую постройку. Я занималась сантехникой. В основном проектировала вентиляцию в горячих цехах – термическом, кузнечном, литейном. В этих цехах постоянно обновлялось оборудование, и требовались новые вентиляционные установки. Мы с Галей были очень старательными работниками, нам часто не хватало рабочего дня, и мы засиживались порой допоздна. Наша работа ценилась и директором завода К.И. Лаврентьевым. Он был первым директором ТЕМЗа и его основателем. Завод при нем имел хорошую славу в городе и был передовым.

Лаврентьев был незаурядной личностью на заводе. Его уважали все – и рабочие, и служащие. Он всех называл по имени и отчеству. Директор был маленького роста, немного полноват и был похож на Наполеона. В приемные дни к нему шли люди со своими просьбами и жалобами. Приходили даже жены работников завода с жалобами на своих неверных мужей, просили «приструнить» и «накрутить хвоста». Такое в то время было обычным делом. Если не к директору, то в партком. Лаврентьев всех принимал, выслушивал. Прием затягивался допоздна, потому что народ все шел и шел.

На заводе работал ассенизатором Кобзев. Тогда канализации в городе еще не было, и нечистоты из уборных, сооруженных на улицах и в зданиях, вычерпывались в бочку и вывозились за город. Кобзев на своей работе был просто асс. С бочкой он был неразлучен и делом не брезговал, другой работы не хотел. Как-то он пришел к Лаврентьеву просить отпуск. Директор подумал и сказал: «Знаешь, Кобзев, на заводе есть два незаменимых человека – это ты и я. В отпуск мы пойдем вместе: когда смогу пойти я, тогда пойдешь и ты. Так что подожди». В своей вонючей робе Кобзев вышел из кабинета очень довольный.

В плановом отделе завода работала одна особа, не первой молодости, но кокетка. Она любила надевать прозрачные блузки, из-под которых просвечивало все, что надето под ней. По работе ей нужно было часто заходить к директору с теми или иными документами. И как-то Лаврентьев сказал своей секретарше, чтобы она не впускала эту женщину к нему, когда она так прозрачно одета.

Константин Иванович Лаврентьев надолго остался легендой для тэмзовцев. Будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, он «выбил» у правительства деньги на строительство Дома культуры. Строительство началось еще при нем. Также при нем началось строительство жилья для работников завода. Примерно в начале 1950-х годов Лаврентьев вернулся в Ленинград. После него директором стал Паточкин. Значительным он был только по своему телосложению, хороших дел и легенды он после себя не оставил. Перед каждым праздником он ездил в Москву в «командировку», а на самом деле за продуктами для своей семьи. Только этим его на заводе и запомнили. Потом директора на заводе менялись как перчатки.

Ну, а что касается нашего непосредственного начальника А.Г. Портнова, в конце 1940-х годов у него тяжело заболел сын. Полиомиелит. Мальчик был на грани жизни и смерти, остался жив, но стал калекой. Чтобы поддержать здоровье мальчика, семья переехала в Одессу с надеждой, что теплый климат и море помогут ребенку справиться с недугом. Через несколько месяцев я получила письмо от Портнова, написанное на служебном бланке какой-то одесской строительной организации, где он работал главным инженером. Письмо было немного деловым, но дело, о котором шла речь, скорее было предложением для переписки. В конце письма подпись: «Ваш друг Портнов». Я долго мешкала с ответом, и в конце-концов вообще не ответила.

В 1964 году я была на курорте в Одессе и, зная адрес Портнова, уже когда отдых мой подходил к концу, я пошла к нему на квартиру. Встретила меня его жена (имени её не помню) – все еще красивая женщина. Она меня сразу узнала, хотя видела в Томске всего один раз. Она сказала, что Александр Григорьевич лежит в больнице. А причина его болезни была в том, что буквально на днях в Одессу приезжали из Томска его бывшие сослуживцы-тэмзовцы, и они бурно, по-сибирски отметили встречу. В результате Портнову пришлось обратиться к врачам, которые направили его в больницу. Видела сына Портновых. Он окончил университет, но недуг так и остался при нем. У парня было очень красивое лицо, глаз не оторвать, но очень печальные глаза. Его позвоночник был искривлен, и на работу он ходил в сопровождении матери, как в прошлом в университет. Вид его вызывал сострадание. Мы с женой Портнова договорились вместе пойти в больницу. К тому времени у меня уже начали седеть волосы, и это вызывало у меня грусть. Перед посещением больницы я сходила в парикмахерскую и покрасила волосы. В Одессе посещение больного, лежащего в больнице, не сопровождалось никакими условностями. Не требовалось разрешения врачей и белого халата. Мы перед входом в палату сняли плащи, повесив их на руки, и вошли. Увидев меня, А.Г. не поверил своим глазам. Убедившись, что не ошибся, обрадовался. Вскоре жена его ушла, а я осталась. В палате лежало несколько не тяжело больных людей. Сначала мы разговаривали вдвоем. Александр Григорьевич спрашивал про ОКС, что строим, где строим, про всех сотрудников ОКСа. Потом к разговору подключились другие больные. Тогда в тех южных местах (да и не только там) отношение к Сибири было негативным. Сибирь представлялась страшной глухоманью, народ в ней полудиким, и солнца там не бывает, и люди на ходу замерзают, а женщины там – одни проститутки. В ходу была поговорка, что в Сибири «птицы не поют, цветы не пахнут, и женщины не любят» (наверное, её придумали в Одессе). Я защищала свою родину, как могла. Говорила, что ранней весной все их южные птицы прилетают к нам в Сибирь, и они еще лучше поют, чем здесь, у них, а строят гнезда и выводят птенцов они именно у нас! Говорила, что букет сибирских полевых цветов своим нежным ароматом затмит все запахи южных цветов, выращенных на клумбах. «А сибирские женщины не ледяшки. Преступники, живущие в Сибири, - большей частью выходцы с юга. Вы их нам высылаете на перевоспитание». Конечно, разговор проходил в шуточной форме. Портнов меня поддерживал. Я просидела в палате около двух часов. При прощании Александр Григорьевич поцеловал мне руку. В этот же день я встретила с его дочерью. Она была врачом. Очень обаятельная девушка. Еще в Томске она окончила медицинский институт. Спрашивала у меня про известного в то

время томского хирурга Петра Андреевича Титова – ученика А.Г. Савиных. Рассказала, что когда она училась в мединституте, он вел у них занятия, и все девчонки-студентки были в него влюблены. Это немудрено. Титов был красив и умел шутить. Я его знала как Петю Титова, еще подростком. Он дружил с моим братом Виктором. Ходил в овчинной барчатке, подпоясанной красным кушаком с кистями, и выглядел живописно. Отец его был репрессирован в 1937 году. Петя, к сожалению, рано умер.

Дочь Портнова сказала, что продолжает образование, хочет получить ученую степень, но в Одессе это трудно сделать, так как евреев не пускают даже в аспирантуру. Рассказала мне немного про Одессу, про то, что здесь процветает проституция. Предлагая себя, проститутки прохаживаются по Дерибасовской или в районе порта, позвякивая ключом, надетым на палец с кольцом.

Попрошавшись с Портновыми, я этих приятных людей больше никогда не видела.

В Одессе я побывала в знаменитом оперном театре, сфотографировалась на красивой лестнице, пошагала по Потемкинской лестнице и уехала в свою Сибирь.

Но я забежала вперед...

Когда ТЭМЗ после войны экономически окреп, то приступил к строительству жилых домов для своих работников. Это были уже не отдельные дома, а целые поселки – кварталы. Строились они нашим ОКСом. У нас с Галей Соколовой дел было невпроворот. Она проектировала строительную часть, а я свою любимую сантехнику – наружные инженерные сети, котельные. Кроме того, я еще руководила монтажом всех систем. ОКСом было построено в послевоенные годы четыре крупных жилых поселка – на ул. Киевской, ул. Студенческой, ул. Дзержинского и на московском тракте.

В 1948 году закончилось строительство жилого 16-ти квартирного дома на улице Тимакова, 4. Тогда эта улица называлась Владимирским переулком. Началось распределение квартир. Я ждала получения квартиры в этом доме и потому сильно волновалась: дадут или не дадут? Тогда все блага в первую очередь предоставлялись рабочим, а ИТР и служащие были на втором месте. Им доставалось то, что останется. Но квартира мне досталась, и это благодаря А.Г. Портнову.

В каждую квартиру из двух комнат вселяли по две семьи. Моим соседом по квартире стал наш оксовский кладовщик Сизинцев с женой и ребенком. В доме центральное отопление от собственной котельной, которая находилась в подвале, в квартирах холодная вода. Все остальные удобства – помойка и уборная – на улице. Летом помои выливали в уборную, а зимой прямо во дворе в одно место. Там за зиму намерзал айсберг, который весной разрубали ломами и увозили. На дворе и в квартире тучи мух. На столах и на окнах стояли блюда с «Мухоморами». Во дворе были построены деревянные сараи для дров и угля, которыми топили плиты в квартирах. Уютные плиты на кухнях, выложенные из кирпича, предназначались для приготовления пищи. Топили их углем. В нашей кухне два кухонных стола, под ними курятники. И мама, и соседка держали кур. В положенное природой время в квартире распевали петушки. На стенах висело два умывальника, один на кухне, другой в коридоре. Под каждым умывальником стоял таз для помоев. Жили в этих коммунальных квартирах без скандалов, но отдельные случаи взаимного недовольствия бывали. Куда от этого денешься? Терпели.

Одновременно со строительством этого дома прораб Саша Мильштейн и мой сосед-кладовщик Сизинцев строили где-то для себя собственный двухквартирный дом. Для них это не составляло труда и особых затрат. Через полтора года они переехали в свой дом. Освободилась комната Сизинцева в нашей квартире. На неё сразу десяток претендентов. Но я надеялась, что она достанется мне. Комнату закрыли на ключ, и завком завода наложил на неё свою «лапу». Только рабочим! Я иду к Лаврентьеву. Он все знает и сказал: «Подождите немного, пусть улягутся страсти», - и велел комнату опечатать, что и было сделано. Через полтора месяца меня вызвал начальник ЖКО и вручил ордер на эту комнату, подписанный Лаврентьевым. Так я оказалась хозяйкой

отдельной квартиры. Нашей семейной радости не было конца. Жилая площадь нашей квартиры – 28 кв. м., нас четверо.

Когда немного обжились в доме, стали благоустраивать двор. Разбили посредине сад. Каждая семья сделала свою клумбу и ухаживала за цветами. Насаживали кустарник. Саженцами помог завод. Однажды привезли какие-то зеленые палки, сказали, что это саженцы тополя. Каждая семья выкопала ямку и воткнула туда по палке. Из этих палок теперь выросли огромные раскидистые тополя, высотой с десятиэтажный дом. Мы стали их бояться. Если упадут, то крыше нашего дома, а то и перекрытию будет хана. Один тополь уже упал в 2000 году. Он угодил на крышу моего сарая, где я храню старые журналы и интересные газеты, в том числе со знаменитыми длинными докладами Н.С. Хрущева, написанные Аджубеем. Тогда ходил в народе анекдот: «Можно ли слона закрыть газетой? «Армянское» радио отвечает: можно, если в ней напечатать доклад Хрущева». В нашем дворе была замечательная лужайка с ромашками. Квартирами играли во дворе в лапту. В доме жила пожилая дама – Мария Тимофеевна Кардышева. У неё был прекрасный и сильный голос. Она часто пела по нашей просьбе русские песни. Мне особенно нравилось, как она пела: «Поедем, красotka, кататься, давно я тебя поджидал...» Если бы она имела соответствующее музыкальное образование, думаю, она стала бы известной певицей, но в молодости ею некому было заняться. Мария Тимофеевна была хранительницей нашего сада. Двор был обнесен деревянным забором, и стояли крепкие, сделанные по старинке, ворота. Во дворе много скамеек. Двор был уединенным, им пользовались только те, кто жил в доме. Между деревьями даже весили гамаки. Но однажды в нашей местной газете появилась статья, в которой говорилось, что за границей в городах никаких заборов, ворот и дворов нет, и люди там ходят свободно, где хотят. И мы постепенно стали привыкать жить, как за границей. Заборы поубирали, там, где они оставались, в них выламывали доски, и люди протискивались в щели, чтобы сократить себе дорогу. И наш двор стал проходным со всех сторон света. В проходном дворе все плохо. Есть же у нас поговорка – «Жить как в проходном дворе». Это означает полнейший беспорядок. Через весь двор широкая проходная тропа. Сначала её проложили дети, а потом их поддержали и взрослые. Скамеек не осталось, все поломали. Сад наш никому не нужен. Только моя дочь Марта прибирает его весной, сгребаёт прошлогодние листья. И остался в нем один маленький уютный уголок. В нем растет прекрасный куст рябины. Я посадила его лет 15 назад, привезла из Богашева. Здесь растут и цветут в мае ландыши. Но они зарастают летом бурьяном. А ведь эти цветы занесены в Красную книгу, как исчезающие.

В 1949 году по городу началась вербовка людей разных специальностей на строительство под Томском какого-то засекреченного объекта. Приглашались только коммунисты и комсомольцы. Мы не знали, что это за объект, могли только гадать, думали, может, новый спецлагерь или тюрьма. Только подобное приходило в голову. Но вот радиостанция «Голос Америки» рассказала, что в СССР вблизи Томска в деревне Белобородово строится крупный ядерный объект. Америка знала, а мы, живущие рядом, – нет. Однако, и такая информация была народу непонятна. Знали одно, что строится Почтовый. Через год-два разбогатевшие почтовские на собственных машинах стали приезжать на наш рынок за овощами, ягодами, зеленью. Все остальное они покупали у себя. Снабжение там было отменное. Повезло тем Томичам, у кого на Почтовом были знакомые. Можно было заказать там все, что хочешь. Даже врач, когда выписывал рецепт на лекарство и заведомо зная, что его в Томске нет, спрашивал, нет ли у тебя знакомых на Почтовом. Узнав, что такое «Почтовый», томичи не завидовали его жителям. Повышенная радиация!

После А.Г. Портнова начальником ОКСа стал Э.И. Рейдер. Тоже бывший одессит и приятель Портнова. Рейдер небольшого роста, плотный, энергичный, с выразительными глазами, любитель шутки. При Портнове он работал прорабом на стройке. Портнов говорил про него, что он своей энергией может мертвого из могилы поднять.

Строительство Дома культуры ТЭМЗа

В конце 1949 года наш ОКС приступил к строительству Дома культуры. Мы с Галей Соколовой подробно знакомимся с проектом. Проект московский. Автор его архитектор академик Корнфельд. Внутренняя планировка сложная. Зал на 500 мест с амфитеатром. Потолки высокие. Над фойе – купол. Не заводской клуб, а настоящий театр. К нам поступил на работу фронтовик Георгий Васильевич Додэко. Он делает посадку здания Дома культуры на место, то есть производит все геодезические работы. На месте строительства была уютная березовая рощица. Её вырубали. Когда строился Дом культуры, в ОКСе еще не было строительных механизмов. Ни экскаватора, ни башенного крана. Был только бульдозер. Все земляные работы выполнялись вручную. В основном, здоровяками-репатриантами с Кавказа. Строительство продвигалось быстро, потому что завод в нем был очень заинтересован. Помогали, чем могли, все цеха. Изготавливали необходимые металлические детали, выходили на субботники. Дом культуры стал в коллективе любимым объектом строительства. Я с удовольствием ходила на работу.

На строительстве были заняты люди самых разных национальностей. В основном это были ссыльные. В списках занятых на стройке мелькали фамилии Майдарадзе, Оганесян, Мартеросян, фамилии прибалтийского происхождения, а также немецкие. Это были люди, которые регулярно ходили отмечаться в комендатуру, и на заводе поэтому был спецуполномоченный.

Когда здание было подведено под крышу, и нужно было готовить его к отделочным работам, мы приступили к монтажу сантехники и, в первую очередь, отопления. Я из конторы перешла на стройку. Руководила монтажными работами. Под моим началом была специально созданная замечательная бригада слесарей. Все они перешли в ОКС из энергоцеха завода. Бригадиром был энергичный проворный парень – Михаил Банников. В бригаде шесть человек. Самый младший Ваня Штепа, почти мальчишка. Из ссыльных. Отец его работал на заводе печником. Ваня часто задавал смешные вопросы, ребята над ним подтрунивали, но не обижали. Как-то во время монтажа он подходит ко мне и жалуется: «Галина Ивановна, я не знаю, что делать с тем сгоном. Я его кручу, кручу, а он все ссит и ссит». Я сначала не поняла, но посмотрев на его работу, поняла, что сгон протекает. Я ему посоветовала раскрутить сгон, намотать на резьбу побольше пряди, смазать белилами и снова закрутить. Ваня был еще учеником, и поэтому у него часто что-то не получалось. Теперь Ваня давно уже дед – единственный, кто из той бригады еще жив.

В бригаде слесарей не было хорошего электросварщика. Михаил Банников варил, но на особо ответственные сварочные работы я выпрашивала у начальника энергоцеха на временную работу сварщика Романа Фарата. Про этого немца разговор особый. Он был выслан из Поволжья, как тысячи других немцев. В Томске он жил с родителями и, кажется, сестрой. Роман был отличным сварщиком, отличным электриком, отличным слесарем. Он был из тех, кто мог «подковать блоху». Хорошо разбирался в чертежах, не нуждаясь в подсказках. И вот при строительстве ДК Роман выполнял все самые ответственные сварочные работы по металлоконструкциям. К тому же это был красивый интеллигентный парень. Когда он работал, на него можно было любоваться. Без суеты, без лишних движений, как будто сам Бог им руководил. Но он был бесправным человеком, как и другие ссыльные. Был такой случай на заводе. В одном из цехов была смонтирована по новой технологии какая-то установка, дававшая против старой большие преимущества. Монтировал её вместе с напарником, тоже немцем, Фарат. Соседний завод, узнав о новой установке, попросил руководство ТЭМЗа сделать им такую же. Руководство согласилось и поручило это одному из работников, которому подчинялся Фарат. Тот заявил, что никого из своих работников он отпустить на это не может, так как они заняты, а вот во внерабочее время по трудовому соглашению – пожалуйста. Заключив такое соглашение на свое имя, он поручил Роману с напарником смонтировать установку во

внеурочное время. Оговоренная в соглашении плата за работу была довольно высока. Когда ребята выполнили работу, а трудились они по вечерам и в выходные дни, они пришли к своему начальнику за зарплатой, зная, что он уже получил деньги от заказчика. А тот: «Ну что, ребята, вам, наверное, выпить хочется?» И дал им по 10 рублей. На этом и кончился расчет за их труд. Жаловаться было бесполезно. Все это с большой обидой рассказал мне Роман. Фамилию того начальника утаю, тем более что его давно нет в живых. Роман просил меня никому на заводе эту историю не рассказывать, но тем не менее, я кое-кому об этом рассказала, но ничего предпринято не было. У меня с Романом были очень доверительные отношения. Может быть, я даже была в него чуть-чуть влюблена за его золотые руки и обаяние. Роман умер в конце 1990-х годов от рака. Мы с Галиной Степановной Соколовой были на его скромных похоронах. Больше от ТЭМЗа никого не было, хотя его труд на заводе был во сто крат значительнее, чем у иных начальников, все больше ораторствовавших на трибунах.

Моя славная бригада сантехников монтировала отопление очень напряженными темпами, ведь у нас, не успеешь оглянуться, как «зима катит в глаза». Наконец, монтаж отопления закончен. Сделали опрессовку, устранили неполадки, течи. Сами без кочегара затопили котлы. Тяга в котлах отличная, топки гудят. Включили насосы, открыли все задвижки, где надо и стали проверять, где нагреваются радиаторы, где нет. Но все работало прекрасно. Для нас это был ответственный и торжественный момент. За пуско-наладочной работой мы провели целый день и всю ночь, и никто не рвался домой, никто не устал. Потом собрались в котельной и долго оживленно все обсуждали. Под утро Михаил Банников, как бригадир, пошел еще раз по зданию посмотреть, не подтекает ли где радиатор. Мы уже собрались расходиться. Я поблагодарила ребят за хорошую работу и отпустила по домам, оставив только кочегарящего. Из котельной я вышла первой и, поднявшись в зрительный зал, услышала вдали какие-то крики и возню. Было еще темновато. Когда подошла на звуки ближе, увидела, что какая-то женщина бьет нашего Мишу Банникова по голове и приговаривает: «Ты где был, гад? Ты где, паскуда, шлялся всю ночь? Ты где ночевал?». Мишка закрывал голову, поднимая локти вперед, что-то бурчал, а баба продолжала его колотить. Вслед за мной подошли и ребята. Драка прекратилась, улеглась пыль, которая поднялась вокруг этой пары (полов еще не было в зале). Наступила немая сцена. Жена Михаила, а это она его лупцевала, узнав, где «шлялся» всю ночь её муж, сразу «смылась», а Михаил остался с нами. Ребята подшучивали над ним, а Михаил, возмущенный и оконфуженный женой, ворчал: «Ну, погоди, шалава, я тебе дома покажу, где я шлялся». Мы тоже были возмущены поступком жены Михаила: вместо того, чтобы узнать причину его отсутствия, она начала лупить мужика! Это было первое «театральное» трагикомическое представление в зале ДК, и мы стали его первыми зрителями.

До сих пор с уважением вспоминаю ребят нашей замечательной бригады. В ней не было пьяниц, не было случая, чтобы кто-нибудь пришел на работу выпившим. Было взаимное уважение. Правда, иногда во взаимоотношениях появлялись «тучевые облака». Это когда я закрывала членам бригады наряды на зарплату. Расценки на работу были мизерные, и нужно было фантазировать, чтобы наскрести им для зарплаты сумму побольше, а это не всегда получалось.

Стройка продолжалась, и для нашей бригады было еще много работы. ДК был сдан в эксплуатацию в 1957 году и вскоре он стал культурным центром целой округи, и не только нашей. Руководством завода было организовано на базе ДК много полезного и нужного для молодежи и подростков. Работали всевозможные кружки, начиная от кружка вязания и до шахматного. Ставились самодеятельные спектакли, концерты, всегда шли кинофильмы. А наши местные власти часто арендовали зал ДК для проведения разных конференций, встреч. Была отличная библиотека. С наступлением перестройки и всем, что за ней последовало в нашей стране, завод стал «ОАО», и культура при ДК была «прихлопнута». В нем теперь торговля. В зрительном зале развешены для продажи

блестящие турецкие шмотки, в остальных помещениях тоже торговые точки. И, наконец, я слышу, что ТЭМЗ продал ДК богачам за долги. Теперь заводу никакой культуры не надо, нужны только деньги. И куда ТЭМЗовской молодежи податься? Только в пивнушки.

«Дело врачей» и смерть Сталина

В начале 1950-х годов сталинскими органами было сфабриковано «дело врачей». До Томска докатилась волна разоблачений. Затронула она и ТЭМЗ. На заводе проводились собрания, митинги, на которых звучали возмущенные голоса некоторых крикунов. Не обошлось и без жертв. Были уволены двое. Причем, они не были медиками. Это был Шохор – работник конструкторского отдела и Ф.Я. Яновский – строитель. Что им там приписывали, не знаю, потому что собраний тех не посещала. В Томской поликлинике №1 работал врач-гинеколог Гутя Павловна Каплан. У женщин Томска она пользовалась большим авторитетом. Нуждающиеся в консультации или конкретной помощи старались попасть именно к ней. Многим она спасла жизнь. Но вот поползли и про неё слухи. Якобы она подвешивает новорожденных младенцев вверх ногами и выкачивает из них кровь, используя её для своих религиозных ритуалов. Да, были в нашем городе подобные постыдные разговоры и постыдные поступки в отношении к евреям. Потом все стыдливо замяли и забыли. Наступил 1953 год. Смерть Сталина. Страна плачет, скорбит. В городах приспущены флаги. Трое суток по радио, не смолкая, звучит траурная музыка. И днем, и ночью. Смолкает только на время «Последних известий», но и известия только об этом событии. Пришли из школы мои девочки. Заплаканные, зареванные, точно там у них был урок плача. Глядя на них, я тоже разревелась. Не могу успокоиться, думаю только об одном – как же мы теперь будем жить без него? Только моя мудрая мама спокойно сказала: «Господи! Разревелись! Подох, туда ему и дорога! Другой найдется!»

Часть IV

Советские 1950-1960-ые годы. Работа в «Промстрое»

Последнее письмо от Бориса я получила из Моздока в начале войны. Обратный адрес уже не тюрьма, а п/я с номером. Моздок стал ареной боевых действий, и связь с мужем на этом оборвалась. Он наверняка погиб, но где, при каких обстоятельствах, мне неизвестно. Я запрашивала Томский военкомат, где мне ответили, что сведениями о нем не располагают.

После войны резко обострилась международная обстановка, особенно острыми стали взаимоотношения между США и СССР. Американцы к тому времени создали атомную бомбу и спалили два японских города – Хиросиму и Нагасаки. В 1946 году в нашей стране тоже создали и испытали это страшное оружие. Секрет её изготовления, по слухам, был «позаимствован» в Америке при помощи наших спецслужб. Противостояние двух крупных государств вошло в историю под названием «холодная война». Кто его придумал не знаю, но оно точно отражало ситуацию того времени. Но в нашей стране стали готовиться и к настоящей, «горячей» войне. Стали усиленно строить бомбоубежища. Первое такое сооружение в Томске построил ОКС ТЭМЗа в подвале Дома культуры. А во дворе Дома культуры, под землей, построили второе бомбоубежище для городского штаба ПВО. Оно заняло почти весь двор и сверху выглядит плоским курганом. Финансировало работу Министерство обороны. Оно же и курировало строительство. Штаб ПВО был оборудован всеми необходимыми коммуникациями. Строительство велось по специальному проекту, выданному нам городским руководством ПВО. Строили мы бомбоубежище и в общежитиях ТПИ, во многих других зданиях.

Партийные власти усилили работу по коммунистической пропаганде. Где-то в 1951 году при горкоме партии открыли университет марксизма-ленинизма и заставили всех

ИТР посещать его. Лекции читались в ДК ТЭМЗа и в других помещениях. Ввели по понедельникам политдень, тогда во всех учреждениях, на предприятиях проходили занятия по изучению истории КПСС. Приходилось оставаться после работы, в течение часа мы слушали лекции. У нас их читал начальник отдела кадров (он же спецчасть). Экзаменуя нас, спрашивал, что сказал В.И. Ленин в таком-то году по такому-то поводу, что сказал И.В. Сталин на таком-то съезде? Это все было для меня скучно, неинтересно. Я совсем не хотела этого знать. История КПСС казалась мне китайской грамотой, и я старалась отлынивать от политзанятий. Да и не только я.

Однажды на заводе произошел страшный случай. Убили заводского кассира Ксению Ивановну. Это было перед майскими праздниками, в канун выдачи зарплаты. Ксения Ивановна приехала из банка на лошади в сопровождении охраны, вошла в дом, где располагалась заводская касса. Это был ветхий домишко на пр. Ленина против заводского управления. Там в комнате кассира её ждал убийца. Он потребовал у неё сумку с деньгами, но она прижала сумку к груди, и тогда злоумышленник в неё выстрелил. На выстрел вбежали люди. Ксения Ивановна была еще жива, её увезли в больницу, но там она скончалась. Убийца – молодой парень скрылся. Бежал по дворам, перепрыгивал через заборы, но его поймали уже далеко от места убийства студенты ТПИ. После этой трагедии кассу перевели на территорию завода.

Наш ОКС превратился в сильную строительную организацию и по решению местных властей, в том числе и партийных, нас передали городскому тресту «Промстрой». Трест строил промышленные объекты. Мы стали работать под новым руководством. Управляющим «Промстроем» был В.С. Гольдштейн (он мне чуть-чуть напоминал А.Г. Портнова), а главным инженером – А. Булычев, по прозвищу «Егор Булычев». Наш бывший ОКС стал называться УНР-291, переименованный затем в СУ-3. Начальником его остался Э.И. Рейдер. Строительство мы вели по всему городу.

Жизнь текла вяло, трудно. В магазинах не было самого необходимого, и всегда очереди, которые люди занимали еще до открытия магазина. Когда подходили новые люди и спрашивали, зачем очередь, им отвечали, что за тем, что «выбросят» в продажу. В очередях постоянно возникали скандалы, чаще всего по поводу втиснувшегося в очередь знакомого. Кричали: «Она тут не стояла, выгоните её!» И выгоняли. Как это все было унижительно! Если кто-то из сотрудников или просто знакомых ехал в командировку в Москву, то на него сыпались заказы. Конечно, по мелочам. Я даже заказывала купить в Москве швейные иголки и наперсток: в Томске этого не было. Потом появились в Томске и иголки, и наперстки, другие товары, но очереди за всем, что «выбрасывали» оставались постоянными спутниками нашей жизни все годы. А к 1990 году дожили до того, что нам стали выдавать талонные книжки на продукты. Вспоминаю, как получали по этим талонам муку, фасованную в 3-х килограммовых пакетах. Их растаскивали с полок, не соблюдая никакой очереди, тянулись руками через головы стоящих впереди людей. Иногда пакеты рвались, и мука сыпалась на людей, на пол. Продавцы кричали, а толпа не обращала внимания. Каждый старался опередить другого, боясь, что ему не достанется. Я думала: если бы на это посмотрел какой-нибудь иностранец, ему бы показалось, что он попал в сумасшедший дом. А это действительно было, я сама была в той толпе в Универсаме, что у Лагерного сада. Мне не стыдно говорить об этом: такова была жизнь. И она всегда была такой, только с разными вариантами и темами.

Кажется, в 1960-х годах в Москву приезжал знаменитый французский киноактер Жерар Филипп и по возвращении домой во Францию он написал о своих впечатлениях о нашей стране: «СССР – это страна очередей, оранжевых абажуров и неряшливо одетых женщин». В качестве экспоната он купил в одном из магазинов Москвы комплект женского белья, в том числе бюстгалтер, и в Париже устроил выставку этого белья. Конечно, французский актер побывал и в Большом театре, и в Третьяковке, видел Кремль, но это не ввело его в заблуждение. Он ходил по улицам Москвы не с зажмуренными глазами, и все видел. И про абажуры он верно заметил. У меня был такой же. А

бюстгальтеры шились из кальсонной ткани, и никаких там бантиков или кружев. У нас успешно развивалась только тяжелая промышленность, а легкая стояла. На Жерара Филиппа – исполнителя главных ролей в фильмах «Красное и черное», «Фанфан-Тюльпан» и др. у нас обиделись за его высказывания об СССР, о чем были публикации в печати. Однако, на пошив лифчиков обратили внимание, и в продаже через некоторое время стали появляться более нарядные и более нежные изделия.

О детях сестры Нади

В конце 1940-х годов из Новосибирска приехала моя племянница Маргарита – дочь сестры Нади. Она поступила учиться в Томский университет на географический факультет. Сначала жила у нас, потом ушла в общежитие. Закончив учебу в 1955 году, уехала по распределению к себе в Новосибирск, где весь свой трудовой срок проработала в метеослужбе.

Думаю, пора рассказать о моей новосибирской родне - о сестре и её семье.

Муж Нади Кузьма вернулся с войны без единой царапины. По причине своего уже не боевого возраста он в боях почти не участвовал. Всю войну был полковым писарем, поскольку имел редкий каллиграфический почерк. Служил на Карельском фронте. С войны он иногда писал письма и мне. Восхищался тамошней природой. До фронта добирался со своей ротой 20 суток и написал, что в первые дни на фронте чувствовал себя во сто крат лучше, чем в тылу, хотя близко раздавалось уханье снарядов, скрежет мин, ружейная пальба. Противник находился на расстоянии 300-500 метров. Писал, что раньше, до фронта, он чересчур идеализировал нашу армию, хотя, конечно, подробно в письмах-треугольничках он об этом распространяться не мог. Вернувшись с фронта, Кузьма был рад, что в доме порядок, жена оставалась верной, дети здоровы, учатся. Ну а про голод что говорить: голодали все, кроме тех, кто был у «кормушек». Кузьма работал после фронта учителем математики в школе, потом стал директором школы. Он был очень строгим. Даже я его побаивалась, еще со времен Богдановки. У него всегда были насуплены брови. Но прожил Кузьма после войны недолго. Через два года он скоропостижно скончался. Надя с двумя уже почти взрослыми детьми осталась одна.

Юра – сын Нади после окончания школы поступил в строительный институт - «Сибстрин», который располагался рядом с их домом. Но проучившись один год, племянник решил, что эта профессия не для него, что всю жизнь протирать штаны за чертежной доской не его призвание. Ушел из института. Имея журналистские способности, поступил работать корреспондентом в газету «Советская Сибирь». Помотавшись на этой работе и насмотревшись на жизнь со всех её сторон, причем не только в Новосибирске, но и в других городах, он увидел, что при нашем полуголодном существовании очень сытно живут власть предержащие да работники торговли. И мой дорогой племянник поступает в Московский институт советской торговли. Надя была категорически против такого выбора сына («Фу, - торгаш!»). Но Юра её не послушал. Закончив институт, стал работать в Новосибирске. Ему предложили должность главного товароведа галантереи. Юра сразу стал вхож во все магазины города с заднего входа, минуя очереди. В его руках была вся галантерея Новосибирска. Как-то я его попросила «достать» мне для зятя ондатровую шапку. На это он мне сказал: «Что ты, Галя! Как только мы получаем партию таких шапок, из обкома и горкома партии нам направляют пофамильные списки, по которым мы должны их продавать». Да, тогда все партийные работники ходили в ондатровых шапках.

Юра часто приезжал в Томск по своим торговым делам. Останавливался у меня, и тогда в доме становилось шумно и весело. Шутки из него лились безостановочно. Как-то он спросил у меня: «Галя, а почему у тебя в доме нет ни одного портрета Сталина? Купи штук пять и развесь по стенам». А сам любил рассказывать политические анекдоты. Запомнила один, еще из времен репрессий. Был тогда нарком просвещения Бубнов. В 1937 году его арестовали. При допросе его спросили: «Вы написали «Евгения Онегина»?»

Бубнов ответил: «Я не знаю, кто, но я не писал». Вопрос повторили несколько раз, но нарком просвещения упорно повторял, что не писал он «Евгения Онегина». Начались пытки, но Бубнов стоял на своем. Тут в камеру пыток звонит начальник НКВД и спрашивает о поведении Бубнова. Ему отвечают, что с ним все в порядке: он сознался, наконец, что «Евгения Онегина» написал он.

Юра выглядел как дипломат. Высокий, стройный, породистый очкарик. Не пил спиртного, не курил. Был неравнодушен к красивым женщинам. В этом он был в деда – моего отца. Работая на доходном месте, Юра не разбогател, жил довольно скромно. Когда женился, продолжал жить вместе с матерью в её доме, но отношения у Нади со снохой не сложились, и дальнейшее совместное проживание стало невозможным. Разъехались навсегда. У Юры есть сын и дочь. Дочь – архитектор, сын – переводчик с английского языка. Все по фамилии Гиляровы. Это уже другое поколение, о них писать не буду.

Теперь, в 2003 году, Юре 79 лет. Он совершенно ослеп, может различать только свет и тьму, живет с женой отдельно от детей. У них одна внучка Катя и один правнук – Андрей.

Маргарита – сестра Юры, всю жизнь проработав в женском коллективе, осталась «вековухой» (так в России в старину называли старых дев). Рита была красивой, стройной, умной девушкой. Но к парням, которые к ней «подкатывались», она относилась дерзко. Дерзостью она скрывала свою застенчивость. Когда Юра с семьей переехал на отдельную квартиру, Рита осталась жить с матерью. От матери она научилась всякому рукоделию – шить, вязать, вышивать, выращивать цветы. На работу ходила всегда пешком, хотя было не близко. Не признавала искусственные материалы, все, чем пользовалась, должно было быть только из натуральных материалов. У неё, например, не было в доме пластмассовой посуды, а щи варила в чугуне. Любила русские ситцы, и каждый раз покупала ткань с новым рисунком. Она сама мне рассказывала, что иногда по настроению раскладывала отрезки на полу и любовалась. «Словно лужайка, усыпанная цветами!» Однако, платье она шила себе из крепдешина и других дорогих тканей. Из ситца шила только сарафаны для лесных прогулок.

В 1972 году в возрасте 69 лет умерла от рака моя сестра Надя. К тому времени Надя с дочерью жила в двухкомнатной квартире, ближе к центру, которую им дали, когда снесли их дом за Каменкой. Теперь свою двухкомнатную квартиру Рита обменяла на однокомнатную в центре города, вблизи оперного театра. И жила там одна, если не считать любимых ею кошек. Вообще она говорила, что ей с собой не скучно, у неё всегда много интересных дел. На работе её очень уважали. Её прогнозы погоды всегда были точны. Если сказала, что будет снег, то он и бывал, если – дождь, то обязательно так и случилось, хотя бы это было всего несколько капель. Синоптики всегда очень переживают за свои прогнозы. Если они не подтверждаются, – это целая трагедия. Дежурные синоптики, ответственные за текущий прогноз, старались, насколько возможно, быть точными. Рита много рассказывала мне про свою работу и коллектив. Так, она рассказывала, как они во время обеденного перерыва садились за стол, и каждая предсказательница погоды разворачивала свой завтрак, принесенный из дома, и начинались разговоры о семейных делах, о мужьях. И каждая ругала своего мужа за то, что не помогает дома, валяется на диване, читает только газету «Спорт», пропадает на футбольных матчах и т.д. У Риты мужа не было, и кастерить некого. И она спрашивала своих коллег: «Если они у вас такие плохие, зачем же вы с ними живете?» Женщины сразу замолкали.

Еще при жизни матери Рита съездила в Японию, а за тем отправилась в круиз на корабле. Побывала в некоторых африканских странах, была в восторге от африканских женщин – высокие, по-своему красивые, стройные. Таская за спиной в специальных сумках детей, несли на головах большие тюки с вещами, не опасаясь, что они упадут. Радостных впечатлений и воспоминаний хватило надолго, и она все рассказывала и рассказывала.

Одним из увлечений Риты были золотые перстеньки. Золото в ту пору (1960-1970-е годы) было недорогим, и она часто выкраивала себе какую-то сумму из зарплаты на приобретение нового кольца. Кольцо можно было купить за 35-70 рублей. Конечно, были и подороже, в зависимости от камня. И Рита почти каждый день одевала на работу новое колечко. И одевалась она элегантно.

Свои прогнозы городская метеослужба обычно вывешивала в центре города на видном месте, чтобы каждый житель мог узнать об ожидаемой на следующий день погоде. На табличке о погоде всегда стояла фамилия дежурного синоптика. Однажды в метеослужбу зашел незнакомый мужчина. Спросив что-то у вахтера, подошел к Рите. «Вы действительно Гилярова?» Получив утвердительный ответ, улыбнулся и сказал, что он тоже Гиляров, что он из Ленинграда, а зовут его Николай. Прогуливаясь по Новосибирску, он увидел табличку с прогнозом погоды, подписанную Гиляровой. Он заинтересовался, ведь фамилия редкая, и решил познакомиться со своей сибирской однофамилицей. Николай заинтересовал Риту. Они разговорились, рассказали друг другу о своих родителях, и выяснилось, что они двоюродные брат и сестра. Дело в том, что у отца Риты Кузьмы был старший брат, который во время революции потерялся. Его считали погибшим, кто-то говорил, что он удрал за границу. Оказалось, он не погиб и никуда не удирал. Он жил в Ленинграде. Там сложилась его семья, родился сын Николай. Брат Кузьмы умер, когда Николай был еще маленьким. От матери он знал, что отец его был родом из Сибири. И вот взрослый Николай, будучи в командировке в Новосибирске, случайно увидел свою фамилию на прогнозе погоды и нашел свою двоюродную сестру. Рита поспешила познакомить Николая с братом Юрой, но Юра прохладно воспринял это событие. Для него Николай был чужим человеком, и на родственную волну он настроиться не мог. Поскольку родственник возник совершенно неожиданно, и никакие общие воспоминания их не связывали, душевной близости между братьями не возникло. А Рита долго переписывалась с Николаем. Он присылал ей много семейных фотографий. Но через несколько лет Николай умер.

Рита мне часто писала письма. Я их все сохранила. У племянницы был четкий крупный мужской почерк. Что еще рассказать о ней? Она любила читать, но пользовалась только публичной библиотекой, своей не заводила. Говорила, что вытирать пыль с книг, дело неинтересное. Прочитав какую-нибудь интересную книгу, Рита писала мне: «Найди и прочитай». Одним из её любимых советских писателей был В. Солоухин. И, конечно же, В. Астафьев.

Рита умерла в 2001 году от инсульта. Когда вскрыли дверь её квартиры, обнаружили её лежащей на полу без сознания. Увезли в больницу, где она через несколько часов скончалась. Ей было тогда 70 лет. На похоронах присутствовала вся метеослужба, и её бывшими коллегами было сказано много хороших, уважительных слов про её работу и чисто человеческие качества. Я тяжело переживала смерть Риты, мы с ней были очень близки, она часто приезжала к нам в Томск.

О моих дочерях

Однако, вернусь в 1950-м годам. Дочки мои подрастали. Учились в школе. Особых пристрастий к какой-то науке не имели. Но у Греты были самые лучшие сочинения в классе. Это отмечалось учительницей литературы. А еще Грета хорошо рисовала и любила это делать. По характеру девочки были совершенно разными. Марта – в отца, Грета – больше в меня. Я выделила им в комодке отдельные ящики для белья. У Марты все было сложено стопочкой, у Греты – кучкой. Марта каталась на коньках, увлекалась балетом. Занималась в балетном кружке при облсовпрофе, а затем в кружке, открывшемся при ДК ТЭМЗа. Выступала в качестве прима-балерины в спектаклях, поставленных в ДК ТЭМЗа, на других сценах. Мечтала поступить в балетную школу в Москве. Написала туда письмо, но ответ был отрицательным: у нас, мол, своих учеников достаточно. Я советовалась с более опытными людьми, посылать ли Марту в московскую балетную

школу, но они все не советовали этого делать: «Ни в коем случае! Пропадет там девчонка».

Марта переписывалась с иностранной молодежью. Тогда это было модным. Ей шли письма из Польши, из Словакии, из других стран. Такая переписка была организована через международный журнал, который Марта получала. Письма были в основном от парней. Они присылали свои фотографии. Некоторые писали на музыкальных открытках, которые можно было проигрывать, как грампластинку. И конечно же писали на чистом русском языке. Напрашивались в гости, желая посмотреть нашу страну. Как-то в 1960-х годах в Словакии был объявлен международный конкурс для молодежи "Что вы знаете о Словакии". Марта приняла в нем участие и, потрудившись, написала большое сочинение о Словакии, оформила его рисунками и отправила в Братиславу. Её работа попала в число лучших. Но при жеребьевке она не попала в победители, и ей прислали поощрительный приз – красивый альбом с фотографиями старинных замков Словакии, с дарственной надписью. Этот альбом мы, к сожалению, подарили потом кому-то из друзей. А в Братиславе была устроена выставка работ, представленных на конкурс. Вскоре Марта получила оттуда письмо от девушки Павлы. Павла писала на русском языке. Писала, что была на выставке, знакомилась с работами конкурсантов, в том числе, и с работой Марты. Она её заинтересовала. И между Мартой и Павлой завязалась длительная дружественная переписка. Они обменивались фотографиями и даже посылками. Переписка продолжалась даже тогда, когда у обеих появились сыновья. Марта оформила альбом из фотографий, присланных Павлой. Теперь очень приятно посмотреть этот альбом. Но постепенно переписка стала угасать и прервалась.

После окончания школы Марта поступила в педагогический институт на факультет иностранных языков, на немецкое отделение. Балет оставила. А у меня остался в памяти особенно понравившийся мне «Танец горцев», в котором была занята Марта. В развевающемся красном одеянии она порхала между горцев, одетых во все черное и с черными повязками на головах. Танец был эффектен, и очень понравился зрителям. Танцорам очень долго аплодировали. Их балетная труппа ставила свои спектакли и в театре. Руководителем группы был балетмейстер Казимиров. Выпускник ТГУ, один из партнеров Марты по танцам, он сейчас работает в Верховном суде России.

Грета росла более пассивной. Любила читать, рисовать и мечтать. Выписывала в тетрадь отдельные фразы из прочитанных книг. В основном о любви. Записывала афоризмы древних великих мыслителей. Грета была высокой стройной красивой девочкой, но очень стеснительной. Закончив школу, она поступила в строительный институт (по моему совету). Экзамены сдавала на «пятерки». Я ждала её с последнего экзамена стоя на балконе, и сильно волновалась. Когда Грета вошла во двор, она мне издала показала ладонь с растопыренными пальцами: «Пятерка!»

Я за дочерей была спокойна. Они выбрали правильный путь. Но замечу при этом, что Гречка все-таки была с лентой.

В годы хрущевского правления

После смерти Сталина была какая-то внутрикремлевская смута, в результате которой был расстрелян Берия. Потом было кратковременное правление Булганина и Маленкова, а далее надолго утвердился у власти Н.С. Хрущев. Человек с кипучей энергией, ограниченным умом, отсутствием должного воспитания и очень заносчивый. К власти он пришел тоже в результате каких-то склок в партии. Свою деятельность, как руководитель страны, начал с разоблачения культа личности Сталина. На ТЕМЗе, где я тогда работала, было устроено только для ИТР и служащих закрытое собрание. Нам зачитали доклад Хрущева на XX партсъезде. Собрание было продолжительным. Многие присутствующие рассказывали о расстрелах своих отцов, дедов, задавали вопросы, почему такое было, но отвечать было некому. Хрущев знал, что делал. Намолчавшийся, настрадавшийся от репрессий народ теперь воспрял духом. Портреты Сталина

выкидывались на помойку, исчезали из публичных мест статуи и бюсты развенчанного вождя. Появилась новая литература, не боявшаяся цензуры. Это время назвали «оттепелью». В качестве компенсации за расстрелянных «врагов народа» близким родственникам выплачивали компенсацию в 500 рублей. Но об этом я знаю только по слухам.

Многое запомнилось из хрущевских деяний. Он ненавидел всех империалистов. И когда читал свои длинные доклады, написанные его зятем – Аджубеем, часто поднимал вверх сжатый кулак. На заседаниях в ООН он грозил показать империалистам «кузькину мать», стучал башмаком по столу. В США к империалистам он все же съездил. Вернувшись домой, приказал в колхозах (даже в Сибири) сеять кукурузу – королеву полей. Что из этого получилось, народ помнит. Поход на целину – тоже его идея. Тысячи людей были направлены на возделывание непаханных территорий. Какова была цена этого, впоследствии я прочла в газетах. Украине подарил Крым. Вмешивался в творчество интеллигенции. Разнес в пух и прах творчество молодых поэтов. Особенно досталось Е. Евтушенко и А. Вознесенскому. Тоже, подняв кулак, Хрущев свирепо кричал, что такое творчество советскому народу не нужно. Послал в Венгрию танки для разгрома там оппозиции существующей коммунистической власти. Потом в помощь кубинским революционерам отправил на Кубу советские ракеты вместе с нашими военными. Ракеты были установлены на острове и направлены в сторону США. Наша страна оказалась на грани войны. Эта ситуация была названа «Карибским кризисом». Только благодаря умному американскому президенту Д. Кеннеди конфликт удалось уладить.

В нашей стране по указу Хрущева был уничтожен частный скот – и в деревнях, и в городах, где его держали люди, живущие в своих домах на окраинах. Вопрос решался так: чтобы не было во дворе ни теленка, ни поросенка, ни куренка. Скотина должна быть только в колхозах. Помню наших городских хозяйшек, которые со слезами на глазах повели своих буренок на скотобойню. Вскоре в городе исчезло из продажи молоко, молочные продукты и мясо. Только открылось не сколько пунктов по продаже молока для маленьких детей. Продавали по спискам, по одному литру на ребенка. Образовались очереди. А везде звучали и висели лозунги: «Догоним и перегоним Америку по мясу и надоям молока!» Я читала когда-то статью одного ученого о том, что колхозная корова (как дойная) живет всего 4-5 лет, а потом она уже не дает молока. А дело в том, что она ничья, за ней нет индивидуального, тщательного ухода, никто не даст ей ломоть хлеба, посыпанный солью. Она получает только пинки, палку и мат, как от доярок, так и от скотников.

А еще были созданы совнархозы для самоуправления. Выросла большая армия чиновников. Через два года совнархозы ликвидировали, как не оправдавшие себя. Начались перебои с хлебом. Хлеб был некачественный, почти несъедобный, из ржаной муки. Ребятишки лепили из него, как из пластилина, разных зверушек. А потом наша страна стала закупать хлеб у империалистов в Канаде. Я помню разгромную статью хрущевских времен в газете «Красное знамя» о том, как двое стариков, дед и бабушка, живущих где-то на окраине Томска в своем домишке, решили на свой страх и риск послушаться Никиту и завели поросенка. Держали они его в погребе, чтобы соседи не услышали хрюканья и не донесли куда следует. Но соседи все же услышали и донесли. И что тут было! К старикам нагрянула милиция, поросенка конфисковали, стариков таскали по административным кабинетам. Газетная статья их осуждала, поддерживая власть. С тех хрущевских времен горожане не стали держать скотину: вначале из-за запрета, а потом отвыкли и разленились. И не стало молока от одной коровы, которое предпочитали матери грудных детей для своих младенцев, и которое разносили по домам сами владельцы коров.

Много бы еще своих проектов внедрил Хрущев в жизнь страны, но его сняли, а про тот период его правления насочиняли в народе много анекдотов, частушек, стихов. Вот отрывок из одного стихотворения, появившегося уже после снятия Хрущева:

*Все народ припомнил мне,
Как я рвался к целине,
Как колхозные посевы
Я угробил королевой,
Перестройка совнархозов,
Укрепление колхозов,
Как с одной моей руки
Без усадьбы мужики
В деревнях тогда остались,
Со скотиною расстались...*

Чертой того времени был в нашей стране кубинский тростниковый сахар, кубинский ликер, которым были заставлены полки магазинов. Смотрели кубинские фильмы с богатыми карнавалами. Кумиром советской публики стал французский певец Ив Монтан. Он приезжал в СССР со своей женой красавицей Симоной Синьоре. Кумиром был знаменитый американец черный Поль Робсон. Особенно всех умиляло как он басом пел на русском языке «Широка страна моя родная...» и «Полюшко-поле». Пел, надо сказать, прекрасно. Тогда же появилась изящная французская певица Миррей Матье. Пел своим баритоном Юрий Гуляев. Уже постаревшие, но еще пели С. Лемешев и Козловский.

Моя работа в СУ-3

Моя работа продолжалась в городском строительном тресте «Промстрой». В то время резко увеличился объем строительных работ. Нашу организацию назвали СУ-3. Начальником остался Э.И. Рейдер. Нам поручали строительство крупного промышленного объекта – завода математических машин (ныне «Контур»), корпуса электролампового завода, молзавода, ТомНИИВСа, базу пропанбутана (это бытовой газ, который сейчас развозят по квартирам), реконструкцию водозабора и др. Я была назначена начальником ПТО (производственно-технический отдел). Это был основной отдел управления. Набрали новых работников. Работать было интересно. Мы выполняли только строительную часть, а все спецработы (электроснабжение, сантехнику, вентиляцию, телефонизацию и др.) монтировали субподрядчики. Своих рабочих у нас не хватало, поэтому использовали заключенных. А для этого нужно было строить зоны. Строительная площадка обносилась высоким, в 6 метров, деревянным забором, сверху колючая проволока в три ряда, а вокруг забора снаружи – предзонник из колючей проволоки высотой в 2,5 – 3 метра на расстоянии шести метров от забора. На проходной – военизированная охрана. Когда по утрам привозили в машинах заключенных, то в зону вначале заходили охранники с собаками. Собаки обнюхивали все углы на стройке. Только после проверки туда въезжали машины с заключенными. Нам, работникам управления, были выданы пропуска в зону.

И вот такое неприятное воспоминание, с этим связанное. Всегда, где у нас на стройках были зоны, снаружи вдоль забора прохаживались молодые женщины. Они играли с заключенными в почту. Писали записки, заворачивали в них камешки и бросали друг другу через забор. Договаривались о свидании. Ночью, когда в зоне никого не было, эти женщины подкупали в проходной ночного сторожа бутылкой водки или деньгами и проникали в зону. Прятались там так, что и собака не унюхает. А днем, когда приезжали заключенные, устраивались в укромных уголках свидания. Иногда прорабы, приходя в контору после работы, рассказывали об очередном ЧП – отловили и выпроводили с позором из зоны девиц.

Хорошим качеством строительных работ я похвастать не могу. Строили только на «удовлетворительно». Да и установка тогда такая была – на первом месте только количество, план. Низкого качества были и строительные материалы – кирпичные и железобетонные. Однако наше СУ-3 придерживалось еще старых, ОКСовских традиций и старалось делать лучше. Мы всегда среди других строительных организаций занимали

первое место, как по количеству, так и качеству выполненных работ. В кабинете начальника всегда стояло переходящее красное знамя.

В нашем ПТО находилась проектная документация на все те объекты, которые мы строили. По долгу службы я изучала их. Проекты были разработаны московским и новосибирским институтами. Имея большой опыт проектировщика, я иногда критически оценивала некоторые проекты, особенно по части инженерных сетей. Думала: «Я бы сделала по-другому». И начинала перерабатывать чертежи по своему. Принимала более простые решения, что давало большую экономию строительных материалов и трудовых затрат, и позволяло при этом выполнить план в срок. Такую мою работу поощряли, я получила много благодарностей от своего непосредственного начальника и руководства треста. Я была членом областного совета ВОИР, часто ездила на слеты рационализаторов в Новосибирск. Могу похвастать наградами:

1955 г., ОКС – значок отличника социалистического труда Министерства угольной промышленности СССР (протокол №216 от 04.06.1955) и министра угольной промышленности;

1959 г., СУ-3 – объявлена благодарность (приказ ; 182 от 05.11.1959 г.)

1961 г. – приказом по тресту «Промстрой» занесена на областную Доску почета;

1961 г. и 1967 г., СУ-3 – значки «Ударник коммунистического труда»;

1965 г., СУ-3 - объявлена благодарность в честь 8 Марта

1970 г. – медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина»;

1992 г., СУ-3 – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.» от имени Президиума Верховного Совета СССР;

1995 г., СУ-3 – юбилейная медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

Все эти награды в советское время не подкреплялись какими-то денежными суммами в конвертиках, а выдавались «всухую», но все равно получать их было приятно.

Размышления пенсионерки.

В 1968 году я ушла на пенсию, хотя мне и не хотелось. Но я была нужна дома, в семье. Руководство СУ-3 «закатило» мне большой банкет. Пришли все, включая моих любимых субподрядчиков. Говорили много приятных слов. Я даже прослезилась. Подарили огромный столовый немецкий сервиз с розами на 12 персон. Домой мне его доставил на следующий день Гриша Васильев. Сервиз у меня сохранился до сих пор, хотя кое-что поколотили. Гриша - наш бессменный снабженец. Еще мальчишкой он в конце войны приехал в Томск как репатриированный и сразу оказался на ТЭМЗе. ТЭМЗ тогда много таких приютил и дал точку опоры. Повзрослев, Гриша женился на официантке столовой, но не по любви, а потому что жить было негде и есть нечего. А жена ему все это предоставила. Так тогда устраивались многие приезжие в Сибирь парни. Гриша был умный, толковый, симпатичный парень. Потом он уже стал Григорием Александровичем. Работал в СУ-3 начальником снабжения. Умел доставать все как из под земли. Тоже вскоре после меня ушел на пенсию. На моих глазах прошла вся его жизнь. Мы с ним часто перебивались по телефону. Я его продолжала звать Гришей.

В 1997 году администрация ДК ТЭМЗа решила отметить 40-летие Дома культуры. Ко мне обратились с просьбой оповестить об этом и пригласить на вечер моих бывших коллег-строителей. Я позвонила тем, про которых знала, что они еще живы, и телефоны которых у меня были. Позвонила и Грише Васильеву. На торжестве из строителей были только Галя Соколова, Г.В. Додэко, я и Ваня Штепа – мой бывший слесарь. А Гриши Васильева не было: он умер в этот день. Накануне вечером, когда я сообщила ему о времени встречи в ДК, он был очень обрадован, выразил большое желание встретиться с бывшими коллегами, поговорить, повспоминать. Жена Гриши рассказывала, что он вечером разволновался, лег спать, а утром не проснулся...

Ну, а мы на том вечере в ДК были «героями дня». Директор представил нас гостям. Я вышла к микрофону и коротко рассказала, как мы строили Дом культуры. Гостей было очень много, все тэмзовские, но знакомых никого... Выросло новое поколение. Оглушительно гремела музыка. Парень танцевал с куклой в рост человека (то ли надутая резиновая, то ли тряпичная). Для нас это все было внове. Хозяин ДК подставлял под наш стол бутылки с вином. Георгий Васильевич Додэко изрядно выпил, был весел, и провожать его домой пошла незнакомая приятная дама. Меня проводил Ваня Штепе. С ностальгией вспоминали мы с ним прошлое, как работали вместе в ОКСе.

После ухода на пенсию я долго скучала о работе. В общей сложности в ОКСе ТЭМЗа и СУ-3 я проработала 21 год, и всегда ходила на работу с удовольствием..

В СУ-3 часто менялись начальники. Э.И. Рейдера сняли, потому что был беспартийный. Потом назначались только партийные. Менялись часто и главный инженер, главный механик, главный энергетик. Среди этих главных бывали дураки. Они держались только потому, что были партийные. СУ-3 существует и поныне. Его контора и хозяйство находятся на окраине города. Из моих коллег последним ушел оттуда Гриша Васильев. Управление помнит о своих ветеранах и всегда поздравляет нас с Новым годом коробкой конфет. Строит СУ-3 теперь не заводы, а красные жилые дома.

Я никогда не была ни в комсомоле, ни в партии, хотя в партию мне вступить предлагали. Я не понимала целей этих организаций и считала, что умнее и лучше, вступив в них, я не стану, а какой-то карьеры я не добивалась. А выйти замуж и рожать детей можно было и без партийного билета. «Мундир» члена партии был для меня чужд, да и в семье нашей не было ни одного партийца.

Работая в СУ-3, я иногда, если удавалось получить льготную путевку, ездила в санаторий в Минводы лечить желудок. Ездила всегда на поезде. Я любила смотреть на поезда, особенно когда их тянули паровозы. Издали поезд казался ползущей зеленой гусеницей – большое расстояние скрывало скорость мчащегося поезда. Паровозы мне нравились больше тепловозов, хотя я понимала преимущество последних. Но паровоз как живой вороной конь с черными смолянистыми боками, будто вспотевший от быстрого бега. Его красивые огромные колеса все на виду, издалека видны три его огромных «глаза». Вот поезд со сверкающими глазами подкатывает к вокзалу. Как будто стряхивая усталость, паровоз шумно выпускает пары откуда-то из «живота», а из окошка паровоза выглядывает улыбающийся чумазый от угля машинист, сверкая белыми зубами.

«Слава КПСС!» Этими лозунгами был распisan весь путь вдоль железной дороги от Москвы до Дальнего Востока. Эти два слова то и дело мелькали в окнах вагонов с обеих сторон, как железнодорожные шпалы. Чаще всего это были огромные буквы, выложенные из красного кирпича.

Грета

Главной заботой для меня всегда была семья, мои дети. У Греты учеба в строительном институте не состоялась. Она накопила «хвостов» и поняла, что не потянет эти точные и неинтересные для неё науки. Ушла из института. Ей нужно было бы поступить на гуманитарный факультет университета. Виновата я. Я пыталась направить её по своим стопам. Я была очень огорчена, потому что считала, что лучше строительной специальности ничего нет. Устроила Грету на работу в городской отдел архитектуры чертежницей. Она быстро и хорошо освоила эту работу. На работе у неё появились подруги – выпускницы московских строительных институтов. Я эту дружбу не одобряла, - уж очень развязаны были столичные девушки. Компания друзей Греты иногда собиралась у нас дома. Я была уверена, что позднее Грета продолжит учебу, но начали приходить «женихи» - парни их политехнического института. Знакомилась она с ними на танцевальных вечерах. Политехнический институт всегда в Томске был поставщиком женихов. Из Гретиных кавалеров наиболее настойчивым был Виктор Ашаев. Он уже заканчивал институт, готовил дипломную работу. Приходил к нам очень часто, как будто

караулил, боялся упустить невесту. Витя был с самого Дальнего Востока, маленького городка под названием Хор. В Томске жил и учился только на свою стипендию. Помогать ему было некому. Его семья – это мать, отчим и четыре сестры-подростка. Внешность средняя, не красавец. Балагурить и веселить компанию не умел, наоборот, был молчалив. Был непьющий и некурящий. К учебе относился очень серьезно. И вот как-то у нас дома, после шушуканья в соседней комнате с Гретой, он подходит ко мне и говорит, что они решили пожениться, и он просит моего согласия. Я разволновалась, думая о том, как быстро пролетело время, и что мои дочери, недавно еще маленькие, уже невесты. Вите я сказала тогда, что Грете еще рано выходить замуж, ей надо доучиваться, а ему после учебы нужно как следует отоспаться, отдохнуть, попитаться вдоволь, а потом уже жениться. Но мои слова не оказали никакого действия. Мама моя тоже была против замужества Греты и даже спрятала её паспорт, когда молодые собрались регистрироваться. Потом она смирилась и даже подружилась с Виктором.

Витя закончил теплоэнергетический факультет ТПИ и получил назначение на Восток строить электростанции в таежных глухих поселках. И моя Греточка поехала с ним. Вначале нам без них было очень скучно и беспокоино. Как она там? Ведь она еще большой ребенок. Но зная Виктора, как положительного и ответственного парня, я успокаивала себя, говорила себе, что все будет хорошо. Вскоре пошли письма. Большие, подробные, как дневники. Первым пристанищем, где обосновались молодые, было Усолье-Сибирское. Квартира в частной избе у хозяйки, все удобства на улице. Витя монтирует энергоблок. Письма бодрые. Грета пишет, что будет учиться в Иркутском институте. Потом пишет, что беременна. За два месяца до родов приезжает в Томск. Когда настало время, я отвезла Грету в роддом. Ночью. Утром мама торопит меня: «Иди узнай, кто родился. Наверное, девочка: я видела во сне румяные булочки». Я бегу в роддом и узнаю, что действительно родилась девочка: вес – 3900, самочувствие молодой мамы хорошее. Когда Грета выписалась, стали придумывать имя нашей «булочке». Назвали Алисой. Всей семьей крутимся вокруг неё. Девочка быстро подрастает. Через три месяца Грета с дочкой уезжает в Усолье. Я проводила их до Тайги. Посадив в поезд, идущий на Восток, дала телеграмму Виктору, чтобы встречал.

Потом Витю переводят на другой объект, в Суетику. Суетику – таежный глухой поселок. Там семье выделили комнату в рабочем общежитии. Я ездила туда к ним. Посмотрев, в каких условиях они живут, я очень жалела Грету за ту судьбу, что досталась ей. Постоянная переселенка. Но Грета не унывала. Потом они жили в Улан-Уде, в Чите и, наконец, поехали к родителям Вити в городок Хор. Это Хабаровский край. Алисе было тогда два года.

Когда Витя работал в Чите, он встретил своего бывшего однокурсника по ТПИ, и тот предложил ему поехать работать в г. Бурштын. Это Западная Украина, городок рядом со Львовом. Посоветовавшись с женой, Виктор соглашается туда ехать. Переезжая из Хора, они заехали в Томск, оставили Алису у нас, а сами поехали в этот Бурштын.

Алиса – прелестный ребенок (как и все дети, когда они еще маленькие), все её любят и обожают. Марта вычитала в каком-то чешском журнале кукольное имя – «Кутасик», и это имя как-то сразу «прилипло» у нас к Алисе. Нынче ей уже за сорок лет, а она так и осталась у нас Кутасиком. По крайней мере, я иначе её не называю. И она к этому привыкла. Кутаська, Кутасенька. Первые песенки, стишки в её исполнении записаны Мартой на кассету.

Я ездила в Бурштын. Городишко сумрачный, затаившийся. В каждом частном дворе часовенка или стоит обыкновенный могильный крест. Коренные жители ненавидят «москалей». В войну и после войны там орудовали банды бандеровцев: крушили все советское, убивали «москалей». Очень часты там туманы, на расстоянии двух-трех метров не видно ни зги. Витя работал на монтаже новой электростанции для поселка. Квартира у них была большая, но жили они как-то настороженно. Народ там не похож на сибиряков – нераспахнутый, негостеприимный.

Как-то Витя спросил меня, стоит ли ему вступать в партию. Я ему сразу ответила, что стоит, иначе он будет всегда на вторых ролях, несмотря на свой уже заработанный инженерный опыт. Для мужчины в те времена партия – это карьера. Иначе нет доверия, и без партбилета ты – букашка. И Витя стал коммунистом.

Потери близких

В 1963 году умерла мама. Как-то я лежала на кровати и читала книгу. Подошла мама. Облокотилась о спинку кровати и сказала мне: «Я скоро умру». Я ей на это ничего не ответила, потому что не знала, что сказать. На третий день после этого она умерла. Маме было 83 года. Накануне дня её смерти вечером ей было очень плохо. Она стонала и даже кричала: болел бок. Потом она успокоилась и уснула. Утром я, как обычно, пошла на работу. Но у меня было какое-то беспокойство. Когда я пришла домой на обед и стала открывать ключом дверь в квартиру, то почувствовала какой-то ледящий холод, исходящий от двери. И когда подошла к маме, то увидела, что она скончалась. Кисти её рук, пальцы распухли, стали гладкие, молодые, исчезли все морщинки. Вот когда я увидела «молодыми» натруженные, изработавшиеся дорогие мамины руки. Путь на кладбище рядом с гробом близкого родного человека – это самый печальный путь.

Когда умерла мама, с моим братом Виктором случился сердечный приступ, и его увезли в больницу. На похоронах он не был. Еще при жизни мамы он перенес тяжелую операцию по поводу перитонита. Я часто ссорилась со своими братьями, в чем-то их упрекая. А их хоть иногда просто нужно было пожалеть. Я только теперь это поняла. Мужчины, как известно, более ранимы, чем женщины. Женщина, если случится беда, наревется, наплачется, а потом вытрет слезы и нос, и как будто полегчало. А мужчины не плачут, у них слезы остаются внутри, ложатся на сердце. Наверное, поэтому они меньше, чем женщины, живут.

Виктор всегда был элегантным. Он не курил и даже дыма табачного не выносил. Но он пристрастился к выпивке и на каком-то этапе стал зависим от алкоголя. Нет, до свинского состояния он никогда не напивался. Ему нужно было быть слегка под градусом, и обязательно в компании. Часто давал маме слово не пить, но каждый раз его нарушал.

В сапожном ремесле Виктор достиг такого уровня, что его называли художником своего дела. Как-то он сшил туфли одной обкомовской даме, после чего на него посыпались заказы от хозяев этого властвующего дома. Секретарям он шил белые фетровые бурки, а их женам – туфли. К нему был прикреплен специальный уполномоченный, Виктора прикрепили к обкомовской «кормушке», предлагали выделить комнату под мастерскую прямо при обкоме, но брат отказался. Хотел быть свободным.

Но вот Виктор заболел страшной болезнью – раком. Долго он не знал свой диагноз, мы от него это скрывали. Как-то он сказал мне: «Что-то у меня стали темными брови». А дело было не в бровях, просто сильно побледнело лицо. Когда он узнал, что болен раком, то стал быстро угасать. Иногда брал аккордеон, тихо играл и напевал. Песни были самые грустные. Витя умер 5 мая 1967 года. В это время бурно распускалась природа, а он умер... Ему было только 57 лет. На похоронах было очень много народа. Были и друзья по компаниям, были и искренние друзья. Играл оркестр. Друзья долго несли его гроб на руках. Некоторые прохожие спрашивали: «Кого хоронят?» Похоронили рядом с мамой. На могиле поставили простой деревянный крест, но позднее кто-то из Витиных друзей поставил памятник. Обычный, какой в те годы ставили – железная пирамида со звездочкой и медной табличкой. Скоро эти могилы станут забытыми, и никто к ним не придет...

Брат Анатолий умер тоже от рака. Он был дважды женат, и, кажется, обе жены были им любимы. Есть такая правда жизни – хорошая жена ставит мужа на ноги, плохая – валит с ног. У Толи семейная жизнь сложилась так, что обе жены валили его с ног, хотя он был неплохим парнем и без вредных привычек. Искренне его любила и жалела только мама, а у жен он был «под каблуком». Умер Толя в 1992 году в г. Омске, почти в

одиночестве. Хоронили его дочери – Наташа и Галя. Дочери его – хорошие, трудолюбивые женщины. Уже имеют внуков. Но в жизни они несчастны, каждая по-своему.

Марта

Ну, а теперь опять про свою семью. Марта, закончив педагогический институт, поехала по направлению в поселок Берегаево Тегульдеьского района, преподавать в средней школе немецкий язык. Улетела туда на маленьком самолете – «кукурузнике». Я провожала её еще со старого аэропорта. Тревоги у меня за неё не было, потому что считала деревню неопасным местом для проживания. И в деревнях к учителям относились с уважением. Марту в Берегаево определили на квартиру к немке Каролине Шек. У Каролины два взрослых семейных сына. Живут отдельно от матери, там же в Берегаево. Судьба этой немецкой семьи трагична. До войны они жили в Крыму, выращивали виноград. Когда Крым во время войны заняли немцы, советских немцев, живших там, они угнали в Германию и там расселили по деревням. Как рассказывала Каролина, жили они там неплохо. Каролина очень плохо говорила по-немецки, а её сыновья совсем не знали немецкого языка. После Победы, когда наша армия находилась в Германии, советских немцев собрали, и им было предложено вернуться в Советский Союз, им якобы будет возвращено все, что они имели, и они будут жить там же, где жили раньше. Выбор у них был, но семья Шек, вспомнив свой виноградник в Крыму, решила вернуться. Их вместе с другими посадили в товарные вагоны, забили двери досками и повезли без всяких пересадок прямо в Сибирь. Так Каролина, вместо Крыма, оказалась в Томской области. Немцы – народ работящий. Они быстро приспособились к сибирским условиям – снегу и морозам. Когда в 1985 году началась у нас в стране перестройка, когда была сломана берлинская стена, и Германия воссоединилась, младший сын Каролины уехал туда на постоянное место жительства. А Каролина со вторым сыном Эдуардом переехала поближе к Томску, в село Кандинку, где тогда была большая птицефабрика (теперь этой птицефабрики нет, её растащили и разворовали). Каролина купила в Кандинке маленький дом с большим огородом, сын Эдуард получил от птицефабрики, где он стал работать, квартиру. Каролина развела большой огород, держала кур, поросенка. При этом не теряла мечту уехать в Германию. И, наконец, собралась. Оставив все свое большое хозяйство и сундук с добром, с небольшой сумкой, в которую сложила носильные вещи, и уехала. Однако, прожив в Германии всего три года, она умерла. А Эдуард так и живет в Кандинке. У него две дочери, внуки. Живут отдельно. У Эдуарда самое лучшее хозяйство в деревне, но тоже думает уехать в Германию, хоть уже не молод и не знает язык. Проблема в том, что не хочет уезжать его жена. Она не знает немецкого языка, зато хорошо владеет матом. Так и остались здесь.

Марта, проработав в Берегаево положенные два года, вернулась в Томск. В Томске сразу устроилась на работу в университет на кафедру иностранных языков.

Поездка в Трусковец

От Греты из Бурштына в 1967 году мы вдруг получаем телеграмму, содержание которой меня ошеломило. Я не знала радоваться или отнестись к этому настороженно. Грета писала: «Мама, едем в Германию в командировку на пять лет. Привози Алису». Потом был телефонный разговор, и Грета рассказала, что Виктору пришло предписание из московского «Загранэнерго», что он, согласно контракту, направляется в ГДР, в город Лейпциг на строительство электростанции с группой инженеров, в основном, москвичей. Все едут с семьями. Договорились о дне отъезда, и я с Алисой лечу в Москву. Встречаемся в Москве в аэропорту. Пожила с семьей дочери в гостинице несколько дней, пока Витя оформлял документы в Министерстве, а потом проводила их с Белорусского

вокзала в Германию. Слез не было. Радовалась. Все-таки такая командировка – это для них как вознаграждение за тяжелые годы скитаний по стране.

Витя купил мне курсовку на курорт в Трусковец, и проведив их, я отправилась туда отдохнуть и подлечиться. До курорта добралась от Москвы через Львов. Трусковец – небольшой городок, знаменитый своей лечебной водой «Нафтуся» и лечебной твердой грязью «Озокерит». Эту грязь отдыхающие заворачивали кусками в бумагу и отправляли по почте домой, впрок, чтобы можно было лечиться дома. Я тоже отправила домой посылку с куском озокерита. Он до сих пор валяется в сарае. Впечатления от того курорта у меня остались мрачные. При мне там произошло убийство. Один из отдыхающих убил женщину, тоже из отдыхающих. Она в санаторной столовой сидела с ним за одним столом. Дело оказалось в том, что женщина узнала в своем соседе по столу бывшего полицая, усердно работавшего с оккупантами во время войны. И она сказала ему об этом. Боясь разоблачения, бывший полицай подкараулил свидетельницу и ударил кирпичом по голове. Умирая, она успела сказать, кто её убил. Убийцу ловило все мужское население санатория. Поймали.

В Трусковце я так же почувствовала недоброжелательное отношение к «москалям». Сюда, в Трусковец, мне пришла телеграмма от Греты из Германии. Сообщила, что живут в Лейпциге, получили отличную квартиру, всем довольны.

На память о Трусковце записала там стишок, который «ходил по рукам» отдыхающих, сочиненный каким-то приезжим поэтом. Стишок сохранился в моей записной книжке:

*Трусковец наш ничего
Населенье только – но!
Инвалиды и старухи
Составляют большинство.
На курорте я живу,
Почки, печень я лечу
И с утра до поздней ночи
Еле ноги волочу.
На одной горе бьет
На другой горе обед,
А на третьей, в самом центре,
Расположен туалет
Ох, любовь моя «Нафтуся»,
Как тобою я напьюся,
Три раза за ночь проснуся,
Ну, а если не проснуся,
Обязательно у.....ся.
И куда ты ни пойдешь,
Всюду очередь найдешь,
И в столовой, и в бьюете,
И в кино, и в туалете.
Я мечтаю день и ночь,
Чтобы камни выгнать прочь.
От врача, вместо леченья,
Получаю утешенье.
От врача я выхожу,
До «Нафтуси» дохожу,
И Нафтусю, как богиню,
Я о помощи прошу.
Помоги, - молю, Нафтуся,
За тобой хожу, как тень,*

*Всею душой к тебе я рвуся,
По три раза каждый день.*

А Нафтуся мне в ответ:

«Прежней силы во мне нет,

Полечиться Вам придется

До конца преклонных лет».

Ох, любовь моя, Нафтуся,

Мочегонная вода,

Я к тебе еще вернуся,

Если только не загнуся.

Все, кто лечился по курсовкам, снимали квартиры сами у местных жителей. Я тоже. В курортном управлении приезжающим на лечение давали адреса частных квартир. Моя хозяйка имела двухкомнатную квартиру. Одну комнату она сдавала отдыхающим, в другой жила сама. Женщина молодая, приветливая. У неё было пятеро детей, но ни одного с ней не было, всех сдала в Львовский приют. Раз в неделю ездила к детям с гостинцем. К ней постоянно ходили мужчины за любовью: и днем, и ночью. Иногда днем двери им открывали мы – квартиранты. А нас в комнате было четверо. С нами она была откровенна. На вопрос, кто отец её детей, она отвечала, что не знает. Кто из них от кого. У всех отцы разные. Мы не знали, как относиться к этой женщине, презирать или жалеть её.

Из Трусовца я выезжала рано утром, было еще темно. По дороге к автобусной остановке я услышала хоровое пение по-украински под аккомпанемент какого очень мягкого ударного инструмента. Чем ближе я подходила к остановке, тем слышнее было пение. Оказалось, это пели пассажиры, ожидавшие автобуса. Аккомпанировал парень, ударяя палкой по пустой железной бочке, обстукивая её то по бокам, то по дну. Я слушала и думала: «Какой же это талантливый народ!» И удивляло то, что певцы были совершенно незнакомы друг с другом. И как при этом прекрасно пели! Хотелось слушать их без конца. Вот так я простилась с Трусовцом – этим городком на холмах в предгорье Карпатских гор с его лечебной водой с ласковым названием «Нафтуся». Про эту воду отдыхающие сочинили стишок, в котором говорится, что она «под шумок гонит камни и песок, безо всяких инструментов моет стенки всех кишок».

Сейчас из российских граждан, наверное, мало кто может посетить Трусовец и попить его целебную воду. Украина для России – отрезанный ломоть. Это уже другое государство. Я с горечью восприняла развал нашей великой страны (пусть даже её величие заключалось в огромных территориях, собираемых по кусочку еще при царизме). Распалась многонациональная культура, не говоря уж об экономике и многом другом. Виновник этого злодеяния – избранный народом президент, недобрым словом помянутый Ельцин. Думаю, сделано это было не по каким-то политическим расчетам, а по глупости, может, под пьяную руку. Под его руководством разрушена промышленность страны, расцвела коррупция, бандитизм, воровство в больших размерах, и сам народ начал помаленьку деградировать. Свою страну сам назвал «Страной дураков». По этому поводу я читала статью в «Литературной газете» того времени. Журналист, разговаривая с одной ученой дамой, которая часто бывала за границей, задал ей вопрос о дураках: есть ли они в других странах. Ученая дама ответила, что за границей тоже много дураков, но в отличие от нас, их не допускают к власти. У нас Ельцина переизбирали на второй срок. Лично мне неприятно вспоминать этого косноязычного президента и его деяния. Потому возвращаюсь к своей семье.

Марта выходит замуж. Внук Кирюша

Марта в университете познакомилась с парнем – Леной Пушным. Пушной был родом из Симферополя. Там он окончил строительный техникум, а затем учился в Ленинградском университете, но там что-то с учебой не заладилось, и он приехал в Томск и поступил учиться на физический факультет Томского университета. Когда он

познакомился с Мартой, ему было 27 лет. Леня был эрудированным, начитанным, умным. Мы называли его «ходячей энциклопедией», с ним было интересно беседовать. Его любимым занятием было чтение книг и книги, я бы сказала, были его страстью. Он никогда не сидел без книги. Физически он был немного увальнем, склонным к полноте, спортом никогда не занимался. В Симферополе у него осталась мать. Отца не было, - он погиб на фронте, когда Леня был совсем маленьким. Любимым писателем его был Э. Хемингуэй, любимым композитором – Моцарт. Леня не употреблял спиртного, но очень много курил.

Леня стал часто у нас бывать: и один, и с друзьями по университету. Он очень сдружился с Мартой и, наконец, они стали супругами. В 1970 году у них родился сын. Леня дал ему имя Кирилл. После родов Марта заболела грудницей, её положили в больницу на операцию. Леня бегал в роддом за грудным женским молоком для сына. В роддоме грудного молока много. Каждая, находящаяся там женщина готова им поделиться. Леня приносил бутылочку молока, мы его кипятили и, остудив, давали малышу через соску. Некоторые молодые отцы к своим новорожденным детям – этим маленьким красным кричащим комочкам относятся брезгливо и только со временем, когда маленькие человечки начинают улыбаться, что-то бормотать, протягивать ручки, начинают испытывать теплое чувство отцовства. У Кирилла на животике оказалось большое родимое пятно. Леня, увидев его при купании, сказал: «О, и у меня точно такое же!» Поднял рубашку и показал. Пятно по форме как скрещенные копыта. Потом Леня носил сына Марте в больницу на кормление.

Я была очень рада появлению внука. Именно тому, что родился мальчик. Ведь у меня были только дочери, и у Греты тоже девочки. Наконец, в нашей семье появился мальчик. Я его называла Кирюшей и полностью все заботы о нем взяла на себя. Каждый день Кирюша приносил нам новые радости. В 10 месяцев начал ходить, в два года начал говорить. Я записывала его словарь. Например, слон – сён, волк – вук, медведь – мука, , козел – зюзьяк и т.д. Когда, укладывая его спать, я говорила: «Кирюша, закрой глазки и спи», - он отвечал: «У меня глазки не закрываются, они испортились». В пять лет он спросил: «Кто такие сумасшедшие?» Мать ему попыталась объяснить и в конце сказала, что они опасны для здоровых людей, и поэтому их изолируют от них. Кирюша спрашивает: «А как изолируют? Обматывают изоляционной лентой?» Вопросы он задавал всегда и очень много. Любимой его книгой была «Семь подземных королей». Я ему читала её каждый день, и он очень внимательно слушал.

У меня на столе всегда лежала чертежная доска. Когда я работала за ней, я что-то считала, и цифры часто произносила вслух. Кирюша, подражая мне, брал лист бумаги, чиркал по нему карандашом и произносил число, в котором присутствовала только цифра «семь»: «Семь-семь-семь». Во дворе друзей у него не было, потому что мальчишек интересовал только футбол. Они колотили мячом в стену дома, пинали по двору. Кирюшу это совсем не прельщало. Он любил творческую работу, любил строить. Собирал во дворе брошенные доски и что-то сооружал из них. Сначала сколотил лестницу, потом построил маленький сарай. Старшие ребята его поделки ломали, уничтожали. Это были омерзительные хулиганы, таковыми были и их поступки. Их способности ограничивались только умением молотить ногами футбол. А Кирюша пришел как-то домой и с восторгом говорил о своем знакомстве с «дяденькой в зеленой рубашке». Это был столяр, который работал в мастерской в нашем дворе. Кирюша его обожал и всегда обращался к нему со своими строительными делами. Столяр проникся к нему теплотой, давал ему дощечки, гвоздики. Они часто беседовали по-взрослому о том, о сем, стали друзьями. Кирюша начал строить дом на дереве. Под окнами нашей квартиры во дворе рос огромный развесистый клен. Ветви его почти опускались к нам на балкон. Вот на этом дереве внук и развернул свою стройплощадку. Сколотил лестницу, по которой затаскивал на дерево доски. Я, конечно, ему помогала. Сначала сделал пол, потом стены, крышу, не забыл об оконце и двери. И вот домик готов. Кирюша забирался в него, высовывал свою рожицу в

окошко, и был доволен. Иногда брал в домик нашего кота – «Котейку». Проходившие мимо люди всегда поощряли Кирюшу, хвалили, что-то подсказывали. С «дяденькой в зеленой рубашке» он дружбу не терял, но имени его так и не узнал. К сожалению, этот добрый дяденька вскоре умер, и Кирюша очень сожалел о нем.

Внука я обожала с самого его рождения и до сих пор. Любознательность его не знала границ. Он рос добрым и нежным мальчиком. Когда его кто-нибудь обижал, он говорил мне: «Баба, пожалей меня, назови ласточкой, крошечкой». И я прижимала его к себе, повторяла эти слова, и он успокаивался.

В 1977 году Кирюша пошел в школу. Школа рядом, через дорогу. С учительницей ему не повезло. Крикливая, нервная, недобрая, скучная. Некоторые родители старались «подмасливать» её подарками, подношениями. Кирюша уставал на уроках, нервничал, часто болела голова. Учителя в школе – одни женщины. Учитель физкультуры – тоже женщина. Занятия она проводила, обутая в валенки. Смешно было смотреть, как она показывала детям упражнения, шлепая в этих валенках по залу.

Еще до школы Кирюша начал интересоваться небом – звездами. Задавал вопросы: почему звезды не падают, почему одни ярче других, и вообще, что это такое – звезда? Отец принес ему с работы подзорную трубу, и каждый ясный вечер они наблюдали за этим чудом – звездным небом. Леня в детстве в Симферополе состоял членом клуба астрономов и достаточно изучил науку астрономию. В доме появилась карта звездного неба, книги по астрономии. Вскоре Кирюша знал названия планет, безошибочно показывал их на небе, знал, какой ученый открыл ту или иную планету, расстояние их от Земли, их характеристики. Узнал, почему бывают солнечные и лунные затмения, скорость движения планет, и что солнце – это не планета, а звезда. Когда Кирюша один без отца выходил с трубой на улицу, я следовала за ним и стояла около на страже. Иначе труба могла исчезнуть. Иногда я тоже наводила трубу на какую-нибудь звезду и поражалась увиденному: звездочка превращалась в огромный светящийся шар, неподдающееся разуму расстояние до него завораживало.

Около Симферополя в закрытом городе находилась одна из крупнейших в Советском Союзе обсерватория. Она была оборудована очень большими телескопами. Я с Кирюшей и Леней побывала в этом городе-обсерватории. Ночью он выглядел фантастически. Именно ночью там начинался рабочий день. Ночного освещения, как в других городах, там не было. Не положено. Только стоят на высоте в один метр фонари с синим светом. Они накрыты большими абажурами, отражающими свет вниз. Издали эти фонари похожи на огромные сказочные голубые цветы. Посмотреть на небо через телескоп нам не удалось.

Еще под Симферополем в небольшом курортном городке Судак была детская обсерватория. Мы там тоже побывали. Туда съезжались дети – любители астрономии со всего Союза. Все ночи они проводили на крыше здания обсерватории, наблюдая за звездами. Там были мощные подзорные трубы. Вот уж там мы вдоволь насмотрелись и на Марс, и на Венеру, и на Юпитер, и, конечно же, на Луну с её темными пятнами. Приближение было настолько большим, что казалось, протяни руку, и достанешь ночное светило рукой, казалось, что можно потрогать кроваво-красный Марс или другую планету. В бытовом отношении жили мы в Судаке почти в пещерных условиях. Никто о приезжих не заботился. Были только бесплатно представлены крыша и инструменты для наблюдения за ночным небом. Кирюше особенно понравилась звезда Кассиопея. Когда мы приехали домой, он начал конструировать на бумаге корабль для полета к этой звезде. Рисовал её жителей с крылышками – «кассиопейчиков». Корабль Кирюша рисовал снабженным самым совершенным оборудованием и всем необходимым. Я по глупости все его рисунки выбрасывала.

Ну, а теперь придется оторваться от своего любимого Кирюши – «ласточки-крошечки», чтобы продолжить рассказ про Греточку – тоже не менее любимую.

Поездка в Германию

Получила от неё из Германии большое подробное письмо. Они по-прежнему жили в Лейпциге – городе международных ярмарок. Ярмарки проводились там дважды в год – весной и осенью. Их символика – это две буквы «М» - одна в одной. Грета с семьей жила в трехкомнатной квартире в огромном девятиэтажном доме, на шестом этаже. Квартира обставлена всем необходимым, начиная от мебели, кончая постельным бельем, которое регулярно менялось, и посудой до чайной ложки включительно.

Витя работал на строительстве электростанции в местечке Тирбах. Проект на строительство разработал Московский проектный институт, все оборудование станции (котлы и прочее) – советское. Все руководство и инженеры – советские работники, рабочие – немцы. Рабочий день в Германии начинался в 7 часов утра.

Грета писала, что настроение хорошее, изучает город. В Лейпциге есть, что посмотреть и где побывать. Например, знаменитая церковь «Томас-кирхе», где работал некогда кантором сам Бах. Там же его могила. В этой церкви поет немецкий хор мальчиков. Называют его «Томанен-хор» (?). Он всегда исполняет музыку Баха. Грета писала также о том, что в немецких магазинах изобилие продуктов и промышленных товаров, и никаких очередей. На улицах часто слышна русская речь, но порой можно было услышать в спину и «руссише швайн».

Витя изучает немецкий язык. Алиса пошла в русскую школу. И еще Грета написала, что скоро вышлет мне гостевое приглашение для посещения Германии.

У нас в стране в то время генеральным секретарем партии (генсеком) был Л.И. Брежнев. Позже он написал книгу под названием «Малая земля». По слухам, она была написана при помощи томского писателя Г. Маркова, который был в то время председателем Союза писателей. При Брежневе власти начали помаленьку прижимать разболтавшийся, было, во время «оттепели» народ. Знаний и таланта у Брежнева для руководства страной не было, и народ начал слагать о нем анекдоты, в одном из которых ему было присвоено звание «бровеносец в потемках».

Но вот я получаю долгожданное приглашение в Германию. Не помню, как выглядела эта драгоценная для меня бумажка, помню, что она была написана и на русском, и на немецком языках. Мы её долго рассматривали. Через несколько дней я, собравшись с духом, пошла с этой бумажкой в известное всем управление КГБ на Кирова, 18. В кабинете, где оформляются документы на выезд за границу, сидели две дамы. Прочитав мое приглашение, они окинули меня строгим взглядом, и начали со мной беседовать. Мне было задано очень много вопросов, после чего выдали бланк анкеты и перечислили, какие справки и другие документы нужно еще принести. Потребовалась характеристика с места работы, трудовая книжка, справка из ЖЭКа и другое. В анкете на четырех страницах много вопросов. Заполняя её, я вспомнила грампластинку, которая была у нас в 1930-х годах. На ней была запись выступления сатирика тех времен – Хенкина. Он высмеивал вопросы анкет:

Когда вы родились?

Когда вы умрете?

Как фамилия первого мужа вашей тети?

Есть ли идиоты среди ваших родственников, и в кого из них вы пошли?

Почему вы маленьким не умерли?

Заполнив анкету и собрав все документы, я сдала их в управление. Мне сказали, что результат (то есть, разрешат мне поехать к дочери или нет) мне сообщат через месяц по телефону. Потом к нам приходил участковый милиционер, что-то спрашивал, потом приходили из КГБ и расспрашивали обо мне у соседей. Наконец, через месяц мне сообщили, что поездка разрешена. Я начала собираться. К тому времени я скопила «кучу» денег – одну тысячу рублей. Половину положила на аккредитив, остальные взяла с собой. При получении заграничного паспорта мне поменяли на немецкие марки всего 30 рублей.

Больше не полагалось. Курс обмена валюты в то время (1969 г.) был такой: один американский доллар стоил всего 90 копеек, одна немецкая марка – 32 копейки. Тем, кто ехал за границу к родственникам, обмен рублей на валюту не полагался, а тем, кого жители страны приглашали в гости, меняли на валюту 300 рублей. В загранпаспорте проставлялась цель поездки. В моем паспорте было написано: «К родственникам», и мне обмен не был положен.

И вот я уже еду на поезде «Москва – Берлин». Выехала с Белорусского вокзала. Везу с собой два килограмма кофе в зернах. У нас он стоил тогда 5 рублей за килограмм, а в Германии – 100 марок за килограмм. Немцы особо любят этот напиток. Когда подъезжали к пограничному городу Бресту, по вагонам пошли пограничники, а за ними таможенники. Пограничники осматривали верхние багажные полки, таможенники спрашивали, что везем. Все пассажиры заполнили декларации. Если на пальце золотое кольцо, то его нужно вписать в декларацию, и на обратном пути таможенники проверят его наличие. Советские деньги провозить не разрешалось, но я свои 500 рублей завернула в носовой платок и спрятала за пазуху. В Бресте наш поезд стоял долго. Далее начиналась другая железнодорожная колея, более узкая, чем наша. Поэтому у каждого вагона меняли колеса. Каждый вагон поднимали каким-то могучим краном, выкатывали из-под него советские колеса и подводили западные. За время этой процедуры пассажиры успевали погулять и даже осмотреть Брестскую крепость, с которой началась для нашей страны Великая Отечественная война. Крепость – музей под открытым небом.

Но вот мы уже едем по Польше. По привокзальным постройкам, полям, по людям, по всему, что видно из окон вагона, чувствуется, что страна бедная. Вот по вагонам пошли польские пограничники, затем таможенники. Проверяли паспорта, сверяли фотографии. У тех, кто ехал именно в Польшу, смотрели вещи. Напротив меня в купе ехал поляк (советский), и таможенник попросил его открыть чемодан. В чемодане лежал тюк ткани, еще какие-то вещи, бутылка коньяка. Нам все было видно. Таможенник перерыл чемодан, что-то сказал хозяину по-польски, и они вышли из купе. Потом пассажир вернулся, взял из своего чемодана коньяк и снова вышел. Когда поезд снова тронулся, вернувшийся пассажир рассказал нам, что таможенник требовал пошлину за ткань или заменить её коньяком. Такова была визитная карточка Польши.

По польской земле ехать было скучно. Но вот подъезжаем к польско-германской границе. Пограничный город Франкфурт. В Германии два города под таким именем. Один на Одере (ГДР), другой – на Майне (Западная Германия). Во Франкфурте-на-Одере наш поезд стоял долго. Пересечение границы было связано с оформлением разных документов, сменой охраны поезда и прочим. Некоторые пассажиры вышли из вагонов. К нашему вагону подошел подвыпивший немец и, покачиваясь, дружелюбно спросил по-русски, почему русские женщины всегда ходят в платках.

Но вот мы уже едем по Германии. В голове мелькают воспоминания о войне, о «вероломном нападении», как писалось у нас, Германии на нашу страну, о всех бедах, которые принесла нам эта война, о той ненависти, какая была у нас к этой стране. Теперь я еду туда, в самый её центр – г. Берлин. Из окна вагона любуюсь порядком, чистотой и красотой этой страны. Вот мелькают дачные домики. Они построены не в разброс, как на наших мичуринских участках, а в одну линию, образующую прямые улицы. Домики, как дворцы, – красивы, крыты красной черепицей. Вокруг каждого домика железная ограда, растут по 2-3 фруктовых дерева, и везде цветы. Никаких грядок, никакой картошки. Хозяева здесь только отдыхают. Вот пасется стадо крупных черно-белых коров. Затем снова дачи. Любуясь такой панорамой, я с горечью думала: «Почему же у нас все наоборот?» У нас хватило ума разрисовать весь наш железнодорожный путь от Москвы до Владивостока и от Москвы до западных границ лозунгами «Слава КПСС!», мелькавшими через каждый километр, а вот убрать вдоль дороги хлам, разваливающиеся халупы, кучи ржавого железа и прочее – на это ума не хватало. И кто тут виноват? Правительство или народ? Думаю, и то и другое.

В вагон зашел немецкий пограничник. Козырнул, посмотрел у всех паспорта, пожелал всем приятного пути и вышел. Таможенники не заходили. Свои пятьсот рублей за пазухой я спокойно провезла через три границы с надеждой поменять их здесь, в Германии, на немецкие марки, чтобы что-нибудь купить для себя.

Подъезжаю к Берлину. Сердце сжалось от волнения. Поезд остановился. Смотрю в окно и вижу подбегающих к вагону моих дорогих родных – Греточку и Витю. Встречаемся, обнимаемся, целуемся. Берлинский вокзал я тогда не посмотрела (это был новый вокзал, старый разрушен во время войны), мы сразу сели в легковую машину и поехали в Лейпциг.

Дом, в котором жила Грета с семьей, огромный, белый. Девять этажей, а в длину занимает целый квартал. Очень много подъездов. Совсем не похож на наши советские дома. При входе - большой вестибюль, лестничная клетка, несколько лифтов. Здесь же полицейский участок и еще несколько служб. И так в каждом подъезде. Около дома продуктовый магазин с отделом разных хозяйственных товаров. В квартире Греты три комнаты. Из них две – спальни, а третья – столовая. В детской спальне – двухэтажная детская кровать. Кухня маленькая, с электроплитой. Рядом душевая и комната-кладовая, где находится верхняя одежда, обувь, другие нужные вещи. В доме живут немцы, вперемешку с русскими, венграми и чехами. Вдоль дома во дворе у стен сооружены специальные гнезда для велосипедов. В такое гнездо закатывалось переднее колесо велосипеда. И велосипед оставлялся в устойчивом положении. Велосипеды хранятся у немцев на улице днем и ночью. Воровства нет. Машины тоже стоят на улице, на обочине дороги. Никаких тебе железных гаражей.

Расположение квартир, как в гостинице. В каждом подъезде мусоропровод, расположенный в отдельной комнате. Здесь же стоят эмалированные баки для пищевых отходов, работает вентиляция. У Вити зарплата 1200 марок. Квартира и все услуги бесплатно. В подвале дома расположились всевозможные службы, включая прачечную. Там стоят стиральные машины, дежурит сиделка. Приходи, стирай и суши свое белье. В подвале имеется даже комната для чистки обуви, разложены щетки. Я с большим интересом ко всему присматривалась, и постоянно сравнивала с тем, как у нас. Немец никогда не выбросит в мусорное ведро кусок хлеба и даже корку от него. На тарелку не положит еды больше того, чем сможет съесть и уж конечно не сунет в тарелку окурочек.

Недалеко от дома Греты находился парк, куда мы постоянно ходили. В парке каждое дерево на учете. К каждому прибита бирка, на которой указан возраст дерева и сообщалось, что дерево охраняется законом. В центре парка – большое искусственное озеро, образованное из ручья. По оси ручья вырыт глубокий котлован округлой формы, и с одной стороны ручей перекрыт запрудой. Вот вода из этого ручейка и наполнила котлован, и получилось замечательное озеро. Берега засадили ивами, которые опустили свои «плачущие» ветви к воде, и получился очень приятный, живописный уголок для отдыха. Везде по берегу скамейки. В озере плавают несколько уток, для них на берегу построен домик. Вокруг озера все зелено и ухожено. Уровень воды регулируют запрудой, поэтому озеро никогда не переполняется. И еще очень важная деталь. Озеро приносит доход. В нем разводят карпов. Их видно сверху и можно ловить даже руками. Но везде висят объявления, написанные только по-русски: «Рыбу ловить не разрешается!» Русские, конечно, не слушались предостережений, и иногда по вечерам рыбачили.

В парке лежал большой гранитный камень-глыба, на котором было высечено «1812 год». В табличке рядом написано, что на этой территории в 1812 году было произошло крупное сражение немцев и других народов с армией Наполеона.

В парке находился корпус психиатрической больницы. Здание большое, двухэтажное, с зарешеченными окнами. Там содержались психически больные мужчины. Некоторые из них, «легкие» больные, гуляли по парку. Как-то я с внучками Алисой и Лерой сидела на скамейке у озера. Ко мне подошел элегантный немец из больных. Он спросил: «Это дойче киндер?» Я по-своему поняла его вопрос и ответила: «Да,

дочерины». Зная только, что «киндер» - это дети, второе слово я поняла, как «дочь». Алиса засмеялась и поправила меня: «Баба, ведь он спросил у тебя про нас: «Это немецкие дети?»».

Мы с Гретой называли между собой этот парк «сумасшедшим парком». Я слышала, что немецкое мужское население особо подвержено психическим заболеваниям (а, может, это только слухи).

На окраине Лейпцига, недалеко от парка, была (возможно, и сейчас есть) огромная гора-свалка, высотой с трехэтажный длинный дом. Это свалка старых ненужных вещей: одежда, обувь, мебель, игрушки, велосипеды, посуда и многое другое. Посмотрев на эту свалку, мы с Гретой подумали: «Вот бы нам, в СССР, эту кучу вещей, вмиг растащили бы по домам». Иногда у этой свалки можно было увидеть советского офицера (из гарнизона советских войск, находившихся тогда в Германии), который копался палкой в куче старья. О таком случае даже была статья в нашем журнале «Юность». Офицер, может, искал просто нужную гайку или другую железку, а не поношенные штаны, но все равно, честь нашей армии такие факты не красили. А нам было стыдно это видеть. Русский офицер царской армии такого бы себе не позволил, скорее бы застрелился, чем стал бы копаться в мусорной куче поверженной страны.

Мы с Гретой ходили по соседним улицам, где немцы жили в собственных одноэтажных домиках-особняках, которые они строили для себя сами. Дома сказочные! Каждая усадьба обнесена красивой металлической оградой. Я обратила внимание на входные двери домов. Они светлые или коричневые, окантованы желтым металлом, на полотне двери тоже металлические украшения, и сверкающая бронзовая ручка. Каждый хозяин вкладывал в строительство все свое мастерство, и в этом не было мелочей. А входная дверь была как бы визитной карточкой, «титульным листом» дома и отражала общую культуру хозяев. В каждом дворе росли два-три фруктовых дерева – яблони или вишни. Плоды этих деревьев так аппетитно для нас выглядели, тянуло сорвать и полакомиться. Но хозяева их не ели, видимо, по экологическим соображениям. Фрукты покупали в магазинах.

Начиная с 8 часов вечера ни одного немецкого подростка на улице не увидишь. Таков закон. С этого часа дети должны быть дома. Ни в кино, ни в театр, ни в другие общественные места подростки без родителей в это время не допускались. А вот дети наших советских специалистов бегали, играли на улице до 10-11 часов вечера. Немцы пожимали плечами, спрашивали: «А когда же ваши дети ложатся спать?»

По сравнению с деловым и немножко угрюмым Берлином город Лейпциг всегда выглядел приветливым, как будто улыбающимся, а во время ярмарок город становился веселым и праздничным. У главного немецкого ярмарочного павильона на высоких шестах выстраивались развевающиеся флаги стран, участвовавших в ярмарке. Их было не пересчитать. Мне посчастливилось побывать на весенней ярмарке 1969 года. В центральной части города в 1913 году был воздвигнут из гранита памятник «Битва народов» (начато его возведение в 1889 г.). Он посвящен победе над Наполеоном и выглядит очень величественно. Его высота – 90 метров. Внутри памятник полый. До самого верха лестница с площадками по всей окружности, и там прекрасная акустика. Иногда внутри памятника устраиваются концерты. На самом верху во время парада физкультурников зажигался факельщиками огонь. Проходило это все очень торжественно, и став однажды свидетелем такого зрелища, я навсегда сохранила его в памяти.

Город Лейпциг – это город книги. В нем крупнейшая в мире полиграфическая промышленность. Здесь 50 типографий! Но типографий много и в других немецких городах. В Лейпциге я посетила музей «Искра» - бывшая типография, в которой В.И. Ленин печатал свою газету. Это на окраине в небольшом одноэтажном домике. В музее было скучновато. Стояли разные печатные станки, на стенах портреты Ленина и лозунги первых лет советской власти, лежала книга отзывов, в которую я тоже написала что-то пафосное. А как иначе? В отдельной комнате сидела хранительница музея, немка. Она

продавала репринтные издания газеты «Искра», включая её первый номер. Я купила одну газету, дома, в Томске, у меня её кто-то украл.

В Германии нет запущенных, заброшенных участков земли, потому что там её мало. Каждый её метр использован в благих целях. Нет здесь богатых месторождений полезных ископаемых. Имеется только бурый уголь, который добывается открытым способом, поскольку залегают неглубоко. Углубления в земле, остающиеся после окончания выработки, используют для искусственных озер, по берегам которых создают зоны отдыха. Добытый уголь немцы превращают в пыль, из которой формуют аккуратные брикеты и продают на топливо. Такие брикетки, но покрытые лаком, продают на сувениры.

Каждый немецкий юноша считает своим священным долгом отслужить в армии. Никто от этого не пытается уклониться. Армия пользуется уважением. И никакой омерзительной дедовщины и других дикостей, как у нас, там нет. Кстати, слово «дедовщина» не переводится ни на один иностранный язык. И еще было интересно узнать, что в Германии не награждают работников почетными грамотами или специальными знаками за трудовое отличие. Хорошая работа на производстве – само собой разумеющееся дело. Плохо и с ленью немцы работать просто не умеют.

Как-то я попросила Витю показать мне стройку, на которой он работал, и он согласился. Я же строитель, и мне было очень интересно, как это дело поставлено у немцев. Встать пришлось очень рано: рабочий день на производстве везде начинался в 7 часов утра. Мы с Витей в автобус, который возил работников на работу. И вот я на стройке электростанции, что вблизи Лейпцига. Вокруг строящегося корпуса – лужайка, аккуратно сложены строительные материалы, нигде не валяется ни одной доски, ни одного кирпича. На стройке не видно ни одной женщины. Все рабочие в защитных касках на головах. И никаких перекуров во время работы. Витя показал мне гору нового оборудования, привезенного на вертолетах из Советского Союза, и сказал, что это все отбраковано при монтаже, потому что не работает. Немцы удивлялись, как это можно делать на заводах такое оборудование, которое приходится сразу выбрасывать, как негодное. А у нас в стране был в ходу лозунг: «Советское – значит, отличное!»

Как-то мы с Гретой гуляли по «сумасшедшему» парку. Навстречу нам шла компания мальчиков-подростков. Они громко разговаривали, смеялись. Я сказала Грете: «Давай свернем, вон шпана идет». Грета мне ответила: «Успокойся, ты ведь не в Томске». Когда ребята подошли близко к нам, они остановились, все наклонили головы в знак приветствия нас, а затем свернули в сторону и аккуратно обошли нас. А когда отошли на какое-то расстояние, возобновили свой громкий мальчишеский разговор.

Про Германию я могу писать много и только хорошее. Вот прекрасный город Дрезден. Там находится всемирно известная картинная галерея и музей «Цвингер». В Дрезденской галерее собраны самые известные произведения великих художников прошлого, в том числе «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Центр Дрездена разрушен во время войны, но Цвингер сохранился. На одной из улиц на тротуаре стоит древняя скульптура толи какого-то мифического божества, то ли древнего мыслителя. Пьедестал низкий, и можно рукой дотянуться до ноги фигуры. Большой палец ноги чуть приподнят. Когда-то один немец придумал шутовую легенду-предсказание: если проходящий мимо человек дотронется рукой до этого пальца, то к нему придет удача. Бронзовое одеяние фигуры, созданной еще, наверное, в догетовские времена, потемнело от времени, покрылось зеленоватым налетом, а знаменитый палец всегда блестит, сверкает, как только что начищенный медный самовар. И это из-за той легенды, от прикосновений рук людей, жаждущих удачи. Я, естественно, тоже потрогала палец, и даже потеряла его. Пришла ли ко мне удача, мне трудно судить. Может, не дотронуся я до того пальца, - жилось бы еще хуже.

В Лейпцигском зоопарке я вдоволь насмотрелась на всякое зверье, собранное со всего света. Был там в клетке и наш огромный красавец – бедняга уссурийский тигр. Для белого медведя сделан ледяной дом и рядом в огромном углублении кусочек «океана».

В Лейпциге самый крупный и самый красивый в Европе железнодорожный вокзал. Описывать его не буду, - не хватит красок и слов.

Сохранился в Германии островок средневековья – это крепость Кеннигштайн. Когда-то здесь отбывали наказание и заканчивали свою жизнь самые отъявленные преступники. Крепость расположена на высокой отвесной горе, обнесена глубоким рвом, наполненным водой. Подъем в крепость по выдолбленной в скале дороге. Ворота, сделанные из заостренных железных прутьев не открываются, а поднимаются лебедкой. В крепости туристам показывают страшные орудия пыток и глубокий каменный колодец, в который опускали преступников навсегда.

Побывала я и в прекрасном немецком городе Веймаре. Это город Гете и Шиллера. В бывшем доме Гете, где он умер, - музей. В Веймаре родился и гениальный Карл Цейс. Его фотообъективы, микроскопы и другие приборы знают и ценят во всем мире. А начал Карл Цейс свою изобретательскую работу с очков. Через Веймар идет путь в мрачное место Германии – лагерь Бухенвальд. Я там тоже побывала. Это место скорби. Тут и говорить ничего не хочется. Мы много видели об этом в документальном кино. В нашей стране в 1930-х годах было своих, сталинских, бухенвальдов полно, в том числе и в Томской области. Этих лагерей нам не показывали. О них говорили на кухнях.

В 1979 году уже прошлого века весенним разливом Оби подмыло берег у нашего Колпашевского «Бухенвальда», и в реку посыпались из размытого рва трупы расстрелянных в 1930-х годах кулаков и прочего «кулацкого отродья». Трупы, как писалось в газетах, хорошо сохранились, и они плыли по реке, некоторые выбрасывало на берег у деревень, расположенных вдоль Оби. Томское областное партийное руководство приказало топить эти трупы. Но это было не так просто, пришлось привязывать к каждому кирпичи. Такие «бухенвальды» тоже запоминаются навсегда. Никто не знает, сколько их было, этих замученных и уничтоженных ни в чем не повинных людей.

Витя в Германии договорился со своим руководством о приглашении Марты на работу в свое ведомство, в качестве переводчика немецкого языка. Московское «Загранэнерго» прислало Марте вызов. Она, конечно, была рада до небес. Заполняет анкеты, собирает справки, характеристики и всю эту кипу бумаг несет в КГБ. Там ей сказали, что решение будет принято через месяц. Через месяц сообщили, что в поездке отказано. На вопрос «почему?» ответили: «Сложные международные отношения». Не буду писать о настроении Марты, - оно понятно. Через некоторое время Витя прислал Марте гостевое приглашение в Германию от немца – его коллеги по работе. У Марты опять возня со справками, анкетами, характеристиками. Но в результате – опять отказ. Тогда Витя прислал ей гостевое приглашение от себя, и опять – отказ. Не выездная! Сиди в своей железной клетке и не рыпайся.

Немцы очень любят русские народные песни. Особенно им нравится «Калинка, малинка, моя». Когда в ГДР приезжал знаменитый ансамбль песни и пляски Советской Армии, в Лейпциге был настоящий праздник. Весь город собрался на площади, где выступал наш замечательный ансамбль.

Еще хочу отметить, что немцы не украшают свои квартиры коврами. Ни у кого не увидишь ковра, висящего на стене. Это считается у них культурой восточной, чисто азиатской. Но любят русские самовары.

Немцы иногда приглашали наших специалистов на праздники, даже если это были праздники советские. Собирались в каком-нибудь клубе, накрывали столы. Столы не ломались от яств, просто перед каждым на столе стояла большая тарелка, на которой по кругу уложены ломтики колбасы разных сортов. На маленькой тарелке – ломтики хлеба и рядом две бутылки пива. Кроме того, был богатый буфет, где продавались крепкие напитки и прочее. На один из таких праздников угодила и я, когда только что приехала из

Томска. Там я познакомилась со многими немцами. Народ очень веселый, пьют мало, и в основном пиво. Много и громко смеются. Ко мне подошел высокий красивый молодой немец. Представился. Его зовут Конрад Боссов. Сел рядом, и у нас завязалась беседа, благо, он чуть-чуть говорил по-русски. Немцам было интересно общение с советскими людьми, именно в неофициальной обстановке, вот так, сидя за праздничным столом. Конрад родился в 1942 году. Он рос в послевоенное время, когда его страна стояла еще в руинах. Родители погибли в войну. Когда Конрад узнал, что я из Сибири, он воскликнул: «Как! Сибирь!» Представление о Сибири у немцев было самое фантастическое. Дескать, это какое-то страшное место, где живут какие-то особые племена великанов. Мы обменялись с Конрадом адресами и потом долго переписывались. В 1976 году по приглашению его семьи я вновь побывала в ГДР и прожила у них целый месяц. Хозяева расспрашивали меня про войну, как я её пережила. В разговоре у них часто проскальзывало чувство вины за ту войну. У Бригитты – жены Конрада отец был в СС. Она показывала его фотографию в эсесовском мундире. Он погиб. И Конрад и Бригитта были коммунистами и работали в городском отделе партии. А мать Бригитты работала в окружном отделе коммунистической партии.

В целом, немцы относились к русским доброжелательно. Это наблюдалось везде. А вот к полякам относились с неприязнью. Я это тоже наблюдала. И немцы этого не скрывали. Моя переписка с семьей Боссовых продолжалась до женитьбы их сына Петера. А тогда, в 1976 году, он был мальчиком, и очень привязался ко мне, был очень ласковый. Водил меня в парк, где в праздничные дни играл симфонический оркестр, работала детская железная дорога (настоящая) с маленьким паровозом и маленькими вагончиками. Обслуживали детскую дорогу подростки, только машинист был взрослый. В парке я увидела большой куст черемухи, на ветвях которого густо висели кисти спелых ягод. Я сорвала одну, положила ягоды в рот. Петер, увидев это, испуганно закричал: «Найн! Найн! Умер, умер!». То есть: «Не ешь, умрешь!» В Германии черемуха считается ядовитой ягодой. Я им объяснила, что в нашей стране черемухи много, что она любимая ягода детей, и что у нас пекут с ней чудесные пироги. Но мой рассказ их ни в чем не убедил, и отношение к черемухе не изменилось.

Конрад возил меня в ближайшую деревню. Деревни в Германии мало отличаются от городов, разве что только архитектурой. Добротные дворы говорят о хороших хозяевах. Интересно было заметить, что на велосипедах с привязанными сзади корзинами ездят даже старухи. Велосипеды стоят на улице, прислоненные к изгороди. В деревне я познакомилась с Фридой – знакомой Конрада. Она рассказывала про войну и все время вспоминала какого-то Николая – русского солдата, который её семье очень помог. Приносил продукты, видимо, отдавая свой паек. Фрида стирала ему гимнастерку. Когда военная часть, в которой служил Николай, собралась передислоцироваться в другой населенный пункт, он приходил проститься. Фриде очень хотелось побывать в нашей стране, и она просила оформить ей гостевой приглашение. Но я этого сделать не могла, так как Томск был закрытым городом. Фрида мне писала в Томск и в письмах опять вспоминала Николая.

Витя на работе сдружился с немцем Гансом Веттигом. Ганс тоже инженер. Витя предложил ему посетить Москву, но Ганс отказался, сказав, что он уже видел Москву, когда в 1945 году после окончания войны их – пленных солдат и офицеров под вооруженным конвоем, голодных и оборванных, водили по улицам Москвы. А люди бросали им кто кусок хлеба, а кто палку. Гансу было тогда 17 лет. Он с обидой говорил, что такая акция не делала чести стране-победительнице, что солдат – человек подневольный, и не он затевает войну.

От Конрада мы получили последнее письмо в конце 1980-х годов. В письмо была вложена ассигнация – 20 немецких марок. Мы с Мартой удивились. В письме Конрад писал, что с Бригиттой они разошлись, что его новую жену зовут Эрика. Нам это было не очень понятно, ведь с Бригиттой они были очень дружной и любящей парой. Когда я была

у них, Бригитта рассказывала мне, что у неё не осталось никого из родных, что вся её любовь направлена на одного Конрада. Я написала Бригитте, но ответа не получила. Как сложилась её дальнейшая судьба, не знаю.

Я очень рада тому, что мне довелось побывать в Германии, и не один раз. И всегда думаю, что эта страна величайшей культуры, давшей миру много великих людей. Германия – это страна упорных тружеников, страна, где всегда царит порядок и дисциплина. У германского народа не могло сложиться таких пословиц, как у нас: «Работа – не волк, в лес не убежит», «Работа дураков любит» и других подобных. К. Маркс свое учение о коммунизме создал именно потому, что жил в Германии. В России этого бы не получилось: не тот «материал», не тот менталитет, не та культура. Но это все мои личные выводы и размышления. Темное, несмываемое пятно Германии – это фашизм. Я не знаю, почему он мог там возникнуть. Но у нас был сталинизм...

Грета и её дочери

В 1973 году Витя заканчивает свою работу в ГДР, и он с Гретой и двумя детьми неохотно возвращается в свою страну. Грета с детьми едет в Томск, Витя – в Бурштын. Там осталась квартира. Уезжая, Витя передал её своему сотруднику, оставив вещи закрытыми в одной комнате. Почти вся одежда за пять лет была источена молью, и её пришлось выбросить.

Витя был уже кадром московского треста «Загранэнерго», и его назначают в Армению на строительство новой электростанции. Поработав некоторое время, Витя от работы там отказался. Не понравилось место, не понравился коллектив. Его перевели в Московский институт энергетики. Предоставили квартиру в г. Любне. Это около аэропорта «Шереметьево». Квартира двухкомнатная на первом этаже девятиэтажного дома. Грета с детьми из Томска переехала в Любню. Городишко небольшой, точнее сказать, - поселок энергетиков, как спальный район. До Москвы ходят электрички, и Витя каждый день ездит на работу на электричке.

В тот период между Гретой и Витей назрел разрыв. Грета увлеклась другим мужчиной. А началось это еще в Германии. Объектом её увлечения был начальник группы советских специалистов, москвич. Увлечение было обоюдным. В Москве Грета с ним снова встретилась. По выходным дням она ездила на свидания с Олегом. Витя страдал, он часто звонил мне в Томск, просил приехать. Я ездила к ним и была свидетелем этой трагедии. Греточка говорила мне: «Мама, я устала от его молчания или рычания. Он не умеет говорить теплых слов. Или молчит, или рычит. Мне надоела такая жизнь. Compliments и теплые слова мне говорят посторонние мужчины». Мне было жаль обоих. Грета была по-своему права. Я это видела. А Витя говорил, что он ничего с собой сделать не может, он такой, какой есть. Говорить он мог только про свои котлы и трубы. Дети были на стороне матери. Я посоветовала Вите уехать на время в длительную командировку: может быть, после разлуки отношения у них наладятся. Витя уезжал в командировки не раз, но это не помогло, и они разошлись. Витя нашел у себя на работе женщину и женился на ней. Увлечение Олегом у Греты длилось около трех лет. Потом она поняла, что это увлечение было самообманом. И хотя Олег развелся с женой, вместе они жить не стали. Не захотела этого Грета. Её начала раздражать в этом человеке чрезмерная педантичность, доходящая почти до трусости. Но отношения еще какое-то время продолжались. Олег очень много помогал её материально, а ей после развода с Витей такая помощь была нужна. Грета работала машинисткой в Шереметьевском аэропорту. Но вот Роман с Олегом (Грета называла его «Хиггинс») постепенно растаял, и Грета потом удивлялась, как она могла увлечься этим скучным человеком.

Плохо, когда в семье одни женщины, когда не слышно мужского голоса, хотя бы даже и «рыка». Когда-то маленькая Грета просила меня «жениться» на ком-нибудь, чтобы у нас появился папа. Для детей, у которых нет папы, это трагедия, и, видимо, это обстоятельство как-то отражается на их психике. Как-то мы с Гретой, когда она уже была

в разводе с Виктором, пошли вместе на художественную выставку в Москве. Зал был небольшой, и в нем выставлены картины только одного художника. Меня привлекли картины, на которых было много света, солнца, ярких красок. Грета же, наоборот, смотрела на картины в мрачных темных тонах. Я её усиленно приглашала к «своим» светлым картинам, но безуспешно. Грета – немного художник, и темные краски, наверное, отражали её внутренние ощущения, связанные с безотцовским детством.

Наша Алиса-Кутасик после окончания в Любне школы, по настоянию меня и Марты приехала в Томск и поступила в Томский университет на исторический факультет. Одновременно с учебой работала там же в университете уборщицей, мыла по вечерам полы. На факультете почти одни девчонки, поэтому жениха она там себе не нашла. По окончании университета вернулась в Любню. Но там историки не нужны, и она устроилась на какую-то канцелярскую работу в одну из контор. Вскоре вышла замуж за Сережу – молодого футболиста. Родилась дочь Полина. Жизнь с Сережей протекала у Алисы скучно, неинтересно. Сережу интересовал только футбол. Какая у него была работа, я не знаю. А работа Алисы была мало оплачиваема. Грета устроила её «по благу» в аэропорт «Шереметьево» на какую-то более интересную и лучше оплачиваемую работу. Сообщение между Любней и Шереметьево автобусом за 10-15 минут. Новая работа Алисе понравилась, все время в окружении интересного народа. Мелькают летчики, элегантные стюардессы, иностранцы. Вскоре у неё произошло событие, которое резко изменило её дальнейшую жизнь. В комнату, где работала Алиса, стал часто заходить мужчина – тоже работник аэропорта. Он всегда внимательно смотрел на Алису. Заметив к себе такое внимание, Алиса спросила, чем это вызвано. На что он просто сказал, что хочет пригласить её на ужин. «Но у меня есть муж», - сказала Алиса. «А у меня есть жена», - ответил незнакомец. Не буду рассказывать, как дальше развивались события, так как могу напутать. Ведь я сама этого не видела, мне рассказала Грета. Ужин у Алисы состоялся в ресторане. Мужчина представился как Иосиф Тал – коренной житель Израиля. В Шереметьевском аэропорту он работает по контракту, являясь специалистом по самолетам. Потом были еще встречи, совместные ужины. Иосиф умный, добрый, внимательный, интересный собеседник. Алиса влюбилась. Да и как в такого не влюбиться? Она развелась с Сережей, Иосиф развелся со своей женой, съездив в Израиль. Зарегистрировали новый брак в Москве. Была свадьба.

Когда у Иосифа закончился срок контракта, новая семья уехала в Израиль. Дочку Полину Алиса взяла с собой. Сережа – отец Полины не возражал. Алиса и Полина изучили иврит и английский. Живут в большой прекрасной квартире, хотя хватает экзотики. Каждый день Алиса смывает с окон красный песок, который ветром наносит из ближайшей пустыни. Алиса и Иосиф – дружная пара. Алиса часто звонит нам в Томск по телефону. Голос тот же, не изменился. Как-то спросила: «Как звонит ваш дверной звонок? Как прежде, когда я жила у вас, или изменился?» Звонок у нас тот же, уже 55 лет, и он уже не звонит, а дребезжит. Постарел вместе с нами. Слышала голос Иосифа. Приятный баритон, говорит с акцентом. Усиленно приглашаем их к себе в гости. В последний раз Алиса рассказывала, что отдыхали с Иосифом на Мертвом море, жили в первом классе отеля. Всем, кто живет в этом отеле, продукты и мелкие необходимые вещи отпускаются в магазинах города бесплатно. Вот какой сервис! В Мертвом море концентрация соли – 30%, соль погубила в нем все живое – и растения, и животных. И в нем ничего не тонет.

Младшая дочь Греты Лера по окончании школы тоже приехала к нам в Томск и поступила в университет на физический факультет. Это было в 1980-х годах, когда Алиса тоже жила и училась в Томске. Проучившись полгода, Лера на каникулы уехала домой и в Томск не вернулась. Устроилась в Шереметьево на какую-то работу. Одновременно училась на курсах английского языка. Затем закончила там же, в аэропорту, школу стюардесс и начала летать на международных рейсах, в США, в европейские страны, в Египет. Там, «в облаках», она познакомилась со своим будущим мужем Борисом Смольниковым – тоже работником аэропорта. Теперь у них уже двое очаровательных

детей - дочка Даша (в этом году пошла в школу) и недавно родившийся сын Андрей. Лера пока перестала летать. А Боря продолжает летать. И Лера, и Боря заочно окончили какой-то московский институт. Живут в любви вместе с мамой Леры – Гретой.

Вспоминаю, когда Алиса и Лера жили у нас, в доме всегда было шумно. Иногда они ссорились. Спали на одной кровати и долго болтали и хихикали, прежде, чем уснуть. Я строжилась, угрожала ремнем. Ругала Леру за привычку сосать нижнюю губу. Эта привычка была у неё с раннего детства. Мы все отучали её от этого всякими способами. Алиса и Лера сердились на маленького Кириюшу за то, что ему больше доставалось от меня нежности и ласки. Ревновали, что я его больше люблю.

В 1972 году, когда мне было уже 69 лет, я снова пошла работать. Нет, не на стройку и не в проектный институт, а в библиотеку ТГУ гардеробщицей. Меня попросила об этом знакомая – зам. директора по хозяйству. Я согласилась поработать временно. Прельщала богатая библиотека, которой отныне я могла пользоваться. Кроме того, работа только в выходные дни. Вместо работы на время я «отмахала» семь лет. Зарплата была мизерной – 40 рублей, и конечно не она меня держала на этой работе. Я её не стеснялась, мне приятно было видеть молодые лица студентов. Тогда девчонки еще не были одеты сплошь в брюки (я не люблю на женщинах такую одежду).

Воспоминания не приходят, как развертывающийся рулон бумаги. Они всплывают отрывками, так я и пишу.

Когда я пошла на пенсию, то начала учиться шить легкое платье. Тряпки меня увлекали с детства. Кроить самостоятельно я не умела, но тогда в продаже появились немецкие журналы мод, в которых к каждому фасону была выкройка. Выкройки эти были настолько точны, что модель можно было выполнить без примерки. И я начала шить себе, дочерям, внукам.

Я с раннего детства обожаю кошек. Помню, когда мы жили в Богдановке, отец ловил на улице кошек и приносил мне. Я забиралась с головой под одеяло, прижав к себе кошку, гладила её, а она «хрумчала» (мурлыкала). Мне нравилось, когда кошка «хрумчала», это значило, что у неё хорошее настроение. У кошек, как у людей, характеры разные. Был период, когда я держала только рыжих котов или кошек. Дымчатых и разношерстных я не любила. Теперь я считаю, что «классическая» расцветка кошек – это черная и серополосная. Сейчас у нас живет черный кот Кузя. Имя дала ему Марта. Люблю его торчащие ушки и шаловливые передние лапки. Кузя – кот особенный, очень чистоплотный, ему не нужно ни песка, ни рваной бумаги. У него есть свой унитаз – ванночка для проявления фотографий. Спит Кузя у меня в ногах. Перед сном он пробирается к моему лицу, ткнет своим носом в мой нос, а затем устраивается спать в ногах, свертываясь калачиком. И так всегда. Когда я сажусь за обеденный стол, он прыгает мне на спину, слегка царапает ногтями, пробирается к плечам и укладывается, как воротник. Если я ем что-нибудь мясное, то он вытягивает нос, нюхает воздух, если запах для него «невкусный», отворачивает нос в сторону. Если ему не удастся запрыгнуть мне на спину, он забирается на колени и кладет голову на стол, вытянув шею. Никогда не просит еду голосом, а просто садится у своей чашки и ждет. К Марте Кузя менее расположен, хотя кормит его она. Когда я пишу или читаю, Кузя тут как тут. Запрыгивает на стол и растягивается перед книгой.

Про Кириюшу, Марту и Леню

Когда Кирилл учился в шестом классе, Марта купила ему химическую посуду – колбочки, пробирки, еще что-то. Он уже знал, что есть такая наука – химия и стал «химичить». Насыпал в кастрюльку все, что было под рукой: соль, сахар, муку, зубной порошок, наливал воду и выпаривал, размешивая, а потом смотрел, что в остатке. С седьмого класса, когда начались уроки химии, он увлекся химией серьезно. Выписали ему журнал «Химия и жизнь», покупал книги по химии в книжных магазинах. На помойках политехнического института и университета подбирал выброшенные химикаты и заставил

ими все полки в сарае. Провел в сарай электричество. Стал ходить на кафедру химии в университет, но чаще бывал в политехническом. Познакомился с зав. кафедрой химии профессором В.Д. Филимоновым, между ними завязалась дружба. На кафедре его всегда принимали приветливо, Кирюша показывал там свои опыты. В университете у него появился «шеф» - химик Р.А. Майер. Кирюшка пригласил его к нам в гости, показал свою лабораторию в сарае. И они тоже стали друзьями. Начал переписку с редакцией журнала «Химия и жизнь», получал оттуда одобрительные письма, но советовали ему все химикаты из сарая передать в школьную химлабораторию. Но его «лаборатория» до сих пор находится в сарае. Хорошо изучил таблицу Менделеева. На контрольных по химии получал от одноклассников потихоньку по классной «почте» задачки и быстренько их решал для них. Кирюша обожал отца, называл его «Ленчик». Отец тоже любил его.

В то время школьников возили по осени на сельхозработы на колхозные поля. В одну из таких поездок машина со школьниками столкнулась с каким-то лихачом, погибли два мальчика. В память о них около школы дети посадили две елочки, и они растут.

Руководительница класса у Кирюши была злая, крикливая, почти истеричка. Ребята звали её пренебрежительно «Вёрушка». Она могла порвать тетрадь ученика, если ей там что-то не понравилось, наорать на ребенка.

Когда Кирюша учился в восьмом классе, он участвовал в городской олимпиаде по химии и занял первое место. После городской олимпиады была областная, на которой Кирюша тоже занял первое место. Потом проводилась какая-то окружная олимпиада в Омске, и там внук тоже отличился, заняв также первое место. В Омске он познакомился с двумя мальчиками из Томска – Сашей Асташкевичем и Мишей Вайсбурдом. Они стали друзьями.

Дома Кирюша выращивал из какого-то химического раствора красивые кристаллы, носил их в школу. Выступал на конференции сельских учителей химии со своим докладом. Рассказывал, какие химикаты он употребляет для выращивания кристаллов. Ему аплодировали.

Нахваляю я тут Кирюшу, но, наверное, мало. Он большего заслуживает. Продолжал участвовать в олимпиадах. Ездил в Улан-Удэ, в Хабаровск, в Ташкент и другие города. Он продолжал показывать хорошие результаты. Побывал на Всесоюзной олимпиаде школьников по химии. В школе в честь его заслуг на олимпиадах устроили как-то линейку, где его поздравляли, подбрасывали вверх. В газете «Молодой ленинец» появилась о нем статья под названием «Богатство Кирислава Пушного». Накануне к нему в лабораторию-сарай приходил корреспондент и беседовал с ним. Мы об этом не знали, поэтому статья в газете про Кирюшу и его портрет там стали для нас неожиданностью. В классе ребята эту газету наклеили на стенд, подрисовали на портрете очки и усы и стали называть Кирюшу Менделеевым.

Примерно в 1985 году в нашей стране очень популярным стал кубик Рубика. Этот занимательный разноцветный кубик особенно заворожил нашу молодежь – школьников и студентов. Кубик состоял из отдельных подвижных маленьких кубиков (27 штук), соединенных между собой очень загадочным способом. «Прилетел» он к нам из Венгрии, где его изобрел талантливый инженер. Это была не просто игрушка, а задача-головоломка. Решить её мог не каждый. Кубики Рубика продавались у нас только в пунктах сбора макулатуры и тряпок. Кирюше, конечно, очень захотелось иметь такой волшебный кубик. Марта собрала в доме все наши поношенные пальто, платья, сдала их в пункт вторсырья и купила игрушку-головоломку. Кирюша начал его осваивать. Он разгадал его загадку, пользуясь материалами журнала «Наука и жизнь». Очень радовался и сделал в классе доклад. А кубик у нас сохранился до сих пор.

В классе у Кирюши друзей не было, там было больше девочек. Он дружил с мальчиками, с которыми познакомился на олимпиадах, - с Сашей и Мишей, которых я назвала, а также с Витей Терпуговым. Они собирались часто у нас, весело беседовали. Никто из них не курил. Отец Миши Вайсбурда - профессор политехнического института,

родители Вити Терпугова – преподаватели университета. Мама Саши Асташкевича, Анна Ефимовна Янковская, тоже работала в университете. Все мальчики одаренные, стремились к знаниям. Как-то, а это было в 1986 году, к нам пришел Миша Вайсбурд (это был мой любимец), и он рассказал о Чернобыльской трагедии, о которой узнал от отца. Официальные власти об этом еще молчали. Мы стали искать Чернобыль на географической карте, но не нашли. Вскоре это страшное событие стало известно всем.

Кирюшины друзья учились в разных школах Томска, но это не мешало их дружбе. Я могла бы о них писать много и все очень хорошее. Физически они были все хрупкие, спортом не занимались и потому мышц себе не накачали. Наиболее крепким из них был Витя Терпугов. Школу мальчики закончили в один год.

Миша Вайсбурд поступил учиться в Томский университет на факультет физики. Саша Асташкевич тоже поступил в ТГУ, Витя Терпугов махнул в Москву и там поступил в какой-то институт в Подмосковье. Кирюша по настоянию отца тоже поехал в Москву, чтобы поступить в МГУ. Я была категорически против. Доводов было много: ему будет очень трудно справляться с учебой и бытовыми делами, он физически слабый, характер очень мягкий, что он еще ребенок и т.д. И все это было правдой. Но Кирюша полетел в Москву (кажется, они полетели вместе с Витей Терпуговым), сдал документы в МГУ на химический факультет, выдержал вступительные экзамены. Химию, конечно, сдал на «отлично». Поступил. Перешел жить в «общагу», и это оказалось самым страшным. Я считала МГУ храмом науки и полагала, что и общежитие соответствует этому. Но там оказался если не настоящий притон в полном объеме, но что-то близкое этому. Там было позволено все. Когда Кирюша приехал на зимние каникулы, мы заметили, что он сильно изменился. На голове через лоб повязана лента с какой-то символикой, джинсы разрисованы цифрами, а самой плохое – Кирюша стал курить.

У нас опять собирались мальчики – Миша, Саша и Витя. Они по-прежнему весело общались. Теперь эти мальчики стали взрослыми мужчинами. Каждому за тридцать, каждый имеет семью, детей. Но для меня они так и остались мальчиками.

Наш Кирюша из Москвы писал подробные письма, об учебе, о том, что многих отчисляют, что ему это пока не грозит, что часто сидит без денег. Мы посылали ему посылки с продуктами, но по общежитским законам все съедалось коллективно. Так что Кирюше чаще всего вообще ничего не доставалось. И вот сессия в конце первого учебного года. Внук не сдал физику, и его отчислили. Сразу – повестка в призывной пункт военкомата. Марта мчится в Москву. Призывная комиссия военкомата признала Кирюшу негодным для службы в армии, определила в запас. Мы перекрестились! Кирюша приехал в Томск.

Это было время, когда в стране начало зарождаться предпринимательство. Бывший «шеф» Кирюши – химик из университета, Р.А. Майер бросил химию и уехал в Москву. Создал там какую-то фирму. Мы не настояли на том, чтобы Кирюша продолжил образование в Томске, его тянуло в Москву. Он вскоре туда уехал и восстановился в МГУ. В университете его радостно приветствовал преподаватель химии. Но интерес к учебе у Кирилослава пропал. Он видел, как вокруг многие стали зарабатывать хорошие деньги на предпринимательстве, даже его кумир Майер бросил свою научную карьеру ради предпринимательства. И Кирилослав бросил учебу, начал самостоятельную жизнь предпринимателя. Освоил компьютер, и он для него как книга-путеводитель. Один наш знакомый москвич сказал, что иногороднему студенту чтобы учиться в московском вузе нужно быть «бульдозером», уметь отталкивать всякую грязь, которая к нему липнет со всех сторон. Слабые ребята не выдерживают, - ломаются. Кирюшу сопровождали девушки – тоже бывшие студентки МГУ. Одна из них – Стела. В детстве она окончила художественную школу, начала рисовать иконы. Этим хорошо зарабатывала. Теперь она стала игуменьей-настоятельницей женского монастыря где-то под Москвой. Отреклась от мирской жизни. А ведь хотела стать химиком!

В Москве Кирилл много набил себе шишек. Но, слава Богу, он смог устоять в той сложной жизни вдали от дома, от родительского внимания. Теперь он работает в компьютерной фирме, которую он создал вместе с приятелем, и дела у них идут пока гладко. Но Москва есть Москва. Тревога за него не проходит. Он женился на Тане – тоже бывшей сокурснице по МГУ. Она после закончила медицинский институт и теперь работает стоматологом. У них замечательная дочка Катя. В прошлом году Кириша приезжал в Томск, привозил Катю. Девочка - чудо!

Сегодня 7 мая 2004 года. У Кириши день рождения. Ему исполнилось 34 года. А для меня он все равно мальчик. Про Таню – жену Кириши ничего не могу сказать, потому что видела её почти мельком. Знаю, что она умная женщина с твердым характером. У нас в Томске она еще не была. А Кириша работает на износ, без отпусков. Много курит и пьет пиво.

Судьба каждого из олимпиадных друзей Кириша сложилась по-разному, и это естественно. Благоразумнее поступили родители Миши и Саши, не отправив своих детей в Москву, а оставив рядом с собой. Миша, закончив университет, уехал в Израиль. Наверное, почву для этого ему подготовили родители. Женился там на девушке, тоже приехавшей из России. У них уже шестеро детей, кажется, девочек и мальчиков наполовину. Свою университетскую профессию он оставил и служит в синагоге. Теперь уже, наверное, имеет высокий духовный сан. Родители Миши живут в Томске, иногда мама навещает сына в Израиле.

Саша Асташкевич, закончив Томский университет, уехал в Америку. Удачно устроился там на работу. Был два раза женат (жен выбирал в Томске), оба раза неудачно. Жены, став американками, уходили от Саши. От второй жены у него маленький сын, который живет с матерью отдельно. По американским законам муж обязан содержать бывшую жену. Печальную историю про Сашину семейную жизнь мне рассказала его мама.

Витя Терпугов тоже живет в Америке. Это сильный, энергичный парень. Не нуждается в помощи родителей, любую преграду преодолет сам. Женился тоже на российской девушке. Купил себе дом и теперь стал настоящим американцем. Иногда встречается с Сашей Асташкевичем.

Марта с Леной прожили вместе только десять лет. Их расставание было полной неожиданностью и нелепостью с моей точки зрения. Леня мне был как сын. Он дарил мне книги с приятными надписями. Когда он завел вторую семью, то к нам продолжал ходить и считал наш дом своим родным домом. Во втором браке у него родилось двое детей. Леня умер от инфаркта в 1991 году. Ему было всего 48 лет. Для нас смерть Лени – большая печаль...

Мозаика впечатлений последних лет

А жизнь продолжается. Прошел праздник – День Победы. 59-ая годовщина. Я наслушалась замечательных песен военного времени. До чего они близки и дороги людям, пережившим тяготы военного времени!

Перебирая старые журналы «Огонек», я прочитала стихотворение из подборки Евгения Евтушенко. Стихотворение неизвестного поэта называется «Валенки». Вот оно:

*Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови ты на помощь людей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
И не плачь, не скули, словно маленький.
Ты не ранен. Ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки, -
Мне еще воевать предстоит».*

Страшное стихотворение! И не нужно комментариев. Яркий эпизод войны!

Я очень люблю фильм «Семнадцать мгновений весны». Могу смотреть его часто, и интерес к фильму не пропадает. Мне очень нравится музыка в этой картине, игра лучших наших актеров.

Вспоминаю, как по приемнику слушала запрещенный «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Его передавала западно-германская радиостанция «Свобода», которую усиленно глушили. Но все равно информация прорывалась.

В 1987 г. в Москве на Красную площадь на маленьком спортивном самолете приземлился германский 19-летний парень, пилот-любитель Матиус Руст. А наши генералы ПВО прозевали его. Потом они удивлялись мастерству этого очкастого парня. Наш суд приговорил его к четырем годам тюрьмы за хулиганство, но через полтора года его отпустили. Я была очень рада за него. Таких ребят не надо держать в тюрьмах.

Пора заканчивать свои воспоминания. Кажется, в основном рассказала обо всем. Хочу еще только сказать, что у меня есть подружка юности – Галя Соколова. Теперь мы с ней общаемся практически только по телефону. Созваниваемся почти каждый день. Когда разговариваем, как будто молодеем. У нас еще хватает оптимизма вспоминать смешное и смеяться. О мрачном стараемся не говорить. Разговаривая, мы то и дело задаем друг другу вопрос: «А помнишь?..» И всегда следует ответ: «Конечно, помню». И что интересно, - я помню то, что было 70-80 лет назад, а что было вчера, могу совершенно забыть. Лично мы встречаемся только на очередных наших юбилеях или, если удастся, просто на днях рождения. Отметим в прошлом году 18 сентября 90-летие Гали, в этом году, 27 января, – мое 91-летие. Друг к другу привозит нас на машине наш несравненный друг и соратник Георгий Васильевич Додэко.

Я прожила долго и конечно в жизни сделала много ошибок. Теперь обсуждаю их сама с собой. Оставшись одинокой в возрасте 28 лет, не устроила свою личную жизнь. Была очень разборчива. Для меня идеал мужчины – ум, интеллект, доброта и работающие руки. Всегда считала, что если таких качеств у него нет, то зачем он мне. Такие мужчины наверняка были, но мне не попались.

Своими дочерьми я довольна. Мне никогда не пришлось краснеть за них. Только вот жалею, что не родила и не вырастила сына. Я преклоняюсь перед сильной половиной человечества. Как бы ни воспевали поэты женщину, но все великое и прекрасное творят мужчины – в музыке, в живописи, поэзии, науке, литературе, архитектуре. Но вдохновляют их на это, наверное, все же женщины. Как поется в старинной песне:

*Я опускаюсь на дно морское,
Я поднимаюсь на облака.
Тебе отдам я все земное,
Ты только полюби меня.*

Еще в раннем детстве я прочитала в книгах сестры Нади стихотворение-балладу под названием «Белое покрывало». Автора я не знала, но драматичный сюжет врезался в память навсегда. Позднее я все время старалась найти это стихотворение, перечитать еще раз, но поскольку автора не знала, этого сделать не удалось. Но вот в день моего 90-летия мне прочитала эту балладу по телефону Алла Ручкина, которая заинтересовалась как-то моим рассказом и нашла стихотворение в библиотеке друзей. Теперь оно у меня есть. Его автор – Мориц Гафтман. Пересказывать его содержание не буду, его нужно прочитать самому!

2002-2004 гг.

Томск